

Льюис Френсис Зальцман

ЖИЗНЬ
АНГЛИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА

ЕВРАЗИЯ

КЛИО

Albertine
Randall
Wheelan

Salzman Louis Francis

ENGLISH LIFE
IN THE MIDDLE AGES

Oxford University Press
London
1926

Зальцман Льюис Френсис

ЖИЗНЬ АНГЛИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Санкт-Петербург
2014

ББК 63.3(0)4
УДК 95
325

Перевод с англ. *Рассадина С. А.*
Научный редактор: *к. и. н. Карачинский А. Ю.*

Зальцман Л. Ф.

325 Жизнь Англии в Средние века. Перевод с англ. Рассадиной С. А. — СПб.: Евразия, 2014. — 320 с.
ISBN 978-5-91852-092-5

Перед вами — книга о повседневной жизни в средневековой Англии, стране, всегда занимавшей особое место среди государств Западной Европы. Л. Ф. Зальцман, известный историк-медиевист, написал о самых значимых проблемах средневековой повседневности — домашнем быте, преступлении и наказании, войнах, путешествиях, болезнях, привычках и обычаях, гастрономических пристрастиях, архитектуре и науках. Прекрасный знаток средневековья, Л. Ф. Зальцман создал широкое и увлекательное полотно жизни средневекового англичанина, показав, как из века в век менялась окружающая его политико-экономическая и культурная атмосфера. Особенную живость и увлекательность книге придает умение автора излагать материал так, словно он пишет роман, а не историческое исследование. Благодаря исключительному дару рассказчика, присущему английскому историку, на страницах его книги словно живые встают действующие лица той эпохи — короли, рыцари, горожане и крестьяне, путешественники и монахи, стражники и разбойники. Автор приводит целую палитру персонажей средневековой эпохи в Англии — от Ричарда Львиное Сердце до Робина Гуда, — изучая их надежды и устремления.

ISBN 978-5-91852-092-5

© Рассадина С. А.,
перевод с англ., 2009
© Лосев П. П., оформление, 2014
© «Издательство «ЕВРАЗИЯ», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

При создании любой книги первая задача автора состоит в том, чтобы заинтересовать читателя, вторая его задача — до определённой степени удовлетворить возникший интерес, и третья задача — указать путь тем, кто захочет пойти дальше и приобрести более обширные познания. Работая над этой книгой, я старался не упускать из виду две первые задачи, тогда как последнюю отчасти сможет выполнить подобранная мною библиография.

Памятуя о том, что книга адресована в первую очередь школьникам и студентам, ещё не имеющим глубоких знаний об её предмете, я намеренно ограничивался описанием самых существенных черт того или иного феномена, стремясь сделать изложение как можно более простым и понятным. По той же причине, цитируя средневековых авторов, я, не колеблясь, исправлял написание слов на современное или вовсе заменял устаревшее слово его современным эквивалентом, если мне казалось, что текст первоисточника может стать камнем преткновения для непосвящённых. Приводимые в книге цитаты ценны для меня своим содержанием, и потому, на мой взгляд, гораздо важнее сделать так, чтобы был ясен их смысл, нежели, предъявив читателям точный текст первоисточника, предоставить им зачарованно глазеть на незнакомые сочетания гласных и согласных. Однако я был бы полностью счастливым человеком, если бы мне удалось побудить своих читателей обратиться к цитируемым текстам и самостоятельно поработать с ними. По-настоящему

ПРЕДИСЛОВИЕ

постичь жизнь средневекового общества можно только путём тщательного изучения великого множества спутанных и разрозненных следов, оставленных этой жизнью.

ВВЕДЕНИЕ

Незадолго до начала Первой мировой войны Редьярд Киплинг, говоря о рядовых солдатах, не пользовавшихся в то время благосклонностью широкой публики, утверждал, что они не «святые, вылепленные из гипса», но люди из плоти и крови, «до удивления похожие на нас». Средневековых людей принято изображать так, словно они были подобны тем святым или бесам, что высечены из камня на церковных фасадах; однако чем ближе мы знакомимся с жизнью Средних веков, тем отчётливее понимаем: они тоже были людьми из плоти и крови, до удивления похожими на нас. Эдуард I, «Величайший из Плантагенетов» и «Молот шотландцев», — изумительный король, но он предстаёт перед нами в новом свете, когда мы узнаём, что великий монарх покупал игрушки — ярко раскрашенный лук или маленькую повозку — для своих детей, либо откупался от придворных дам, которым удалось застичь его в постели утром на второй день Пасхи, или же когда мы читаем письма этого короля к своей матери и видим, что он точно так же добродушно и сердечно пошучивает, как иной раз шутим в письмах родным мы сами. Человеческая природа в Средние века была почти такой же, что и в наши дни; редко кто из нас сможет проявить себя во всём блеске, пока не позавтракает, и приятно прочесть у средневекового писателя XII века об одном из нормандских завоевателей Ирландии: «Сей муж был таков, что по утрам обыкновенно бывал брюзглив и раздражителен, тогда как после еды становился великодушен, весел, любезен и щедр со всеми».

Однако, хотя человеческая природа была почти такой же, условия жизни были совершенно иными, и если мы хотим понять своих предков, то нужно попытаться взглянуть на жизнь средневековой эпохи их собственными глазами. Наши представления о жизни, комфорте и морали разительно отличаются от средневековых — так мы обычно называем тысячелетний период от завоевания Британии саксами до царствования Генриха VIII* или, в более узком смысле, вторую половину данного периода. Даже на протяжении этих пяти веков культурные нормы и принципы во многом претерпели заметные изменения, и всё же, если рассматривать упомянутый период в целом, между Средними веками и современной эпохой пролегает чёткая грань, обозначенная переменами, произошедшими в XVI веке. Если мы хотим представить себе условия средневековой жизни, опираясь на наши знания о жизни современной, не стоит искать аналогий в нынешней Англии; скорее, следует обратить свой взор в сторону балканских стран, где жизнь во многих отношениях походит — или походила вплоть до последней войны** — на жизнь Англии XIV века.

Поскольку современный и средневековый стандарты жизни совершенно различны, нельзя говорить, будто бы один из них «выше» или «ниже» другого. Пусть в жилищах могущественных норманнских баронов не было «ванны (с холодной и горячей водой) и повседневных удобств», имеющихся сегодня в самых скромных

---

* Генрих VIII — английский король из династии Тюдоров (1509–1547) (Примеч. ред.).

** Речь идет о Первой мировой войне (1914–1918) (Примеч. ред.).

домах, однако из этого вовсе не следует, будто средневековые лорды жили убого: в их распоряжении были все те блага, какие они могли себе представить, и потому они так же точно купались в роскоши, как какой-нибудь современный миллионер, окружённый теми жизненными удобствами, какие уже может помыслить он; дело в том, что роскошь и даже комфорт познаются только в сравнении. Нам незачем печалиться о жизни своих предков; они не нуждаются в жалости. Жизнь одинакова во все времена: она комфортабельна для богатых и не столь комфортабельна для бедных, чьё чувство дискомфорта вызвано существованием притягательной, но недоступной для них роскоши; посему мы можем сказать, что наиболее комфортно люди живут при таком состоянии общества, когда различия между бедными и богатыми являются наименьшими, и подобное состояние скорее стоило бы искать в раннем Средневековье, нежели в нашем веке. Более того, благополучие и комфорт — это далеко не то же самое, что счастье, и если мы многого достигли в искусстве создания жизненных удобств, то вместе с тем утратили нечто в искусстве наслаждаться жизнью. Это естественно, поскольку в Средние века нация пребывала в юношеских летах, а радость так же пристала юности, как уют и покой — преклонному возрасту; скажем, в юности нас радуют простые удовольствия и даже некоторые неудобства жизни на лоне природы, тогда как с годами мы предпочитаем оставаться в унылом домашнем уюте, регулярно питаться привычной пищей, не имеющей романтического аромата лесного костра, и спокойно спать в постели, на которую не заползают уховёртки и под которой не вздымаются кротовые

кочки. Чем пристальнее мы будем вглядываться в средневековую Англию, тем больше будем склоняться к тому, чтобы представлять её юной, дерзкой и счастливой. Начнём с того, что страна играла яркими красками. Церкви пестрели витражами и настенными росписями, одеяния знати и богачей — как женщин, так и мужчин — смотрелись нарядно и живописно, и хотя крестьяне носили более практичные, коричневые и синие одежды, они обычно старались украсить свои капюшоны и платки вкраплением красного или другого яркого цвета. А кроме того, страна наполнилась песнями. Пусть англичане никогда так не увлекались музыкой, как валлийцы или ирландцы, и пусть жители юга страны даже в XII веке были менее музыкальны, чем северяне, всё же этот народ любил музыку; а где песня, там и танец, и нигде сельский танец не достиг такого расцвета, как в Англии. Фиц-Стефан, оставивший нам описание Лондона конца XII века, говорит о танцах на лугу, завершавших праздник, который был наполнен задором конных скачек, игр с мячом и шуточных турниров. В этом рассказе о праздничных толпах, гуляющих в Лондоне или, точнее, в его окрестностях, чувствуется наслаждение жизнью, и тот, кому жители нормандской Англии представляются угрюмыми варварами, может сравнить картину, нарисованную Фиц-Стефаном, с тем, что мы видим сегодня на Хампстед-Хит в дни больших праздников: «Ежегодно во вторник на масленой неделе школяры всё время от восхода солнца до полудня развлекаются, устраивая петушинные бои; после обеда вся молодёжь отправляется в поля играть в мяч. Школяры всех школ идут с мячами и битами в руках; почтенные состоятельные

горожане выезжают за город верхом, чтобы посмотреть на состязания молодых и доставить себе удовольствие, любуясь их ловкостью. Во время Великого поста каждую пятницу компания молодых людей отправляется верхом в поля, впереди всех скачет лучший наездник. Далее торжественно следуют сыновья горожан и прочая молодёжь с тупыми копьями и щитами, и там они демонстрируют воинское искусство. На пасхальной неделе устраиваются состязания на воде. Посреди реки укрепляют столб, на который вешают щит, и подготовив лодки без весел, отпускают их на волю стремительного течения; на носу лодки стоит юноша, чья задача — попасть копьём в щит. Если ему удаётся это сделать и, преломив копье о щит, удержаться в лодке, считается, что он совершил достойный подвиг. Тот же, кто не смог попасть в цель, со всего размаху налетает на щит, падает в воду, и его несёт мощное течение; но по обе стороны от щита дежурят две лодки с молодыми людьми, и те стараются как можно скорее вытащить упавшего. На мосту, на пристанях и в расположенных вдоль берега домах собирается множество людей, которые веселятся, глядя на это зрелище. В дни летних церковных праздников молодёжь развлекается скачками, танцами, состязается в стрельбе, в борьбе, в метании камней и испытывает свои щиты; многие девушки, взяв в руки бубны или тамбурины, лихо отплясывают под их звуки и танцуют до тех пор, пока не потемнеет в глазах». Четыре века спустя Джон Стоув писал о том, что ему доводилось видеть, «как в летнюю пору на Темзе иные, держа в руках длинные палки с плоским передним концом, стремительно неслись навстречу друг другу в лодках-гуари, и нередко

при столкновении один из них, а то и оба, падали в воду и промокали до нитки». Однако Средневековье уже отходило в прошлое, уступая место эпохе более степенной и рассудительной: Джон Стоув на старости лет с сожалением говорит о том, что «бывало, юноши этого города собирались в дни церковных праздников после вечерней молитвы у дверей своих господ, дабы поупражняться с дубинками и щитами, в то время как девушки, одна из которых аккомпанировала остальным на бубне или тамбурине, танцевали пред взором господ и дам среди гирлянд, протянутых над улицей; и коль скоро эти прилюдные развлечения времён моей юности подвергаются гонениям, стоит опасаться, как бы в покоях за закрытыми дверьми не творились куда худшие дела».

Но, тем не менее, мы не можем закрывать глаза на мрачные стороны средневековой жизни. Свиристествовали болезни. Малые и большие города не имели нормальной канализации, как и по сей день где-нибудь в Турции или на Балканах. Периодически страну опустошала чума, и ужасная «Чёрная смерть»*, выкосившая треть населения вплоть до того, что в ряде мест многочисленным выжившим оказывалось не под силу захоронить всех умерших, на деле была всего лишь самой страшной среди множества эпидемий. Из-за несовершенства личной гигиены весьма распространённым явлением были кожные заболевания, и каждый город имел собственный лепрозорий, находившийся за пределами городских стен, а по улицам бродили

---

* Чёрная смерть — эпидемия чумы, начавшаяся в Западной Европе в 1348–1349 гг.; в некоторых регионах от болезни скончалась примерно половина населения (Примеч. ред.).

в надежде на подаяние прокажённые, безостановочно гремевшие своими деревянными трещотками, чтобы предостеречь горожан от опасной встречи. Детская смертность, по всей вероятности, достигала ужасающих масштабов; и у Генриха III, и у Эдуарда I умерли во младенчестве, самое малое, пятеро детей, и хотя в семьях бедняков (которые не могли позволить себе пичкать детей вредными для здоровья роскошными яствами или нанимать докторов с их применявшимися из благих побуждений, но пагубными снадобьями) у малышей было больше шансов выжить, можно совершенно определённо сказать, что во всех слоях общества процент детей, умиравших в первые годы жизни, был очень высок. А среди тех, кому удавалось дожить до зрелых лет, из-за плохого питания и других причин было немало больных и увечных. В городах было полно этих несчастных, которые не могли работать и были обречены жить подаянием. Но хотя в ту эпоху не было ни лечебниц при работных домах, куда они могли бы обратиться, ни современной системы пособий по безработице и нетрудоспособности, удел беднейших из бедных в Средние века был все-таки не столь жесток, как в наши дни. Они могли сохранять чувство собственного достоинства, ибо бедность считалась несчастьем, а не преступлением, и любой средневековый человек был бы потрясён до глубины души, узнав, что можно заключить под стражу калеку или немощного старца за то, что он просит милостыню или живёт, «не имея видимых средств к существованию». Церковь и закон могли сурово пенять за безделье тем, кто жил подаянием, будучи при этом физически здоров («...ибо далёк от спасения тот, кто не приносит пользы миру

сему», — как сказал архиепископ Пекхэм, когда отлучал от Церкви ленивых валлийцев), но при всём при том, «заповеди милосердия», которым должны были следовать все истинные христиане, требовали накормить голодного и одеть нагого, а раздача милостыни была одной из главных обязанностей, вменявшихся Церковью. Даже столь мало преданный добрым делам человек, как король Иоанн Безземельный, на это не скупился: нам известно, что в Страстную пятницу 1203 года он выделил крупную сумму для того, чтобы накормить тысячу бедняков, а в мае следующего года повелел в течение месяца ежедневно выдавать хлеб и миску овсяной каши трём сотням лондонских нищих и ещё восемнадцати сотням обездоленных в других областях королевства. Эдуард I каждое воскресенье платил за пищу для 666 бедняков и в день семнадцатилетия своего сына накормил семнадцать сотен бедных.

Эти цифры дают некоторое представление о том, сколь многие бедняки нуждались до такой степени, что без помощи благотворителей не смогли бы не то что вести сносную жизнь, но и просто выжить. О них повествует автор «Видения о Петре Пахаре»:

Более всех нуждаются наши соседи, проявим же
к ним участие,
Заключённые в подземной темнице, батраки
в убогой хижине,
Обременённые оравой детей и необходимостью
платить ренту лендлорду.
Всё, что им удаётся выручить за счёт прядения,
чтобы было чем сдобрить кашу,
Молоко и грубую муку, чтобы накормить
младенцев,

ВВЕДЕНИЕ

Младенцев, которые постоянно кричат, требуя
пищи, —
Всё это они должны отдать в качестве арендной
платы за своё хозяйство;
Вечно и сами они голодают,
В скорби зимой поднимаясь по ночам
В тесной комнате баюкать люльку.
Сердце сжимается, когда представишь себе,
каково горе женщины из бедняцкой хижины,
Этой и многих других, горе, которое они
скрывают за видимостью благополучия,
Стыдясь просить милостыню, стыдясь поведать
соседям,
Как они нуждаются во всём денно и нощно.
Детей много, но всего лишь мужские руки есть
для того,
Чтобы одеть и прокормить их; несколько пенни —
вот весь доход,
И много ртов, чтобы проесть эти пенни.
Хлеб и жидкий эль — роскошное пиршество
для них,
Холодное мясо и холодная рыба — как жареная
дичь;
На фартинг мидий, на фартинг сердцевидок —
Вот для них пир в пятницу или в пост;
Было бы воистину милосердно помочь этим
людям, влачащим непосильное бремя,
Облегчить жизнь крестьянину, увечному
и слепому.

Помимо слепых, паралитиков и калек, обязанных своим несчастьем болезни или случаю, было немало людей, изувеченных по воле закона. В основе

средневекового законодательства, в особенности после нормандского завоевания*, лежал принцип жестокого возмездия, и если преступника не отправляли на виселицу, то надлежало отрубить ему ногу или руку, ослепить либо нанести другие увечья. В те времена жизнь ценилась невысоко и жестокость была почти что делом привычки. Духовенство непрестанно твердило о вечных адских муках, по справедливости уготованных отъявленным негодяям, женщинам, красившим лица, и мужчинам, не платившим церковную десятину; законники вешали и калечили людей за кражу нескольких шиллингов; Церковь и закон объединяли свои усилия, чтобы посылать на костёр еретиков; а когда и Церковь и закон оказывались бессильны (как во времена великой анархии после воцарения Стефана**, беспредел порождал такие ужасы, что «люди не таясь говорили, будто Христос и все святые крепко спят». Даже забавы той эпохи зачастую носили изуверский характер, подобно излюбленному развлечению — травле быков и медведей или игре школяров, метавших палки в привязанного петуха, не говоря уже о менее явной жестокости людей, дрессировавших медведей

---

* Нормандское завоевание — в 1066 г. герцог Нормандии Вильгельм, родственник англосаксонского короля Эдуарда Исповедника, вторгся с войском в Англию и, победив англосаксов в битве при Гастингсе (14 октября), стал королем Англии, основав англо-нормандскую династию (Примеч. ред.).

** Стефан Блуаский — король Англии в 1035—1054 гг. В правление Стефана между ним и его кузиной Матильдой (дочерью покойного короля Генриха I) началась борьба за корону, которая привела к политической анархии и ослаблению королевской власти (Примеч. ред.).

и других животных, чьи представления были весьма популярными в Средние века.

Но ни болезни, ни нищета, ни жестокость не могли погасить радости, и в Средние века было немало весельчаков. Чувство юмора играло немаловажную роль в средневековой жизни. Нередко это был юмор, рассчитанный на ребячливые, незрелые умы, им вдохновлялись грубые розыгрыши да непристойные истории. Одним из признаков подобной ребячливости был распространённый среди знатных господ обычай держать при своём дворе полоумных «дурачков» (в отличие от умных и независимых шутов), чтобы потешаться над их кривляньем и нелепыми речами. Проповедники время от времени возмущались обычаем превращать в посмешище эти «невинные души», «чудных шутов Господних», с которыми и поганые сарацины обращаются уважительно, ибо убогие находятся под особой защитой Господа. Один такой проповедник весьма прямолинейно говорил своим слушателям, что если они находят дураков занятыми, им лучше было бы купить зеркало. Тем не менее эта традиция просуществовала на протяжении всего Средневековья. Присущее народу чувство юмора можно оценить по тому, как оно проявлялось в прозвищах, которыми награждали друг друга средневековые англичане. До XIII века большинство населения не имело фамилий, переходивших по наследству от отца к сыну; человека называли по имени, данному при крещении, зачастую ради отличия добавляя к нему имя отца, — так уже в наши дни на Балканах половина мужчин носит имя Георгий сын Димитрия, а другая половина — Димитрий сын Георгия, что неизбежно приводит к путанице. Чтобы было легче понять,

о ком именно идёт речь, стали либо присоединять к имени человека название места, где он жил, либо указывать род его деятельности, либо же упоминать узнаваемые индивидуальные черты. Очень часто приметой служили черты внешнего облика, человек звался Длинным или Коротышкой, Смугляком или Рыжим; кроме того, могло обыгрываться его сходство с каким-либо животным: дюжий здоровяк получал прозвище Бык, а его противоположность — прозвище Мышонок. Однако нередко попадают прозвища, в которых чувствуется умение точно подметить характерные повадки или манеру речи — то самое остроумие, которым подчас славятся уличные мальчишки наших дней. Так, в XIII веке встречались имена вроде Уильям Тихий шаг, Уильям Босоног (он был внуком Филиппа Пятницы, как уже могли догадаться те, кто читал «Робинзон Крузо» и помнит про след на песке), Мейбл Ездовая собака, Джон Скрюченный хвост, Патрик Ощипанная курица, Алиса Вертишея (как видно, она непрерывно крутила головой), Свежее молоко (который, наверное, расхваливал свой товар на улицах) и Кислое молоко (который, по всей видимости, выдавал его за свежее), Отправляйся-в-постель и даже столь странное и романтическое имя, принадлежавшее одному нормандскому сеньору, как Господь-да-спасёт-дам.

Чувство юмора ещё более заметно проявлялось в средневековом искусстве. На полях богато изукрашенных книг мы находим множество гротескных рисунков: звери с человеческими головами, рыцари, атакующие друг друга на улитках, зайцы, подстреливающие собак, и обезьяны, выделяющие всевозможные кунштюки. Немало комических изображений

можно отыскать среди каменной и деревянной резьбы, украшавшей английские церкви, — немало сатирических или просто весёлых сюжетов, рождённых фантазией мастеров-резчиков. Простонародная литература тоже насыщена шутками, пусть не всегда остроумными и, на взгляд современного человека, подчас даже кощунственными, как в пародиях на Библию или на церковные богослужения. Однако средневековый человек сдобривал религию изрядной толикой веселья, не испытывая при этом замешательства: в «мираклях»*, предназначенных для того, чтобы в доступной форме обучать священной истории, порядком было грубого фарса, а примеры, которыми проповедники подкрепляли свои речи, очень часто бывали в большей степени забавными, чем поучительными. Однако вера наших предков была совершенно искренней, и, по-видимому, религия так тесно переплеталась с их жизнью, что никому просто не приходило в голову оберегать её от соприкосновения с шуткой. Даже в религии той эпохи многое свидетельствует о незрелом, полудетском складе ума, который, как мы видели, был свойствен Средневековью. С одной стороны — детская простота и буквальный характер верований, помогавшие средневековому человеку без недоумения принимать учение Церкви, с другой — не чуждая страха, детская любовь ко всему таинственному, побуждавшая наших предков видеть в каждом необычном происшествии чудесное проявление добрых или злых сил. Как

---

* Миракль (от лат. *miraculum* — чудо) — жанр средневековой религиозной драмы, в которой играли сюжеты из Библии, жизни святых и т. д. (Примеч. ред.).

следствие, средневековая литература изобилует историями о колдовстве и привидениях. Солидные хронисты, описывая великие битвы и деяния королей, будут рассказывать о человеке, который случайно попал на празднество фей и выкрал их золотую чашу, о водяном, пойманном у берегов Эссекса, о ведьме, чьё тело было унесено демонами из церкви, где оно покоилось, или о призраке нечестивого священника, что объявился в своём приходе и убивал всякого, кто отваживался повстречаться с ним.

До сих пор мы вели речь о душевном настрое жителей средневековой Англии, пытаюсь в самых общих чертах обрисовать их отношение к жизни. Однако необходимо также обратить внимание на то, как было устроено общество. Историческая эпоха не знала такого периода, когда все люди были бы равны, и потому, как только дело касается отдельных слоёв общества, приходится вносить соответствующие уточнения в общие суждения относительно условий жизни в то или иное время. Английское общество средневековой эпохи, по крайней мере после прихода нормандцев, можно сразу разделить на две половины: духовное сословие и сословие светское. Духовенство, которое теоретически должно было радеть о спасении души, видело своего земного главу в Папе, следовало собственным законодательным установлениям, имело собственные суды и отличало себя от светского сословия, подчинявшегося королю. Светское сословие мы можем разделить на три категории: знать, купечество и рабочий люд — и те же три категории выделить в духовном сословии, где это будут, соответственно, прелаты (епископы, влиятельные аббаты и приоры), «чёрное» духовенство

(монастырская и нищенствующая братия — профессионалы в деле религии) и рядовые приходские священники с капелланами.

Несмотря на явные отличия, границы между этими прослойками общества на деле были размытыми. Даже грань между духовным и светским сословиями не была чёткой. Одо, брат Вильгельма Завоевателя, являлся одновременно епископом Байё и эрлом Кентским, епископы Даремские не просто возглавляли свою епархию, но также считались лордами палатина-та Дарем, вследствие чего на одной стороне принадлежавших им печатей они изображались в епископском облачении, а на другой — на коне в полном доспехе. Автор XII века сетует на то, что прелаты стремятся подражать светской знати: «Клянётся ли в чем-либо рыцарь, вслед за ним так же поступает епископ, принося ещё куда более немислимые обеты. Соберётся ли рыцарь загнать дичь, епископ тоже должен отправиться на охоту. Похваляется ли первый своими ловчими птицами, и для другого они — единственная от-рада. Плечом к плечу верхом вступают они в сражение и бок о бок заседают в суде или в палате Шахматной доски*: школяры-приятели, ставшие собратями по должности и по оружию». На противоположном полюсе общественной иерархии — целая армия законников, судейских служащих и клерков, которые играли вспомогательную роль в жизни Церкви и потому пользовались привилегиями духовенства; однако они

---

* Палата Шахматной доски — финансовое ведомство в Англии в XI–XII вв., занимавшееся подсчетом доходов королевства. (Примеч. ред.)

занимались исключительно мирскими делами и не были обязаны давать обет безбрачия. Точно так же, несмотря на то что титулованная и мелкая знать («nobles» и «gentry») составляли особую землевладельческую военную аристократию, не существовало непреодолимой жёсткой границы между ними и купцами или йоменами: Англия не знала такого замкнутого в себе сословия, каким была во Франции, где все сыновья родовитого сеньора, а также их потомки, наследовали знатное достоинство и не имели права запятнать его трудом или участием в торговле. В Англии представители аристократических родов постоянно (и чем ближе к концу Средневековья, тем чаще) встречаются среди коммерсантов или же им приходится довольствоваться положением мелких фермеров, тогда как купцы достигают положения джентри и даже становятся пэрами Англии. Даже крестьяне, большинство из которых были прикованы к манору и фактически являлись собственностью своего господина (лорда), на деле находились в гораздо менее плачевном положении, чем может показаться, если принимать в расчёт не только формальную сторону вопроса. Хотя закон не предоставлял им никаких прав, кроме права на защиту их «жизни и членов» от лорда, они практически стояли на одном уровне со свободными людьми, то есть со всеми, за исключением своего господина, власть которого над крестьянами существенно ограничивалась силой обычая. Более того, хотя ограничения, налагаемые на свободу передвижения, а также необходимость отдавать своё время и труд были весьма обременительными для крестьян, их зависимое положение не было сопряжено с чувством унижения или оскорблённого достоинства.

ВВЕДЕНИЕ

Вольнолюбивый дух, побуждающий людей страстно желать свободы и бороться за её законодательное признание, овладел умами только после того, как эпоха Ренессанса дала новую жизнь философии и идеалам Древней Греции, положив конец по-детски невозмутимому согласию с наличным порядком вещей, которое было присуще Средневековью.

ГЛАВА 1

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

Фундаментом, на котором зиждилось средневековое общество, была земля. На протяжении нескольких веков после норманнского завоевания — в отличие от современной эпохи — безземельных людей почти не было, такие лишь изредка встречались в больших городах. Большинство жителей Англии имели непосредственное отношение к сельскому хозяйству и владели каким-либо участком земли. Это могли быть несколько огородных грядок у полуразвалившейся лачуги или тысячи акров, разбросанных по дюжине графств; участок мог быть получен за службу в чине маршала в королевской армии во время войны или в обмен на скромную службу пахаря либо возчика у кого-нибудь из местных сквайров, но в любом случае это была та доля английской земли, на которую хозяин мог со всей определённой указать как на свою собственную. Обычно владельцу крошечного надела даже меньше грозило лишиться своей земли, чем владельцу обширных поместий, вызывавших зависть у короля. Кроме того, у каждого клочка земли имелся свой лорд, верховным же лордом всех земель был король. Воробей, склевавший пшеничное зерно, мог таким образом похитить в зародыше будущий колос, которому надлежало пойти прямо в королевские закрома, но, что куда более вероятно, он мог ограбить Джона Доу, который был бедным арендатором сэра Жоффруа де Сея, получившего свои земли от графа

Суррея, который владел своими имениями по воле короля. Во втором случае, если бы Джон Доу сбежал или умер, не оставив наследников, клочок земли, на котором совершил своё злодеяние воробей, отошёл бы сэру Жоффруа, а если бы тот совершил преступление, караемое конфискацией земель, этот клочок перешёл бы к графу Суррея и, оказавшись сей владетельный господин замешан в подготовке мятежа, достался бы вместе со всеми его поместьями королю. Не станем задаваться вопросом о том, должен ли был при таких условиях наш добрый король послать своих стрелков сразить насмерть преступного воробья; мы лишь хотели показать, что почти каждый человек имел свою землю, у каждого участка земли был по меньшей мере один хозяин, а зачастую и несколько владельцев разного уровня, а надо всеми стоял король. Посмотрим, как сложилась эта система и какую роль она играла в жизни средневекового человека.

В быту первых обитателей Англии землепашество не имело особого значения. Они жили, в основном, за счёт охоты и переселялись из края в край, оседая на какое-то время в богатых дичью и пригодных для жизни местах. Там они ставили жилища наподобие вигвамов, которые служили кровом их родовой общине, и возводили вокруг этих жилищ земляной вал, частокол или какую-либо другую ограду. И поскольку люди не могут чувствовать себя хорошо, питаясь одним только мясом, часть окрестных земель обычно вспахивали примитивным плугом и засевали зерном, которому предстояло, созрев, быть собранным и истолчённым в муку работающими женскими руками, а затем эти же руки пекли из муки лепёшки, и всё это должно

было способствовать выживанию наиболее приспособленных. Из-за того, что год за годом один и тот же участок земли засевали тем же самым зерном, со временем урожай становился всё скуднее и скуднее. Когда же почва окончательно истощалась или когда в окрестных лесах переводилась дичь, деревню оставляли; члены родовой общины отправлялись на поиски нового пристанища и даже нескольких, если число людей увеличивалось настолько, что совместная жизнь становилась обременительной. О тех временах — и только о тех временах — можно сказать, что земля принадлежала народу; тогда не существовало частных прав на землю, поскольку не было частных лиц, способных предъявить их: жизнь вне сообщества — племени или рода — была практически немыслима, и, будь она даже притягательна, такая жизнь неминуемо оказалась бы очень краткой.

К тому времени, когда на территорию Британии пришли римляне, местное население уже было в большей степени оседлым и жизнь его была устроена несколько сложнее. Деревни стали крупнее, а их обитатели обзавелись личной собственностью, отчего им было уже не так просто, как прежде, переселиться на новое место, подобно рою пчёл, перелетающих в новый улей. Кое-кто из жителей теперь держал коров и свиней, что не только усложняло перемещение людей в другое место, но и в значительной мере способствовало возникновению представлений о частной собственности и о вступающих в противоречие правах на землю. Владелец скота имел в нём пищу, а также богатство; теперь у него было то, что он мог обменивать (стало быть, то, чем можно было торговать), однако

у него появлялись и дополнительные обязательства перед соседями. На неогороженных территориях скотина могла пастись, где ей заблагорассудится, но если животные, принадлежавшие тому или иному лицу, забредали в общественные хлеба или начисто выщипывали лучшую траву у реки, обрекая остальной скот на полуголодное существование, то это было чревато большими неприятностями для хозяина, если, конечно, его не защищал статус вождя или жреца. Так постепенно возникал обычай огораживать поля и лучшие луга, ограничивать количество скота, выгоняемого на такие луга одним хозяином, и отводить самые хорошие пастбища для личных нужд вождей и других влиятельных людей. Кроме того, поскольку население страны росло, а в сельском хозяйстве стал применяться более производительный плуг, запряжённый быками, среди деревенских жителей неминуемо должны были появиться лентяи, уклонявшиеся от работы на общественной земле. С этим пытались бороться, разделив поле на множество узких полос и закрепив несколько таких полос за каждым семейством, которое несло ответственность за то, чтобы земля была обработана подобающим образом. Поначалу весь урожай, собранный на таких полосках земли, по-прежнему являлся общинной собственностью, то есть принадлежал всей деревне, но обязанности всегда влекут за собой права, и наделы постепенно стали считаться собственностью тех, кто их обрабатывал, а зерно с каждого надела доставалось тому семейству, за которым он числился.

Когда Британию завоевали римляне, — а это был практичный народ с обширными познаниями в сельском хозяйстве, — они ввели свою собственную

систему. Ядром этой системы была вилла — большой сельский дом с хозяйственными постройками, окружённый полями, на которых трудились рабы. Отныне эти поля являлись частной собственностью фермера, а излишки урожая (то есть всё, что не уходило на содержание семьи), продавались — обычно в города, которые за годы римского правления заметно выросли. Однако система вилл была распространена только в центральных и южных областях Британии, и даже там обширные территории остались не затронуты ею, поэтому саксонские завоеватели, вторгшиеся в Британию в конце V века, ещё должны были застать прежнюю систему, когда большая часть земли обрабатывалась в виде больших полей, разделённых на узкие полосы. При саксах произошли важные перемены. Вместо того, чтобы год за годом выращивать урожай на одном большом поле вплоть до истощения почвы, а затем распахивать новый участок, теперь всю культивируемую землю (то есть землю, пригодную для пахоты) стали делить на две части, обрабатываемые попеременно через год; при такой системе половина земли всегда находилась под паром, отдыхая и восстанавливая своё плодородие, тогда как другая половина засеивалась и приносила урожай. В дальнейшем обрабатываемую землю стали делить на три части: каждый год одно поле оставляли под паром, на следующий год это поле засеивали пшеницей, ещё годом позже на нём сеяли овёс, ячмень или бобы с горохом, а затем вновь держали под паром. Эти две модели, называемые двухпольной и трёхпольной системами земледелия, продолжали почти повсеместно применяться в Англии на протяжении всего Средневековья.

Саксы пришли в Британию как завоеватели и поселенцы, их сопровождали жёны с детьми. Отняв у бритов землю, саксы поделили её между собой. У саксов было необычайно развито чувство родственных уз; в наши дни редкий англичанин сможет назвать имена своих троюродных сестёр и братьев, тогда как саксы даже на родственников седьмой степени смотрели как на членов семьи, за жизненное благополучие и благонравное поведение которых в какой-то степени несла ответственность вся родовая община. Поэтому жители каждого из новых поселений, возникавших по всей стране, являлись, как правило, представителями одной родовой группы, которая обычно включала в себя около двух десятков хозяйств. Саксы обустроились в завоёванной ими, и потому враждебной, стране, вследствие чего дома членов общины строились вблизи друг от друга под защитой частокола или иного укрепления; такое огороженное селение называлось «тун» (tun): в дальнейшем это слово стали использовать для обозначения более многочисленных поселений и от него произошло современное слово «город» (town), а в своём первоначальном значении оно сохранилось в виде окончания -тон (-ton), что характерно для названия многих местечек. Вокруг «туна» простирались обширные неогораживаемые поля, на которых, как мы уже знаем, поселенцы растили свой урожай, а также различной величины пастбища и лесные угодья. За каждым хозяйством был закреплен пахотный надел определённых размеров, считавшийся достаточным для прокормления домочадцев. Теоретически он составлял «гайду» (hide), или «землю плуга» — количество земли, которое можно было вспахать большим

плугом, запряжённым восемью быками, то есть порядка 120 акров*; однако вполне понятно, что существовали различные прослойки общества, и в то время как более влиятельные дома получали свои «земли плуга», очень многие вынуждены были довольствоваться половиной или четвертью этой меры. Какой бы ни была величина надела, он никогда не представлял собой единого участка, а состоял из полос, разбросанных по различным полям. Но вместе с тем эта земля находилась в полной собственности главы дома, которому она была выделена; правда, он распоряжался ею полновластно только как глава семейства, поскольку не мог ни продать надел, ни отказаться от него, ибо таким образом нарушил бы права семьи; после смерти главы дома принадлежавшая ему земля распределялась между его сыновьями.

Итак, мы проследили, как возникло частное землевладение. Однако очень большие участки земли ещё оставались свободными, и считалось, что они принадлежат «народу» вообще, хотя, по-видимому, никто не смог бы точно сказать, подразумевался ли в данном случае под «народом» клан, жители ближайшего «туна» или же любые люди, решившиеся заявить права на эту землю и обрабатывать её. Начальный период военной колонизации сменился периодом, когда поселенцы повсеместно заботились о том, чтобы упрочить свои позиции в пределах сложившихся границ; военные вожди превратились в королей, и короли с их «советами мудрых» (уитанагемотами) (куда входили воины, священники и старейшины), стали считаться

---

* 1 акр ≈ 4047 м². (Примеч. ред.)

представителями общества в целом. Земля, распределённая между поселенцами, оставалась в полной собственности тех семейств, которым она досталась, и за ней закрепилось наименование «фольклэнд» («земля народа»). Однако право распоряжаться свободной землёй отныне принадлежало королю и королевскому совету, которые и жаловали её частным лицам — обычно представителям знати или церковникам. Поскольку такой дар подтверждался письменной грамотой (book), пожалованные участка земли стали называться «бокленд» (букв. «земля грамоты»). Они считались абсолютной собственностью того, кому были подарены, так что владелец мог продать или подарить их кому-либо по своему усмотрению. Так рос класс землевладельцев, располагавших гораздо более обширными угодьями, чем это было необходимо для содержания семьи и слуг, и использовавших для обработки этой земли труд рабов или своих менее состоятельных соседей. Самые различные обстоятельства способствовали тому, что положение власть имущих всё более упрочивалось: бедняки искали у лендлордов защиты для себя и своих земель, короли препоручали им поддержание порядка и сбор налогов в определённых округах, и наконец, на территории частных имений росли новые деревни, жители которых получали землю только при условии работы в хозяйстве лендлорда. К середине XI века большинство английских деревень практически являлись собственностью лендлордов, которые владели подавляющей частью земельных угодий и имели широкие права на крестьянские земли и даже на самих крестьян.

Нормандцы застали Англию разделённой на виллы, каждая из которых состояла из нескольких домов,

окружённых общими полями, пастбищами, лесными угодьями и лугами; такая вилла служила административной единицей при отправлении правосудия и сборе налогов. К этой саксонской системе нормандцы добавили новый организационный элемент, принесённый ими из Нормандии, — манор. Как некогда саксы отняли землю у бриттов, так теперь Вильгельм Завоеватель присвоил всю английскую землю и роздал большую её часть знатым сеньорам и воинам, прибывшим вместе с ним из Франции. Они, в свою очередь, пожаловали имения своим друзьям и приверженцам, которые получали землю от дарителей точно так же, как те получали её от короля. Эти владения были организованы в форме маноров. В господском доме (manor-house) жил лорд, или его представитель, здесь же он содержал свой двор и вершил свой суд. В английском языке слово «court» имеет несколько значений: во-первых, оно может означать «двор при доме» — на территории господского имения находились не только апартаменты лорда, но и ферма, поэтому там почти всегда имелся внутренний двор, окружённый хозяйственными постройками; во-вторых, это слово может означать «двор короля или сеньора», так как лорд обладал практически королевской властью над своими подданными, — держателями земли. Но мне хотелось бы привлечь особое внимание к третьему значению слова «court» — «суд». Наличие собственного суда, посредством которого можно было управлять делами имения и карать преступления против установленного порядка, было одной из отличительных черт манора. Вокруг господского дома лежали огороженные поля, так называемые «личные земли» (demesne), которые лорд оставлял за

собой и которые обрабатывали для его нужд держатели и слуги, однако часть «личных земель» зачастую находилась на неогороженных полях среди полос, принадлежавших держателям. Остальная земля частично отдавалась в пользование «свободным держателям» — людям, которые в глазах закона были равны лорду и на деле могли быть лордами своих собственных маноров: обычно они платили денежную ренту и несли определённые повинности, важнейшей из которых было присутствие при дворе манора и на суде лорда.

Прочая земля — как правило, это была наибольшая часть поместья — раздавалась «несвободным держателям». Они не являлись рабами, и в то же время они в значительной степени были собственностью лорда, тот мог даже продать их вместе с земельным участком; и хотя «несвободные держатели», безусловно, распоряжались на земле как хозяева, тем не менее они были «прикованы» к земле, поскольку не могли покинуть свой надел без разрешения лорда. Эти «вилланы», то есть люди из «виллы», получали в пользование в среднем от 15 до 40 акров земли и должны были в качестве платы работать на «личных землях» лорда. Теоретически их было можно в любой момент согнать с их надела или принудить к бессрочной работе на господина, однако на практике уже в самый ранний период, о котором у нас имеются подробные сведения, — в XII веке — барщина регламентировалась обычаем (отчего вилланов повсеместно называли «держателями по обычаю»), и пока вилланы выполняли свои обязательства, они почти не подвергались риску быть изгнанными. Рядовой виллан должен был трудиться на своего лорда два или три дня в неделю, выполняя любую необходимую работу:

от него могли потребовать в течение дня вспахать или пробороновать несколько акров земли, сжать акр зерна, скосить акр травы, обмолотить два бушеля* пшеницы или четыре бушеля ячменя. Виллана также могли заставить возить навоз и разбрасывать его по полю, собирать тростник для кровли, доставлять соль из приморских областей или отвозить на рынок продукцию фермы. Тамплиеры обязали держателей в одном из своих кентских маноров завялить и засолить 5 000 сельдей, а монахи аббатства Баттл, купив ткань на большой Винчестерской ярмарке, приказали доставить её в аббатство вилланам из своего манора Эпплдрам, находившегося на полпути между Винчестером и Баттлом. В дополнение к обычным еженедельным повинностям от виллана иногда требовалась сверхурочная работа, особенно во время сбора урожая. Было очень важно убрать хлеб за то время, пока стояла хорошая погода, — настолько важно, что Церковь даже разрешала работать по воскресеньям, — поэтому вилланам зачастую приходилось трудиться на барщине лишние дни, чтобы успеть сжать хлеб, связать его в снопы и вывезти с поля. Лорды до некоторой степени признавали, что эта сверхурочная работа выполняется по доброй воле держателей, поскольку тех попросили об одолжении, ибо требовать такой услуги господина не имели права; вот почему подобную работу называли не иначе как «благодеением» или даже «милостивым благодеением», а жатву по просьбе обозначали словом *«bederipe»*, которое буквально переводится как «богоугодная жатва» (здесь можно

---

* Бушель — мера объема жидкостей и сыпучих тел в Англии. Один бушель равен 36,3687 литров. (Примеч. ред.)

вспомнить, что Тюдоры*, вымогая ссуды, точно так же именовали их «добровольными дарами»). «Красивыми словами горох не сдобришь», — говаривали наши предки, и можно думать, что крестьянам было совершенно безразлично, как именовался их труд, однако их не оставляло равнодушными обильное угощение, по обычаю выставлявшееся работникам во время уборки урожая: хлеб, сыр, говядина, или по меньшей мере селёдка, и море эля (правда, один скаредный лендлорд из Бедфордшира сэкономил на эле, устроив «жатву с водой», да и «голодные жатвы» не были редкостью).

Может показаться, что у виллана, обременённого таким грузом обязанностей в хозяйстве лорда, не было времени для обработки собственного участка. Однако вполне вероятно, что лорд далеко не всегда требовал исполнения всех повинностей, к тому же даже полный рабочий день виллана, по-видимому, оканчивался в три часа пополудни, так что у него оставалось какое-то время, чтобы заняться своими делами (хотя для этого уже почти не оставалось сил, ведь работать он начинал с рассветом). Однако большинство вилланов имели жену и детей или младших братьев, на чью помощь можно было рассчитывать. Кроме того, почти с самого начала существования манориальной системы установился обычай откупаться от барщины деньгами: виллан мог частично или полностью освободиться от трудовой повинности, заплатив 1 или 2 пенни за день; в этом случае лорд нанимал работников. Это позволяло виллану распоряжаться своим временем, не опасаясь,

---

* Тюдоры — династия английских королей, правивших в 1485–1603 гг. (Примеч. ред.)

что он внезапно понадобится господину; подобный вариант устраивал и лорда: ведь он мог обеспечить себя рабочей силой именно тогда, когда особенно нуждался в ней, тем более что наёмные работники, пожалуй, трудились более усердно, чем приневоленные к барщине вилланы; и наконец, этот обычай был благом для беднейших жителей манора — батраков (*cottagers*), у которых появлялась возможность заработать. В итоге к середине XIV века большинство принудительных работ (за исключением уборки урожая, имевшей первостепенное значение) было заменено денежным оброком. На то время пришлась ужасающая эпидемия «чёрной смерти» 1349 года, выкосившая треть населения Англии; рабочие руки стали редкостью, и некоторые лорды попытались восстановить прежнюю трудовую повинность, что послужило одной из причин крестьянского восстания в 1381 году*. Несмотря на то что восстание потерпело поражение, вернуться к старой системе взаимоотношений оказалось невозможно: если даже тогда, когда подневольный труд считался неотъемлемой частью естественного порядка вещей, он был слишком обременительным и выполнялся с большой неохотой, то тем большим злом он должен был казаться, когда в нём стали усматривать ещё и несправедливость. Поэтому принудительный труд постепенно уступал место денежным обязательствам, и хотя на исходе Средних веков большая часть земли

---

* В ходе восстания 1381 г. крестьяне под предводительством Уота Тайлера заняли Лондон и заставили короля Ричарда II пойти на значительные уступки. Однако во время переговоров Уот Тайлер был убит, участников восстания уговорили разойтись по домам и разбили поодиночке. (Примеч. ред.)

считалась отданной в пользование на условиях «вилленажа», а держателей по-прежнему называли «держателями по обычаю», различия между свободными и несвободными практически сошли на нет.

Если некто покупал или получал по наследству земельный участок, на который распространялось действие манориальных обычаев, он должен был явиться в суд манора, принести клятву верности лорду и заплатить пеню (как правило, ренту за два года); в подтверждение того, что хозяин данного участка выполнил эти требования и стал считаться держателем, делалась соответствующая запись в пергаментном свитке протоколов манориального суда, а копия такого документа вручалась держателю, который отныне именовался владеющим землёй на основании копии судебного свитка (*copy of court roll*), то есть «копигольдером» (*copyholder*), а его владение — «копигольдом» (*copyhold*). Такие копигольды существовали вплоть до недавнего времени*, хотя с каждым годом их становилось всё меньше. Подчас копигольдное землевладение оказывалось весьма болезненным пережитком минувших времён, поскольку, например, частным следствием этого вида арендных отношений было право лорда получить после смерти копигольдера его «лучшую скотину» (*best beast*) в качестве *heriot* (особый род дани, причитавшейся владельцу поместья в связи с кончиной держателя), и могло случиться так, что после смерти человека, увлекавшегося скачками, его лучшая скаковая лошадь досталась бы лорду только по

---

* Копигольды были отменены Законом о земельной собственности 1925 г.

той причине, что покойный имел копигольд — убогую лачугу с парой капустных грядок — в некоем маноре. Невезучим наследникам скончавшегося копигольда пришлось бы либо примириться с потерей, либо выкупить скакуна за сумму, во много раз превышавшую стоимость злополучного копигольда.

Коль скоро речь зашла о наследниках, следует сказать несколько слов о порядке передачи земли по наследству. Естественно было бы после смерти владельца земельного участка поделить собственность между его детьми, точнее, раз речь идёт о Средневековье, между его сыновьями, поскольку в те давние времена дочери не считались достойными наследства. Так нередко делали в глубокой древности, и так даже в наши дни поступают в графстве Кент, где сохранился особый юридический термин *gavelkind*, означающий равный раздел земельной собственности между сыновьями покойного при отсутствии завещания. В других же местах, за редким исключением, возобладал обычай, по которому всю землю наследовал старший сын, и примерно к концу XII века этот несправедливый обычай был закреплён законом. Это произошло отчасти потому, что в прежние времена семьи были, как правило, многодетными и при разделе собственности между сыновьями из поколения в поколение солидное имение вскоре оказывалось раздробленным на множество мизерных участков, не способных стать основой семейного благосостояния; однако была и другая, более существенная, причина: в системе феодов*

---

* Феод (нем. «лен», фр. «фьеф») — земельное пожалование, постепенно ставшее наследственным. (Примеч. ред.)

и маноров держатели обязаны были нести определённые повинности в пользу своего господина, и если тот мог легко обеспечить выполнение этих повинностей одним держателем, то было почти невозможно добиться, чтобы их выполняли по частям две дюжины потомков первоначального владельца земли. Нет никаких сомнений в том, что «право первородства» — передача земли по наследству старшему сыну — было закреплено законом в интересах лордов: ведь к моменту смерти отца старший из сыновей должен был уже достичь того возраста, когда на него можно было возложить исполнение всех повинностей. Принятое же в некоторых областях страны обратное правило, согласно которому землю наследовал младший сын, было, с точки зрения самих держателей, совершенно оправданным, поскольку младший сын очень часто оставался жить с родителями, тогда как старшие сыновья обзаводились собственным хозяйством. Что же касается наследников женского пола, то здесь по какой-то причине сохранял силу принцип равных прав: когда в семье были только дочери, отцовское поместье делилось между ними строго поровну — настолько строго, что если на участке стоял один-единственный жилой дом, то каждая из сестёр получала в нём определённые помещения. Это правило предполагало некоторые исключения; например, если в поместье был замок, то он полностью доставался одной из наследниц, ибо с точки зрения безопасности неблагоразумно было препоручать цитадель нескольким владельцам. Точно так же, когда в 1291 году шотландский престол стал предметом раздора между отпрысками трёх сонаследниц (дочерей брата последнего короля), было решено, что

королевство не подлежит разделу. На практике закон передачи земельной собственности старшему сыну несколько смягчался тем, что скот, деньги и прочее принадлежавшее покойному имуществу могли быть распределены между остальными сыновьями. И зачастую старший брат выражал готовность отдать младшим братьям часть своей земли в обмен на их скот.

Другой компромисс подобного рода стал основой важных перемен в структуре сельского хозяйства. Земельные владения держателей, как мы уже говорили, в большинстве своём состояли из небольших полос, рассредоточенных по неогороженным полям манора. Но постепенно во многих областях страны держатели стали обменивать одиночные полосы на те, что примыкали к их землям, сколачивая таким путём монолитные участки, со временем превратившиеся в отдельные огороженные поля. Вместе с тем в XV веке и в начале XVI века, когда стала остро ощущаться нехватка рабочей силы, а шерсть заметно поднялась в цене, многие лорды сочли чрезвычайно выгодным отказаться от выращивания хлеба и огородить как можно большие пространства под пастбища для овец, согнав с земли крестьян, ставших ненужными в роли пахарей, жнецов и молотильщиков. «И вот овцы, которые так кротки и послушны и которых так просто прокормить, — говорит Томас Мор*, — оказались столь ненасытны и столь ужасны, что сжевали и поглотили самих-таки людей. Они пожрали, разорили,

---

* Томас Мор (1478–1535) — английский писатель и государственный деятель, приверженец утопических идей. Написал диалог «Утопия», где изобразил общество, где царит всеобщее равенство. (Примеч. ред.)

уничтожили целые поля, усадьбы и селения. Ведь только взгляните, в тех областях королевства, где шерсть у овец хороша и потому ценится дорого, знатные господа, богачи и даже некоторые аббаты — без сомнения, святые люди — не довольствуясь ежегодными доходами и обычной прибылью, чего не бывало при их предках и бывших владельцах этих угодий, совсем не оставляют земли под пашню; они сносят дома, они разрушают города, не щадя ни одного строения, кроме разве что церкви, в которой потом устраивают загон для овец. И вот один алчный и ненасытный баклан, истинная чума своих родных мест, может огородить много сотен акров единым забором или живой изгородью, не гнушаясь потеснить других хозяев, выселить их обманом либо грубой силою или же, чиня обиды и несправедливости, довести до того, что несчастные согласятся продать всё. Понуждаемые всеми правдами и неправдами, обездоленные должны покидать те края: мужчины и женщины, мужья и жёны, сироты, вдовы, безутешные матери с младенцами — вместе со всем своим хозяйством, небогатым, но многолюдным, ведь нужно много рук, чтобы обрабатывать землю... Теперь же достаточно одного пастуха или овчара, чтобы скот мог объесть все те земли, для возделывания которых требовалось так много работников».

Давайте посмотрим, как выглядел типичный манор во времена раннего и позднего Средневековья — скажем, в 1066 и в 1566 годах. В первом случае нашему взору предстали бы обширные распаханые поля, одни из которых лежали вокруг господской усадьбы, другие — в трёх больших секторах вокруг деревни. На полях мы увидели бы около полусотни человек, занятых

сельскохозяйственным трудом: пашущих, боронящих, сеющих, копающих и выполняющих всякую другую работу, а на общинном выгоне — несколько коров, пасущихся под присмотром паренька, да небольшое стадо овец, за которым приглядывают два пастуха. Пять веков спустя коровы и овцы на общественном выгоне щипали траву, как и прежде, однако окрест господской усадьбы мы увидели бы обнесённые живой изгородью зелёные поля, где пасся различный скот, — в основном, овцы; что же касается деревни, то теперь она окружена множеством небольших полей, которые отделены друг от друга живыми изгородями и среди которых заметно выделяются участки, разбитые на полосы лентами нетронутого дёрна, — последние остатки общинных полей, многие из которых были превращены в пастбища для овец; к тому же на полях теперь работали не более двух десятков человек. Сама деревня тоже разительно изменилась: поначалу это было несколько стоявших рядом хижин, подобных тем, какие сейчас местами можно увидеть в Ирландии, — одноэтажных построек с глинобитными стенами и соломенной крышей. Жилище состояло из одного-единственного помещения, дверь которого вела прямо на улицу и которую всегда оставляли открытой, чтобы свиньи и цыплята могли беспрепятственно ходить туда-обратно и чтобы в дом проникал свет. Окна, если таковые имелись, были незастеклёнными, но могли закрываться деревянными ставнями. Зимой на земляном полу посреди хижины разводили огонь, и дым выходил через окна и через дверь, хотя гораздо более вероятно, что он не уходил никуда; впрочем, это не так уж и страшно, потому как здоровый дух горящей древесины, от которого,

правда, слезились глаза, перебивал гораздо более неприятные бытовые запахи. Все хижины походили одна на другую, и даже господский дом, хотя он и состоял из трёх-четырёх комнат, сегодня, пожалуй, был бы признан инспектором от совета графства непригодным для жилья. В XVI веке такие лачуги ещё встречались кое-где, однако многие дома были построены из дерева или даже из кирпича и оштукатурены. Дома стали двухэтажными, теперь в них было несколько отдельных комнат, а во многих окнах блестело стекло. К тому же теперь дома сильнее отличались друг от друга: одно дело — убогая лачуга бедняка, и совсем другое — дом при ферме, имеющий камин с дымоходом, пусть даже старшее поколение ещё пренебрежительно смотрело на эти удобства как на новомодные излишества. Нетрудно понять, что мы перенеслись из века общинной жизни в век индивидуализма, из той эпохи, когда лишь очень немногие жили лучше своих соседей, в эпоху большего неравенства, в условиях которого одна половина деревни работала на другую.

В прежние времена готовили почти всегда на улице, по крайней мере летом, причём на открытом огне, на котором можно было жарить и варить любую пищу, но почти нельзя было печь. Поэтому лорд манора обычно строил общественную пекарню, где держатели могли за небольшую плату испечь хлеб. Со стороны лорда устройство пекарни не было чистой благотворительностью: она служила неплохим источником дохода, поскольку лорд не только позволял вилланам пользоваться своими печами, но и принуждал их к этому (правда, стоит отметить, что в Англии подобный обычай исчез раньше, чем во Франции, где крестьяне

протестовали против него ещё в эпоху Великой французской революции). Точно так же лорд принуждал своих арендаторов молоть зерно на его мельнице, и мы знаем, например, что причиной серьёзного конфликта между аббатом монастыря св. Альбана и его держателями стало то, что аббат отказался позволить им пользоваться в домашнем хозяйстве ручными мельницами. Аббату удалось отстоять свои интересы, и в знак победы он вымостил двор каменными жерновами, конфискованными у провинившихся. (Этот памятник господской власти был разрушен восставшими горожанами во время событий 1381 года.) Первые мельницы приводились в движение водой (ветряные мельницы были практически неизвестны в Англии до начала XIII века), отчего реки и ручьи играли в жизни людей наиважнейшую роль. Наряду с этим, реки и ручьи служили источником воды и пропитания; в частности, в них водились угри, которых в Средние века ели в большом количестве. С хозяином мельницы расплачивались натурой, то есть отдавали ему определённую часть привезённого для помола зерна, мельники же были печально известны своей жадностью и склонностью к воровству. В протоколах манориальных судов часто фигурируют мельники, бравшие больше положенной им доли; вороватые мельники многократно встречаются и в народной литературе Средних веков. Чосер, рассказывая о мельнике, оказавшемся среди кентерберийских паломников, говорит, что тот «ловко крал зерно и получал тройную прибыль», а о мельнике из Трампингтона — что тот был «вор, промышлявший зерном и мукой, превеликий ловкач, не упускавший случая украсть».

Пока что мы ничего не сказали о такой важной составляющей сельской жизни, как Церковь. (Духовной роли Церкви далее будет посвящена пятая глава.) В Средние века, в отличие от последующих эпох, не делали различия между религией и повседневностью; в те времена деревенская церковь была центром общественной жизни крестьян, подобно тому как господская усадьба была центром их трудовой жизни. Церковь служила олицетворением равенства перед Богом, равенства в будущей жизни, что отчасти смягчало тяготы неравенства перед законом в жизни земной. Церковь представляла собой единственную силу, способную встать между королём и знатью, а по временам также — между знатными господами и их бедными подданными. Церковь была местом сходов, на которых обсуждались текущие дела деревни, зачастую церковь выполняла роль банка или сокровищницы, где прихожане хранили свои документы и сбережения, не надеясь надёжно укрыть их в собственных домах; в церкви же хранился небольшой фонд для предоставления ссуд или безвозмездной помощи тем, кого подкосила болезнь или одолели невзгоды. С церковью были связаны выходные дни трудящегося люда, ведь они приходились на церковные праздники, на дни чествования святых, и некоторые из этих дней — прежде всего день того святого, которому была посвящена местная церковь, — отмечались всенародным пиршеством и весёлым гуляньем в церкви и на церковном дворе. В подобные дни разбивали палатки для торговли едой, напитками и другими соблазнами, и этот обычай послужил одной из причин возникновения ярмарок. Англичане всегда были любителями поесть и мастерами

выпить, и как сегодня мы с радостью устраиваем торжественный обед, если нужно отметить значимое событие, воздать почести заслуженному человеку или собрать средства для каких бы то ни было целей, точно так же и наши предки в Средние века отдавали долг памяти своим святым праздничным гуляньем и собирали деньги на нужды церкви, организуя дни «церковного эля». Торжества, носившие это название, обычно были приурочены к Пасхе или Троице, к этому времени церковные старосты варили из принесённого прихожанами солода огромное количество эля и, когда наступал установленный день, продавали его с большой выгодой. По существу, «церковный эль» мало отличается от знакомых нам праздников с киосками, набитыми лакомствами и прохладительными напитками и церковными благотворительными базарами, где милейшие дамы покупают ими же принесённые пироги, вот только средневековый обычай сопровождался куда большим весельем. Пуританин елизаветинских времён писал об этой традиции, ещё сохранявшейся в его дни: «Вот как это происходит. В некоторых городах, пребывающих во власти разнузданного Бахуса, в канун Рождества, Пасхи, Троицы или же к иному дню церковные старосты всех приходов со всеобщего одобрения заготавливают десять фунтов или двадцать кварт солода: часть они выкупают из церковных запасов, а часть им приносят сами прихожане, каждый из которых даёт сколько-нибудь сообразно своим возможностям; из этого солода готовят очень крепкий эль, выставлемый затем на продажу в церкви или в другом отведённом для сего месте. Когда же откупают бочки с этим ядрёным напитком, называемым

«huf-sar» (букв. «пылающая чаша»), все стремятся как можно быстрее подобраться к нему и потратить на него как можно больше денег, поскольку считается, что тот, кто сидит ближе всех и тратит больше всех, и есть самый благочестивый человек; тот же, кто, будучи стеснён бедностью или по иной причине, не проявляет усердия в питии, считается лишённым добродетели и благочестия. И вот многие бедняки, так же как и вы, в поте лица зарабатывающие свои гроши, тратят их на церковный эль, ибо преисполнены уверенности в том, что это достойное хвалы и угодное Господу дело».

Слуги лорда не замедлили последовать примеру служителей Церкви: главные управляющие (*stewards*) и бальифы (*bailiffs*) устраивали «податные эли». Во время уборки урожая они обходили округу, принуждая крестьян отдавать часть зерна из своих скудных запасов для приготовления солода и затем, наварив из этого солода эль, обязывали жителей деревни покупать его. Против «податных элей» издавались специальные законы, но безуспешно. Рассказывая о жизни средневекового крестьянина, всегда следует иметь в виду присутствие в маноре мелких управителей, способных сделать жизнь труженика невыносимой. Выходцы из крестьянской среды, на короткий срок получившие власть над своими собратьями, эти люди, подобно сержантам в армии или старостам в школе, могли доставлять подчинённым многочисленные неприятности, несмотря на то что старшие управители и хозяева старались строго следить за ними. Когда Эдуард I* в начале своего царствования повелел собрать

---

* Эдуард I — английский король в 1272–1307 гг. (Примеч. ред.)

сведения о положении дел в государстве, отчёты из всех областей страны были полны жалоб на бальифов и других управителей: в основном речь шла о том, что они угрозами вымогают деньги, но подчас и о том, что они противозаконно бросают людей в тюрьму и подвергают невиновных пыткам; так, в Йоркшире бальиф эрла Линкольна «во множестве творил насилие, разбой и несправедливостей учинил немислимо», а по приказу управляющего эрла Уоренна вершились «бесчисленные дьявольские притеснения».

Главный управляющий имением (*steward*) был представителем лорда, и обычно ему были вверены несколько маноров. Главному управляющему надлежало вершить суд, и потому он непременно вынужден был разбираться в законах; кроме того, именно он был обязан знать, сколько должен производить каждый манор, и в целом блюсти интересы своего господина. Затем шёл бальиф — управляющий фермой, который должен был обладать хорошими познаниями в сельском хозяйстве, чтобы не ждать по каждому поводу распоряжений лорда или главного управляющего. Бальиф надзирал за работами в манориальном хозяйстве и присматривал за другими слугами. В числе слуг были: «сенной сторож», отвечавший за сохранность лугов, живых изгородей и лесов, старшина косцов, пастух, ходивший за коровами, свинопас, овчар, молочница, смотревшая также за птицей, и, наконец, самое главное лицо — управляющий-надсмотрщик (*reeve*). Этот управляющий, которого избирали из своих рядов сами крестьяне, непосредственно ведал всеми хозяйственными работами, поэтому его обязанности отчасти совпадали с обязанностями бальифа.

Управляющий-надсмотрщик должен был следить за тем, чтобы работники поднялись рано утром и вовремя впрягли быков в плуги, чтобы скотина получала должный уход, чтобы зерно было обмолочено как следует и ни толики его не было украдено, чтобы женщины, работающие молочницами, не воровали сыр и масло и чтобы пастухи не шатались по кабакам да по ярмаркам и ристалищам. Норфолкский управляющий, замыкающий в «Кентерберийских рассказах» Д. Чосера вереницу паломников, досконально знал своё дело:

Он мог решать сложнейшие вопросы:

Какой погоды ждать? И в дождь иль в зной

С земли возможен урожай какой?

Хозяйский скот, коровни и овчарни,

Конюшни, птичник, огород, свинарни

Управляющего под началом были.

Вилланов сотни у него служили.

Он никогда не попадал впросак.

Пастух ли, староста, слуга ль, батрак —

Всех видел он насквозь, любые плутни

Мог разгадать, лентяи все и трутни

Его страшились пуще злой чумы.*

Работа управляющего, который должен был досконально изучить все сельскохозяйственные операции, была отнюдь не простым делом, ведь только некоторые глупцы из числа нынешних горожан могут думать, что занятие сельским хозяйством — это неквалифицированный труд. Для земледельца год начинался в сентябре, как только был собран урожай. Вслед за тем нужно было вспахать землю и посеять озимую пшеницу или

---

* Чосер, Джеффри. Кентерберийские рассказы. М., 1988. С. 45.

рожь, если для пшеницы почва была слишком песчаной. Плуг состоял из двух брусьев — грядилей — расположенных один над другим и скрепленных вертикальными распорками; к переднему концу нижнего грядиля крепился изогнутый заострённый кусок железа — лемех, который подрезал снизу пласт земли и переворачивал его; перед лемехом помещался другой кусок железа, имевший форму ножа, — плужный резец, или кольтер, намечавший борозду; задняя часть плуга была образована двумя деревянными вертикальными рукоятками, каждая из них крепилась к нижнему грядилю, а левая — ещё и к верхнему; налегая на рукояти, пахарь вёл плуг. Тяжёлый саксонский плуг тянули восемь быков, однако для более лёгкого плуга достаточно было четырёх или даже двух быков. «Искусство пахаря состоит в том, чтобы заставить быков идти ровно, не понукая их ни хлыстом, ни уколами, ни иными обидами. Такой человек не может быть склонен к унынию или гневу, он должен быть жизнелюбив, весел и дружен с песней, чтобы своими напевами подбадривать быков в их работе. Пахарь должен задавать быкам корм собственными руками, он должен любить своих быков, ночевать при них, чистить и обтирать их соломой, заботясь о том, чтобы они содержались в холе и чтобы никто не воровал их корм».

Иногда в плуг впрягали лошадей, однако они обходились дороже, потому что лошадей нужно было лучше кормить и постоянно перековывать, и хотя лошади могли продвигаться довольно быстро, средневековые пахари предпочитали не торопиться и придерживали их, чтобы их шаг был сродни шагу быков. Когда зерно было брошено в землю, приступали к боронованию,

чтобы прикрыть его слоем почвы. Борона представляла собой очень большую и тяжёлую решётку из толстых дубовых брусьев, пересекавшихся под прямым углом, нижняя часть которой была унижена рядами деревянных зубьев. Быки медленно тянули борону по полю, она дробила комья земли, засыпая лежавшие в земле зёрна.

В хороший год к Михайлову дню (29 сентября) леса были полны желудей и буковых орешков — превосходного корма для свиней, которых в этот период выгоняли пастись в лес. В ноябре снова принимались за пахоту, чтобы подготовить землю к весеннему севу, затем большую часть быков забивали, а мясо солили, потому что было трудно прокормить большое количество скота в течение целой зимы одним только сеном: ведь ни корнеплоды, ни комбикорма, используемые в наши дни, тогда не были известны. В декабре почти не было работы вне дома, но на гумне хватало дела для молотильщиков, которым предстояло вышелушить зерно из колосьев ударами своих цепов — деревянных дубинок, соединённых при помощи кожаных ремней. В январе приходило время отелиться коровам; кроме того, в январе-феврале пора было проверить состояние канав и живых изгородей, в эти же месяцы уже можно было сажать горох и бобы на корм скоту. Март был полон забот: в это время сеяли овёс, рожь и, главное, ячмень, который уступал по важности только пшенице, потому что из него делали солод для приготовления эля, который наши предки пили в огромных количествах. Апрель был самым хлопотным месяцем в молочном хозяйстве: сбивали масло и варили сыр, для чего в прежние времена предпочитали брать овечье

молоко. Наступало время сеять лён и коноплю, которые имели большое значение в ту эпоху, когда хозяйки сами пряли и сами ткали холсты. В мае нужно было перепахать поля, которые были оставлены под паром. В июне необходимо было пропалывать посевы, в этом же месяце мыли овец и стригли шерсть. К началу июля старались управиться с покосом, затем начиналась жатва, продолжавшаяся в августе наряду со сбором прочих плодов, после чего работники могли отпраздновать окончание уборки урожая, усевшись за пиршественный стол и побаловав себя в преддверии следующего года гусём да крепким элем.

ГЛАВА 2

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

Различие между городом и деревней — скорее количественное, чем качественное; они отличаются по величине, а не по сути. Есть несомненные города, и есть явные деревни, но всем нам встречались такие поселки, обитатели которых гордо именуют их городами, и если приезжие неосторожно назовут подобный поселок деревней, то это будет воспринято как оскорбление. Когда речь идет о Средних веках, разграничить два типа поселений еще сложнее, потому что в то время даже большие города имели много черт, свойственных деревням. Сегодня самым характерным признаком городской жизни является, пожалуй, наличие магазинов, способных удовлетворить привычные запросы цивилизованного человека, и точно так же в минувшие времена отличительной особенностью города было присутствие среди его жителей определенного числа торговцев, людей, для которых сельское хозяйство не было единственным источником дохода. Мы видели, что прообразом деревень были поселения в несколько домов, хозяева которых зачастую были связаны родственными узами и строились рядом, чтобы при необходимости вместе обороняться; первопричиной возникновения городов могла послужить именно потребность в совместной защите. Уже в глубокой древности бродячие племена, населявшие Британию, имели укрепленные убежища, под защиту которых во времена междоусобиц или иноземного вторжения

собирались отовсюду соплеменники, обычно жившие рассеянными группами; такие укрытия, как правило, строились на возвышенности и были окружены высокими валами и глубокими рвами. Когда жизнь стала более оседлой и появились деревни, нередко бывало так, что укреплённая деревня вождя племени (по тем временам правительственный центр) разрасталась больше других и главенствовала над ними, возможно продолжая при этом играть роль убежища на случай опасности. Римляне стимулировали рост этих племенных городов и создавали новые. Будучи методичным народом, римляне закладывали свои города по чётким геометрическим линиям: одна магистральная улица шла с севера на юг, другая — с запада на восток, пересекая первую в центре города; остальные улицы прокладывались параллельно двум основным, так что город оказывался разбитым на прямоугольные кварталы, один из которых, находившийся на перекрёстке центральных улиц, отводился под рынок, суд магистратов и городскую администрацию. В этих городах, связанных друг с другом прославленными римскими дорогами, процветала торговля и скапливались богатства.

Саксы питали недоверие к укреплённым городам (их боги были богами открытой местности) и чувствовали себя неуютно в замкнутом пространстве за городскими стенами. Поэтому они разграбили города и, оставив их в запустении, поселились на приволье. Однако сменилось не так много поколений, и саксы оценили преимущества городов; потребность в защите побудила людей в очередной раз изменить образ жизни, это видно по тому, что за некоторыми

городами закрепилось название «бург» (или «боро» — таково современное произношение старинных слов «burh» и «borough», первоначально означавших «укреплённое место, где можно укрыться от опасности»). Как в названиях Ислингтона, Престона, Саутгемптона и других мест сохраняется память о сельских поселениях — «тунах», так и средневековые «бурги» («боро») продолжают жить в названиях Кентербери, Эйлсбери и Питерборо, а в названиях Честера, Ланкастера, Глостера и Чичестера, образованных от искажённого латинского слова «castrum» («крепость»), увековечен тот период, когда саксы стали осваивать римские города, защищённые стенами.

Итак, бурги возникали как оборонительные центры, которые служили убежищем жителям прилегающей местности; об их большом значении свидетельствует тот факт, что содержание в исправности укреплений бурга входило — наряду с воинской службой и ремонтом мостов — в число трёх повинностей, обязательных для всех свободных людей, владевших землёй. Мы знаем, что в то время, когда была составлена Книга Страшного суда (такое название получила в народе первая перепись, проведённая в 1086 г.), в некоторых бургах, в частности в Оксфорде, были дома, принадлежавшие манорам из различных областей графства, и владельцы этих домов отвечали за оборону определённого участка городской стены. (Стена не обязательно была каменной, гораздо чаще она представляла собой земляной вал с палисадом; например, в Бриджнорте, находившемся в Шропшире, в пограничной местности, постоянно страдавшей от набегов валлийцев, деревянные городские укрепления были заменены каменными

только в начале правления Генриха III*, и нам известно, что на протяжении XIV и XV веков наиважнейшие города получали право собирать средства на строительство каменных укреплений.) В городских домах жили в военное время обитатели манора: те, кто искал защиты за стенами бурга и те, кто нёс там гарнизонную службу; в мирное время дома сдавались внаём, или же в них останавливались крестьяне, приезжавшие в город продавать и покупать. Дело в том, что бурги вскоре стали центрами сбыта излишков сельскохозяйственной продукции, а безопасность этих мест быстро начала привлекать купцов, мелких торговцев и ремесленников всех профилей. Таким образом, бурги были одновременно и военными, и торговыми центрами, и по мере того как жизнь становилась более мирной и безопасной, росли новые города, возникавшие исключительно ради целей торговли и почти не имевшие оборонительного значения.

И вот вопрос: почему важнейшие города должны были возникнуть именно там, где возникли? Попытаемся ответить на него и постараемся при этом не перепутать причину со следствием; например, если перед нами город с замком, то, возможно, замок был возведён для того, чтобы держать под контролем уже сложившийся город, как в Норидже, Лондоне и во многих других местах, но возможно, напротив, что город вырос вокруг замка, именно так было с Беркемстедом и с целым рядом городов на границе с Уэльсом. Есть история об одном глубоко верующем монахе: проповедуя о благодати промысла Господня, он призывал своих

---

* Генрих III — английский король в 1216–1272 гг. (Примеч. ред.)

слушателей обратить внимание на то, что по воле божественного Провидения реки всегда принуждены течь через большие города — к великой пользе для их жителей. Будь этот проповедник столь же мудр, как и набожен, ему бы открылось, что реки существовали в тех краях прежде городов, которые возникли на их берегах как раз потому, что такое расположение было удобным для нужд людей. Наличие подъездных путей — вот отличительная особенность той местности, где мог зародиться город. Удобные гавани на морском побережье дали начало таким городам, как Саутгемптон, Дувр, Бостон и Плимут; в XVI веке из-за того, что заилились их гавани, обнищал Честер, а Рай и Винчелси превратились из процветающих бургов в захолустные местечки. Ещё более способствовали росту городов судоходные реки. Лондон, возникший как порт при крупном бриттском городе Веруламии (ныне на его месте Сент-Олбанс), приобрёл важное значение благодаря тому, что в его пределах находился ближайший к морю мост через Темзу; суда из приморских городов и из других стран могли подняться по Темзе до Лондона, а по верхнему течению Темзы и по дорогам, сходявшимся к мосту, туда прибывали продавцы и покупатели из внутренних областей страны. Таким же образом Бристоль вырос вокруг моста через Эйвон, а Норидж — у верхней границы судоходной реки Яра. Реки оказывали влияние на формирование городов даже в глубине страны: броды и мосты притягивали дороги и перевозимые по ним товары, это, разумеется, благоприятствовало возникновению торговых городов, что подтверждают названия Оксфорда (букв. «бычий брод») и Кембриджа (от «bridge» — «мост»). То же

можно сказать о перекрёстках дорог: Винчестер возник на пересечении шести древних дорог, другие примеры городов подобного происхождения — Солсбери, Сайренсестер, Хантингдон.

Любой фактор, способный привлечь в определённое место приезжих, у которых есть потребность что-либо купить и есть деньги, чтобы оплачивать свои нужды, неминуемо привлечёт туда и коммерсантов, преисполненных намерений удовлетворить эти потребности и получить эти деньги. Вот почему округа крупного монастыря, который был одновременно центром паломничества и своего рода гостиницей для путешественников, быстро превращалась в город, как произошло, например, в истории Сент-Олбанса, Бери-Сент-Эдмундс и Питерборо. В ряде случаев специфической причиной возникновения города послужили уникальные особенности местности. Бат (букв. «купальня») обязан своим существованием горячим источникам, к которым с римских времён и до наших дней прибегают страдающие ревматизмом. Ярмут представлял собой всего-навсего вереницу песчаных отмелей, где рыбаки «Пяти портов»^{*} развешивали свои сети и коптили рыбу, пока в те места не пришли люди, чтобы закупать рыбу, вести обмен товарами с жителями портов и принимать участие в рыбной ловле. Были также города, возникшие по воле какого-либо одного человека. Портовый город Линн основал примерно в 1100 году на землях, отвоёванных у болот, епископ Герберт

---

^{*} Название группы портовых городов в Юго-Восточной Англии, пользовавшихся особыми привилегиями (Дувр, Сандвич, Ромни, Гастингс и Хайт). (Примеч. пер.).

Нориджский, а порт Кингстон-он-Гуль (сегодня мы называем его короче — Гуль) был основан, как можно догадаться по его названию, королём — Эдуардом I, сумевшим оценить преимущества этого местоположения. Тот же король, когда море стало наступать на процветающий морской порт Винчелси, заложил на соседнем клифе* новый город, куда переселил жителей старого. Новый Винчелси был разбит на прямоугольные кварталы, подобно древнеримскому или современному американскому городу, тот же принцип был ранее применён в Ладлоу и в других городах на границе с Уэльсом, однако в подавляющем большинстве случаев средневековые города застраивались стихийно и не имели чёткой планировки.

Города, заслуживавшие в Средние века такого наименования в отличие от крупных деревень, — это бургы. Как мы уже знаем, первоначально так называли просто укреплённое место, однако после нормандского завоевания это слово стало обозначать город, жители которого обладали определёнными привилегиями и могли действовать как единое целое, а не как разрозненные индивиды. В наши дни Лондонский городской совет состоит из большого числа людей, действующих сообща; когда мы говорим, что Лондонский городской совет вынес такие-то и такие-то постановления, мы не думаем об отдельных членах совета, но подразумеваем некое воображаемое лицо, выражающее их общее мнение. Точно так же, когда мы говорим, что город Лестер принял определённые муниципальные законы,

---

* Клиф — обрыв, образующийся под действием прибоя. (Примеч. ред.)

снарядил столько-то солдат и должен выплатить королю такую-то сумму денег, речь идёт о некой воображаемой фигуре, олицетворяющей жителей Лестера. Бург может действовать как один человек, но «он не имеет души, которую можно спасти, и не имеет тела, чтобы побить его»; он может нарушить закон, но его нельзя заключить под стражу, а если наложить на него денежный штраф, то эту сумму придётся взыскивать с отдельных бюргеров*, и трудно сказать, кто должен будет следить за тем, чтобы штраф был уплачен.

Некоторые города являлись бургами уже во времена нормандского завоевания. Другие были в то время всего лишь манориальными виллами, почти не отличавшимися от маноров, описанных в предыдущей главе, но они превратились в бурги в XII–XIII веках, получив хартии от лордов, которые нуждались в деньгах для участия в крестовых походах и для других целей, а потому были рады продать горожанам часть своих прав. Иногда таким манориальным лордом был король, иногда — один из представителей высшей знати (эрл Дерби в 1251 г. превратил в бург Хайем Феррерс, а в 1253 г. — Болтон, что в Ланкашире), а иногда — монастырь. Представители последней категории — монастыри-лорды — были меньше других заинтересованы в том, чтобы позволить своим городам стать бургами, и больше всех скупались на привилегии, отчего в таких местах, как Сент-Олбанс, Бери-Сент-Эдмундс, Данстепл и Норидж не прекращались раздоры между горожанами и монахами, иногда перераставшие в серьёзные столкновения, подобные бунту 1270 г., когда была сожжена

---

* «Burgess» — житель небольшого города. (Примеч. пер.).

кафедральная церковь в Норидже. Превратившись в свободный бург, манориальная вилла не сразу утрачивала черты земледельческого поселения; нас не удивляет, что бюргеры, жившие в небольших городишках вроде Стейнинга в Суссексе или Данстера в Сомерсете (где хартия давала бюргерам право убивать кроликов, причинявших ущерб их огородам), были крестьянами, однако воистину удивительно то, что такие старинные и важные по значению города, как Ковентри или Лестер, были окружены тремя огромными неогороженными полями, а бюргеры Нориджа и Оксфорда отстаивали свои права на пользование пастбищами, причем эти права сохраняются за жителями Оксфорда по сей день. Те, кто представляет себе город по типу Бирмингема, Мидлсбро или Лидса, будут удивлены ещё больше, узнав, что в Средние века Лондонский суд прекращал свои заседания на время летней страды, что в 1388 г. был издан закон, обязывающий всех ремесленников, не связанных неотложной работой, принимать участие в уборке урожая, а ткачи Нориджа, входившего в тройку богатейших городов Англии, ещё в XVI веке должны были останавливать свои станки и идти убирать урожай. Сельскохозяйственный элемент присутствовал в жизни всех средневековых городов: даже в пределах городской стены Лондона находилось немало огородов, и приходилось постоянно издавать указы, запрещавшие хозяевам выпускать свиней на улицы. Но притом, что некоторые бюргеры трудились на фермах, они были не сервами или вилланами, а свободными; если виллану удавалось, бежав в город, прожить там в качестве бюргера год и один день и хозяин не заявлял на него, виллан становился свободным.

Все бюргеры были свободными; подобно налогоплательщикам наших дней, они совместно несли бремя обязательств, налагавшихся на их город, и поначалу все они были равны. Время от времени граждане бурга собирались все вместе, чтобы обсудить вопросы общегородской политики и принимали решение путём выкриков «Да, да!» или «Нет, нет!». В частности, раз в году бюргеры собирались для того, чтобы избрать городской совет из двенадцати или двадцати двух человек во главе с управляющим [reeve], провостом, балыфом или мэром. Как бы ни называлась должность этого человека, он являлся представителем города; наипочётнейший пост главы бурга был связан с большой ответственностью, но тому, кто отказывался принять его, грозил серьёзный штраф, а в некоторых городах бюргеры могли даже направиться к дому такого человека и разрушить его. Глава бурга начальствовал над магистратами, он председательствовал в суде и совместно с советом разрабатывал постановления, регулирующие жизнь горожан. Поначалу для утверждения таких становлений требовалось согласие всех горожан, однако с течением времени население городов росло, купцы и преуспевающие ремесленники богатели, и мы видим, что в конце концов в бюргерской среде стали выделяться высший, средний и низший слои. Полностью разграничить их почти невозможно, однако различия становились заметными, когда возникала необходимость созвать военные силы города, потому что, согласно «Ассизу о вооружении», все те, чьё состояние было больше определённой величины, должны были явиться верхом в полном воинском облачении; менее состоятельные отличались более лёгкой экипировкой

и отсутствием коней, а беднейшие горожане вовсе не имели доспехов и вооружались луками, вилами или дубинками. Богатые бюргеры постепенно прибрали власть к своим рукам и нередко злоупотребляли ею, возлагая на менее состоятельных собратьев бремя противозаконных налогов. К примеру, в Линне в 1305 г. налоги, которые не могли взиматься без единогласного решения горожан, всё-таки были насильно собраны с бедняков, и вместо того чтобы пойти на починку городских стен и ремонт улиц, были незаконно растрачены городской верхушкой. Горькие сетования на подобные притеснения раздавались приблизительно в то же время в Оксфорде, Кембридже, Йорке и Линкольне, и когда Бристоль должен был выплатить за какую-то провинность 500 фунтов стерлингов штрафа, королю пришлось организовать сбор этой суммы таким образом, чтобы богачи не смогли уклониться от выплат.

Поскольку торговля была отличительной особенностью города по сравнению с деревней, равенство прав в этой сфере являлось важной привилегией горожан. Все бюргеры или, по крайней мере, все члены купеческой гильдии — то есть существовавшей в любом крупном городе ассоциации*, в которую первоначально входили все лица, занимающиеся торговлей в этом городе (хотя со временем менее состоятельные горожане были вытеснены из гильдии), имели право беспешинно продавать и покупать товары на территории бурга. Принцип равных прав играл ещё более важную роль там, где в торговой практике преобладали

---

* Среди крупных городов только Лондон и Норидж не имели купеческой гильдии. (Примеч. авт.)

коллективные сделки; иначе говоря, любой член гильдии мог претендовать на долевое участие в покупке, осуществлённой его собратом: если один из состоявших в Купеческой гильдии приобретал товар оптом, чтобы распродать его в розницу, любой другой присутствующий при этом член гильдии мог потребовать, чтобы его тоже взяли в дело. При таком подходе никто не мог завладеть монополией на торговлю в определённой сфере. Точно так же осуждались попытки продать какой-либо товар при помощи активной рекламы: подобные действия считались нечестными по отношению к менее предприимчивым торговцам, которые — как члены того же сообщества — в равной степени имели право зарабатывать себе на жизнь. От внешней конкуренции торговая каста бурга была защищена благодаря пошлинам, которыми облагались товары, покупаемые или продаваемые «иноземными» купцами. «Иноземцами» в то время называли выходцев из любых мест, кроме самого бурга; гость из Ноттингема в такой же мере был «иноземцем» в Норидже, что и гость из Венеции или из Бордо — они не принадлежали к привилегированному сообществу (не случайно английское слово «foreigner» — «иноземец» родственно латинскому «foris» — «вне»).

В Средние века идея гражданской принадлежности имела мало общего с идеей принадлежности к определённому государству. В наши дни житель Дарема или Эксетера с гордостью назовёт себя англичанином, но в прежние времена каждый из них, вероятнее всего, похвалялся бы, подобно святому Петру, тем, что он «гражданин несравненного града». Каждый бург был небольшим государством, ревниво относившимся ко

всем своим соперникам; на протяжении двух столетий жители Ярмута находились в состоянии непрекращающейся вражды с союзом городов Суссекса и Кента, известных как «Пять портов». Время от времени на почве этой вражды разгорались настоящие войны, уносившие сотни жизней, при этом жители «Пяти портов» ещё находили время атаковать своих конкурентов, живших в Портсмуте и Фауи, а горожане Ярмута сражались с расположенным по соседству Горлестоном. И пусть города, расположенные в глубине страны, прибегали к менее насильственным методам, они всё же бдительно следили за тем, чтобы никто из иноземцев не посягал на их привилегии. Иногда делались исключения в пользу определённых городов: Ноттингем заключил договоры с Дерби и Ковентри, а Саутгемптон — с Винчестером и Солсбери. По такому договору каждый из городов освобождал бюргеров другого города от уплаты пошлин; по тому же принципу действовали Лондон и Норидж, чтобы создать благоприятные условия для торговли с французскими городами: Амьеном, Корбейем и Неслем. Особые привилегии имели в Лондоне представители Ганзейского союза — крупного торгового альянса портовых городов Северного и Балтийского морей.

Но хотя обычно «иноземцев», прибывших с торговыми целями, обязывали платить налог и не разрешали им селиться в городе, если те не вступили в купеческую гильдию, подобные ограничения в ряде случаев могли всё же смягчаться в интересах самой городской общины. В XVI веке, когда Честер сильно обнищал, было объявлено, что любой, кто способен обучить искусству изготовления высококачественных тканей,

может прийти и беспрепятственно торговать в этом городе. А когда честерские пекари начали забастовку из-за того, что им не позволили поднять цены на хлеб, мэр огласил постановление, по которому всякий мог привозить в город хлеб на продажу. Последний пример показывает, каким было отношение властей к тем, кто слишком явно стремился к наживе: торговец считался слугой городской общины, имеющим право на разумную прибыль, но ни в коей мере не на чрезмерную. Когда честерские мясники объявили забастовку, требуя повышения цен, мэр незамедлительно позаботился о том, чтобы большинство из них очутились за решёткой, и — поскольку стояла неимоверная жара, а тюрьма была переполнена — заключённые пережили крайне неприятные часы и поспешили раскаяться в своём недостойном поведении.

Суды бургов были завалены делами о правонарушениях в области торговли, потому что средневековые торговцы не пренебрегали ни одним способом заработать нечестный пенни. Первое место за изобретательность по части мошенничества нужно присудить, пожалуй, лондонским пекарям: когда заказчик приносил тесто на хлеб, пекарь выкладывал его на прилавок, чтобы разделить его на буханки, а в этот момент спрятанный под прилавком мальчишка отворял крошечный люк и воровал тесто прямо под носом у заказчика. По сравнению с таким ловким фокусом использование неточных весов и низкосортных материалов, сбыт позолоченной меди под видом золота и продажа поддельных товаров в темное время суток при тусклом мерцании свечей представляются топорной дешёвкой. Мошенничество каралось штрафом и тюремным

заклучением, иногда провинившийся должен был на потеху толпе сидеть с ногами в колодках или стоять привязанным за руки и за голову у позорного столба. Порой старались, чтобы назначенное наказание соответствовало характеру преступления: торговца, продавшего негодное вино, насильно поили им, а остаток выливали виновному на голову; тому, кто для своих собственных нужд отводил воду из общественной системы водоснабжения, водружали на голову дырявую бадью и, постоянно доливая её, проводили преступника в таком виде через весь город; а продавец тухлого мяса должен был не только стоять у позорного столба, но ещё и в полной мере «насладиться» ароматом своего товара, когда это мясо сжигали прямо перед его носом. Вечными нарушителями были пекари, чьи буханки, как правило, никогда не дотягивали до положенного веса, и пивовары, пренебрегавшие всеми ограничениями относительно качества и цены эля. Почти в каждой из средневековых поэм, повествующих о городской жизни, можно встретить упоминание о недобросовестных пекарях и пивоварах, а в народном представлении на религиозные темы «Муки ада», после того как все души уже освобождены, Дьявол просит позволения оставить себе одну, и в конце концов ему отдают душу пекаря — шутка, которая, несомненно, была рассчитана на отклик аудитории. В годы правления Ричарда II автор «Видения о Петре Пахаре» писал:

Женщины, которые пекут хлеб и варят пиво,
 мясники и держатели таверн —
 Всё это люди, причиняющие зло бедняку.
 Они наносят вред беднякам, которые могут
 купить всего лишь на пенни,

Втихую отравляя их раз за разом.

Эти люди богатеют, продавая в розницу то, чем должен кормиться бедняк.

Они покупают дома и становятся землевладельцами.

Если бы они продавали свой товар по честным ценам, им никогда бы не удалось понастроить таких хором

И никогда бы они не нажили столько добра.

Мэры и городские чиновники, правая рука короля,

Связующее звено между королём и народом, чья обязанность — блюсти закон,

Должны покарать недобросовестных торговцев, надеть на них колодки, поставить их к позорному столбу.

В большинстве случаев пивоварами были женщины, и не стоит представлять себе огромные пивоварни современного типа, которые развозят свою продукцию по многочисленным барам. В каждой таверне варили собственный эль, и когда он был готов, над дверями закрепляли специальный знак — шест с веткой или пучком листьев на конце. Иногда эти «пивные шесты» достигали такой длины и были настолько тяжёлыми, что могли повредить фасад дома, на котором крепились, и представляли серьёзную угрозу для тех, кто ехал верхом по узкой улочке; поэтому в Лондоне шесты длиной более 7 футов* были запрещены. В каждом районе города были должностные лица, известные как «знатоки эля» или «дегустаторы эля», в их обязанности

---

* 1 фут = 30,48 см.

входило посетить таверну после того, как был выставлен шест, и снять пробу с эля. Если товар оказывался некачественным, весь сваренный эль подлежал конфискации и таверна могла быть даже закрыта. Но если эль был хорошим, пивовар получал разрешение продавать его и вполне мог рассчитывать на прибыльную торговлю, потому что на добрый эль всегда находились покупатели. В поэме «Видение о Петре Пахаре», написанной в XIV веке, есть небольшая зарисовка, позволяющая нам представить себе одну из лондонских таверн и её завсегдатаев: Обжора, олицетворение одного из семи грехов, раскаявшись, рано утром идет в церковь, но тут, на свою беду, он встречается Бетти, которая говорит, что она сварила прекрасный эль и уговаривает Обжору отведать его. Дальнейшие события автор поэмы описывает так:

И вот Обжора входит, его приветствуют божбой
и проклятиями.

Сис-швея, сидя на лавке,

Уолт-егерь и его жена — оба пьяные,

Том-лудильщик и двое его подмастерьев,

Хик-извозчик, Хогг-портной,

Клариса из Кок-Лейн и приходской клерк,

Батюшка Пьер из Прэй-ту-Год

и Пернел-фламандка,

Доу-землекоп и ещё дюжина других,

Уличный музыкант, крысолов и чипсайдский
мусорщик,

Канатчик, лакей и Роза-лавочница,

Ночной сторож, отшельник и тибурнский палач,

Годфри — торговец чесноком

и Гриффин-уэльсец —

Все они поутру радостно приветствовали Обжору,
Приглашая его отведать доброго эля.

Раздавались смех и болтовня, и пели «Чаша идёт
вкруговую»,

Сделки заключались меж тостов и песен — так
продолжалось до самой вечерни,

И Обжора пропустил в глотку галлон и ещё
добавил джилл сверху.

Он не мог сделать ни шагу, не мог даже устоять на
ногах, не опираясь на палку,

Потом потихоньку двинулся вперёд, как собака
слепого музыканта:

Сначала его повело в одну сторону, затем
в другую, а местами он даже пятился назад,
Подобно тому, кто выкладывает верёвочные
петли, чтобы наловить диких птиц,

И вот, когда Обжора добрался до дверей, в глазах
у него помутилось,

Он запнулся о порог и растянулся на полу.

Картина не слишком привлекательная, но зато
очень жизненная. В описании Лондона, составлен-
ном в XII веке Уильямом Фиц-Стефаном, «неумерен-
ное пристрастие глупцов к выпивке» названо второй
моровой язвой, приносившей беды городу, а отчёты
следствий по делам об убийствах показывают, как
много смертей было связано с несчастными случаями
и стычками, происходившими на почве пьянства.

Только что упомянутое произведение Фиц-Стефана
является старейшим и почти единственным в средне-
вековой литературе описанием города. Фиц-Стефан
начинает с восхваления местоположения Лондона
и преимуществ его климата. Нужно учитывать, что

в Средние века Лондон соответствовал тому району, за которым в наши дни сохраняется название «Сити» (букв. «город»). Его окружённая стенами территория простиралась от Тауэра на востоке до Лудгейта на западе и была ограничена с севера Холборном, а с юга — Темзой. В конце XIV века население Лондона составляло всего 35 тысяч человек, но даже при этом оно втрое превосходило население Йорка, в то время как Бристоль с 9 тысячами жителей, Ковентри с 7 тысячами и Норидж с 6 тысячами были, по-видимому, единственными городами, численность которых превышала 5 тысяч человек. Во времена Фиц-Стефана население Лондона, возможно, было ещё меньшим, однако в черте города были расположены 136 приходских церквей (не считая собора св. Петра) и 13 монастырей. Обилие церквей было характерной чертой старинных городов: в Норидже имелся кафедральный собор и более 50 церквей, в Кембридже насчитывалось 15 церквей, и даже в таком крошечном городишке, как Льюис, было 8 церквей. Пространство вокруг города занимали огороды, пастбища и хлебные поля, за которыми начинался лес, где горожане имели право охотиться на оленей, вепрей и мелкую дичь. В стенах города ремесленники всех видов держали свои лавки, причём торговля товарами определённого вида была, как правило, сосредоточена на одной улице или в одном районе, так повелось с незапамятных времён, поэтому зерном торговали на Корнхилле (букв. «зерновой холм»), а рыбой на Фиш-Стрит (букв. «рыбная улица»), ремесленники, работавшие с металлом, селились в Лотбери, ювелиры — на Чипсайде, а торговцы мануфактурными товарами — в районе нынешней Каннон-Стрит. На берегу

Темзы, неподалёку от винных пристаней, находились съестные лавки, где в любое время можно было найти приготовленные всевозможными способами мясо, рыбу, птицу, жареное мясо, запечённое мясо, рагу и мясные пироги. Именно в эти лавки бежали слуги тех, к кому нагрянули многочисленные нежданные гости; здесь было достаточно припасов, для того чтобы досыта накормить войско рыцарей или отряд паломников, здесь эпикуреец мог найти осетра, вальдшнепов или ортоланов*. Однако здесь же — о чём не говорит Фиц-Стефан, но что известно из других источников — покупатель вполне мог отравиться пирогом, начинённым испортившимся мясом. Съестной ряд, должно быть, представлял собой оживлённую картину, насыщенную запахами и наполненную гамом, потому что каждый торговец громко расхваливал свой товар. В «Видении о Петре Пахаре» об этом говорится так:

Торговцы съестным и их помощники кричали:

«Горячие пироги, все пироги горячие,

Добрая свинина, добрый гусь; заходите, заходите
и пообедайте».

Им вторили владельцы таверн:

«Глоток вина за просто так,

Белое вино, красное вино, чтобы прополоскать
горло после жаркого».

Средневековый Лондон был весёлым, деловым, процветающим городом: корабли из разных стран разгружались и грузились у пристаней, торговцы громко расхваливали свои товары, множество народу толпилось

---

* Ортолан — птица из семейства садовых овсянок. (Примеч. ред.)

возле палаток и открытых витрин магазинов, покупая и заключая сделки. Время от времени толпе приходилось расступаться, чтобы дать дорогу церковной процессии или конному эскорту какого-нибудь важного лорда. Порой деловая жизнь города замирала, а улицы заполнялись людьми, желавшими поглазеть на короля, который торжественно проезжал верхом через город, направляясь в Вестминстерское аббатство или возвращаясь с войны. В подобных случаях стены домов драпировали шёлком и яркими тканями, а на открытых местах устанавливали празднично украшенные подмостки, с которых прекрасные дамы в нарядных одеяниях, изображавшие различные добродетели и науки, а также аллегорические фигуры декламировали во славу короля латинские стихи нравоучительного содержания. В составе королевской процессии ехали верхом представители высшей знати, пышно разодетые в шелка и бархат, даже их лошади были покрыты золототканой материей, короля сопровождали мэры города и олдермены (члены городского управления) в ярких одеяниях, а также четыре-пять сотен жителей в одежде одного и того же цвета. «О пышном зрелище, устроенном горожанами Лондона, вы можете прочесть под 1236 годом, в то время мэром был Эндрю Боквелл. Алиенора, дочь Раймонда графа Прованского, должна была проследовать верхом через город по направлению к Вестминстерскому аббатству, где ей предстояло короноваться и стать королевой Англии; по этому случаю городские улицы были украшены шёлковыми тканями, а по ночам было не счесть фонарей, факелов и прочих светильников; помимо того, были устроены живые картины и придумано множество других затей.

Горожане выехали верхом навстречу королю и королеве, на них были длинные одежды, вышитые золотом и разноцветными шелками, их кони числом 360 были покрыты роскошными попонами, а в руках каждый человек держал золотую или серебряную чашу, и впереди всех, звучно трубя, выступали королевские герольды».

Конечно, такое торжественное зрелище, как коронация, можно было увидеть не часто, но зато каждый год в канун Иванова дня горожане восторженно приветствовали «марширующую стражу» — парад констеблей и полицейских патрулей, собиравшихся в полном вооружении, чтобы пройти маршем по главным улицам города; шествие, возглавляемое мэром и олдерменами, сопровождали факельщики, на каждом из которых была соломенная шляпа с эмблемой его отряда, лучники, барабанщики, флейтисты и танцоры, одетые в костюмы героев старинных легенд; на улицах пылали костры, а дома были нарядно украшены гирляндами и освещены фонарями.

Строго говоря, обычай отмечать середину лета парадом стражи достиг настоящего расцвета в более поздний период Средневековья, но и в XII веке жизнь в Лондоне была совсем не скучной. Фиц-Стефан рассказывает о том, какое воодушевление сопровождало еженедельной конной ярмарке, проходившей за городскими стенами на ровном пространстве Смитфилда (букв. «кузнецкого луга»); там собирались все: один приходил покупать, другой — продавать, третий — просто поглазеть, там можно было найти лошадей, отвечавших любым запросам (по крайней мере если верить их владельцам). Тут были иноходцы для священнослужителей и дам, необъезженные жеребцы,

чьих копыт стоило остерегаться, горделивые боевые кони, выносливые вьючные лошади, кобылы с жеребятками, ломовые лошади — и было их очень много. Внезапно раздавались громкие возгласы, и толпа расступалась, образуя проход, по которому вихрем пронеслись боевые кони, понукаемые криками мальчишек-наездников. По праздникам подростки и молодые парни развлекались, устраивая кулачные бои, борцовские состязания, игру в футбол или другие игры с мячом, причём не только на открытых пространствах, но и на городских улицах, отчего время от времени приходилось принимать меры против уличных игр: было запрещено бороться на церковном дворе собора св. Петра, а во время заседаний парламента в Вестминстере запрещались «бруски» (bars), или «оплот заключённого» (prisoner's base) и другие игры, причинявшие беспокойство прохожим. Постоянные нарекания вызывал футбол, и не без причины, потому что в те времена он не был мирной игрой с постоянным числом участников, твёрдыми правилами и привычным для нас учётом голов, средневековый футбол — это дикая схватка между противоборствующими сторонами, стремящимися провести мяч по улицам города от одного его конца до другого, подобные забавы нередко заканчивались переломами ног. Игра в шары и метание колец на городских улицах, несомненно, добавляли жизни разнообразия, но зато могли ненароком лишить жизни неосторожного прохожего, и потому эти забавы в городах не приветствовались. Зимой, когда промерзали болота, юноши и девушки находили себе новое развлечение: прикрепляли к подошвам примитивные коньки из костей животных и, отталкиваясь

палками с железными наконечниками, носились по льду, налетая друг на друга, от чего было немало разбитых голов и переломанных рук и ног. Конечно, это был варварский спорт, но и весь тот век выглядит в наших глазах варварски жестоким, хотя можно сказать, что готовность ради потехи подвергать себя риску ранений и переломов в какой-то мере служит оправданием жестокого отношения к животным, ведь среди излюбленных развлечений были травля медведей и быков собаками, петушинные бои и — забава, доставлявшая особое удовольствие школярам, — метание палок в петуха, привязанного за ногу к столбу.

Однако не следует думать, будто наши предки были нечувствительны к более тонким вещам. «В мае, а именно первомайским утром, все, кроме увечных, спешат на простор душистых лугов и под сень зелёных лесов, чтобы усладить свой дух красотой и благоуханием чудесных цветов и гармоничным пением птиц, славящих на своём языке Господа. К примеру, именно в такой день, как свидетельствует Эдуард Холл, на седьмом году царствования Генриха Восьмого, этот король и его супруга королева Екатерина, празднуя Первое мая, отправились в сопровождении многих знатных господ и дам верхом из Гринвича на высокий склон холма Шутерс-Хилл, где неожиданно повстречали на пути отряд рослых йоменов, одетых в зелёные костюмы с зелёными капюшонами, вооружённых луками и стрелами, числом 200 человек. Их предводитель по имени Робин Гуд просил короля с королевой и их свиту войти в зелёный лес, там Робин Гуд и его люди усадили гостей под сенью кущ, сплетённых из ветвей и украшенных цветами, и в изобилии потчевали их олениной и вином».

Более того, в каждом приходе в первый день мая проходил свой праздник, «по такому поводу были «майские деревья», военизированные представления, славные лучники, танцоры, разыгрывавшие легенды о Робине Гуде, и прочие развлечения, не прекращавшиеся весь день. С наступлением вечера устраивали спектакли и жгли костры на улицах». Самым примечательным из так называемых майских деревьев — шестов, украшенных цветами и лентами, — был высокий столб перед церковью, которая и по сей день зовётся церковью святого Андрея под столбом.

Таков был Лондон или любой другой средневековый город: замкнутое эгоцентричное сообщество, недоверчиво относившееся к иноземцам и нередко встречавшее их весьма недружелюбно (в 1421 г. власти Ковентри вынуждены были издать указ, запрещающий «забрасывать иноземцев чем ни попадя и глумиться над ними»), сообщество, гордое своими привилегиями и склонное ставить собственного мэра выше короля; городское сообщество как целое ревностно следило за тем, чтобы все его члены вели честную игру, но по отдельности горожане вовсе не гнушались наживаться за счёт ближнего; это было трудолюбивое сообщество, не питавшее жалости к «великовозрастным попрошайкам, которые не желают приложить усилия, чтобы заработать на жизнь», но имевшее снисхождение к немощным и нуждающимся и всегда готовое наслаждаться простыми радостями, будь то пышное зрелище или весёлый праздник. Два великих бедствия, омрачавших жизнь средневекового города, о которых писал Фиц-Стефан, — это моральный вред пьянства и ущерб от пожаров. Узкие улочки, застроенные крытыми соломой

деревянными домами, с ужасающей быстротой сгорали дотла. В 1132 г. большая часть Лондона была уничтожена пожаром, который начался в доме Гилберта Бекета, отца знаменитого Томаса Бекета; спустя три года ещё один пожар опустошил район между Лондонским мостом и церковью св. Климента Датского, разрушив в том числе собор св. Петра. В 1161 г. от пожаров сильно пострадали Лондон, Кентербери, Винчестер и Эксетер. В 1180 г. вновь сгорел Винчестер, в 1184 г. — Гластонбери, в 1187 г. — Чичестер. Единственный способ борьбы с начавшимся пожаром заключался в том, чтобы разобратъ загоревшийся дом — в первую очередь раскидать соломенную кровлю — и тем самым помешать огню перекинуться на другие постройки, поэтому в каждом районе города должны были храниться специально предназначенные для этого крючья и верёвки. Со временем стали заботиться о превентивных мерах: в 1189 г. в Лондоне был принят муниципальный закон о строениях, по которому дома надлежало строить частично из камня и крыть черепицей, аналогичные законы были приняты и в других городах, хотя, например, в Норидже соломенные кровли не были запрещены вплоть до XVI века. Организовать нечто вроде оперативной пожарной команды не представлялось возможным из-за отсутствия приспособлений для создания напора воды, воду приходилось носить ведрами из реки или из колодцев.

Система водоснабжения, при которой вода подавалась из накопительных резервуаров или расположенных на возвышенности источников по деревянным, глиняным или свинцовым трубам впервые стала применяться в крупных монастырях, имевших,

как правило, подземную канализацию, промываемую проточной водой. До нас дошёл подробный план водопровода Кентерберийского приората, сделанный в XII веке, и более поздние планы водоснабжения других обитателей. В Лондоне первая водопроводная труба была проложена в XIII веке, она подводила воду из источников на Тибурне к фонтану на Вест-Чип; вода предназначалась только для того, чтобы бедняки могли утолить жажду, а более состоятельные горожане, гнушавшиеся пить эту воду, так как считали её напитком нищеты, готовили на ней пищу; постоянно издавались и постоянно нарушались постановления, запрещавшие пивоварам, держателям харчевен и торговцам рыбой использовать эту воду. В XV–XVI веках прокладывались новые водопроводные магистрали, а в конце XVI века появилось нечто вроде водонапорных башен, оборудованных насосами.

О такой системе, как центральная канализация в Средние века даже не задумывались. Многолюдные хозяйства — в особенности монастыри, — как уже говорилось, устраивали при наличии проточной воды собственные канализационные системы; что же касается остальных, то они выливали нечистоты и выбрасывали мусор прямо на улицу, где всё это скапливалось до тех пор, пока городские чиновники не поднимали тревогу. Тогда отбросы вывозили и сваливали в реку или в какое-либо другое место. Улицы всех городов, не исключая даже Лондона, источали сильнейшее злование. Известно, что Эдуард III высказывал недовольство сильной уличной вонью в Йорке, подобной которой он не замечал ни в одном другом городе королевства, и вполне можно поверить, что воздух Йорка не

способствовал укреплению здоровья. Неудивительно, что при таких условиях вспышки чумы были частыми и имели обильную жатву.

Городские власти осознавали, какую угрозу таит в себе антисанитария, и постоянно предпринимали усилия к тому, чтобы улучшить положение дел, но серьёзным переменам препятствовал фатализм необразованных горожан, которые, подобно туркам или индийцам, верили, что болезни даются от Бога, и совсем не старались их избежать. Первый общегосударственный закон об улучшении санитарных условий, обязательный к исполнению во всех городах, был принят в 1388 г. на заседании парламента, состоявшемся в Кембридже, и его появление, по-видимому, было вызвано необычайной загаженностью этого учёного королевского города. Суть нового закона сводилась к общему запрету на загрязнение рек, канав и пустырей, и, по существу, он всего лишь обеспечивал парламентскую поддержку муниципальным постановлениям подобного рода, уже существовавшим к тому времени во всех крупных городах. Другие менее опасные, но тем не менее весьма неприятные аспекты городской жизни тоже регламентировались местным законодательством: производства, которым сопутствовал неприятный запах — выделка кож, их дубление и обжиг кирпича, — обычно выносились на городские окраины. Пытались также не допускать использования при обжиге негашёной извести каменного угля вместо древесного. Крайне любопытным фактом является то, что загрязнение воздуха едким дымом, возникающим при сгорании каменного угля, представляющее и теперь острейшую проблему, уже вызывало нарекания

ГЛАВА 2. ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

больше шести веков тому назад, когда благочестивая королева Алиенора Прованская — страдавшая астмой супруга Генриха III — вынуждена была покинуть Ноттингем из-за этого удушающего дыма.

ГЛАВА 3

ДОМАШНИЙ БЫТ

Когда речь заходит о жилищах наших предков, становится очевидным разделение общества на три класса, потому что мы должны говорить о хижинах рабочего люда, о домах людей среднего сословия и о замках или дворцах знати. Описание бедняцкой лачуги не займёт слишком много времени, ибо она обеспечивала лишь тот минимум, который был необходим человеку, чтобы защититься от сырости и холода, — четыре стены и крыша. Стены были глинобитными, или мазанковыми: каркасом служили вертикальные шесты, переплетённые ивовыми прутьями либо другим гибким древесным материалом; этот каркас обмазывался глиной, которую тщательно вбивали в зазоры между прутьями. В одной из стен оставляли проём для входа, иногда делали дверь, иногда — нет. В стенах хижины обычно было одно-два небольших отверстия — окна, через которые проникал свет. Довершали картину соломенная крыша и земляной пол. Хозяин дома и его семейство жили в одном-единственном помещении, закопчённом древесным дымом от костра, который зимой или в сырую погоду, когда нельзя было готовить пищу на улице, разводили прямо посреди жилища; обстановку хижины составляли стол, несколько грубых табуретов, сундук, железный котёл да какое-то количество мисок, кружек и кувшинов из глины, постелью служили охапки соломы или папоротника-орляка, покрытые суровыми шерстяными пледами. Однако нам

не стоит чрезмерно сожалеть об участи средневековых бедняков, ведь представления человека о том, плохо или хорошо ему живётся, зависят во многом от того, к чему он привык, и в какой-то мере от того, лучше или хуже живётся его соседям. «Сравнение — вот причина забот и печалей», особенно в том случае, когда человек сравнивает свою участь с тем, на что он имеет основания притязать. В наши дни удел рабочих, чьи семьи также вынуждены ютиться в одной-единственной комнате в мрачном доходном доме или в грязной лачуге в шахтёрском посёлке, куда более горек: ведь они знают, что другие представители их же класса живут в сравнительно комфортабельных домах; но средневековый крестьянин жил намного хуже, чем мелкий фермер, на которого он работал, и часто его жизнь не слишком сильно отличалась даже от того, как жил сам лорд манора. Уильям Харрисон, живший в эпоху Елизаветы, когда Средневековье уже миновало, рассказывает, что старожилы в его деревне говорили о «превеликом улучшении обустройства жилища; потому что, — вспоминали они, — отцам нашим, да и нам тоже, нередко приходилось спать на соломенных тюфяках, покрытых одною только простынёй, под одеялами из клочьев свалявшейся шерсти да плетей хмеля (таковы их собственные слова), подложив под голову вместо валика или подушки добротное круглое бревно. Если кому-то из наших отцов — или достойному человеку из домочадцев — случалось лет через семь после женитьбы приобрести матрас или даже полную постель, набитую шерстью, да вдобавок ещё ворох кострики, чтобы подложить под голову, ему казалось, будто он устроился с великолепным удобством, словно лорд,

владеющий целым городом, которому, вероятно, тоже не всегда приходилось почивать не то что на пуховом ложе, но и в постели, набитой пером. И настолько были довольны своей жизнью наши предки, что их устраивало даже это примитивное убранство, каковое ещё сохраняется в прежнем виде без особого улучшения в Бедфордшире и кое-где вдали от южных областей страны. Подушки в постелях (говорили они) считались уместными только для рожениц. Что же касается слуг, то хорошо, если у них была простыня, которой они могли укрыться сверху, потому как очень редко у них было что подстелить под себя, дабы защититься от колких соломин, протыкавших холщовый тюфяк и царапавших их огрубевшую кожу».

На противоположном полюсе общественной иерархии мы видим замки крупной знати. Нормандские аристократы, воспитанные как воины и пришедшие в Англию как ненавистные завоеватели, естественно, заботились в первую очередь о безопасности и строили для себя замки. Почти в каждом городе, большом или маленьком, был возведён такой замок — и вовсе не для того, чтобы оборонять город, а для того, чтобы держать его жителей в благоговейном страхе. Даже спустя некоторое время, когда нормандцы стали правителями и могли больше не опасаться восстаний, строительство замков продолжалось — теперь они служили для защиты от враждебных соседей-лордов. О военном назначении замка мы поговорим в девятой главе, если же рассматривать его как жилище, то большинство замков едва ли были бы сочтены привлекательными в последующие эпохи, привыкшие к большей роскоши. Типичный замок состоял из двух

частей: двора, окружённого рвом и стенами, и главной башни — массивной постройки, стоявшей обычно поодаль от центра двора на искусственной насыпи. В небольших замках жилые помещения находились в главной башне, однако если внешние укрепления были достаточно мощными, то считали более удобным размещать жилые апартаменты на территории двора и либо пристраивать их к внешней стене, либо строить для них особый дом в пределах защищённой территории. В любом случае роль главной комнаты играл большой зал, где владелец замка, всё его семейство и слуги обедали, проводили своё свободное время и где спали многие из домочадцев. Этот зал часто представлял собой (как, например, в Океме и Винчестере, где подобные залы сохранились до наших дней) довольно просторное помещение, разделённое продольными рядами столбов и напоминавшее церковный неф. Правда, одна из его стен могла быть частью укреплений замка, и тогда вместо окон на этой стороне зала делали узкие щели. На одном конце зала обычно находилась кухня, к нему также должны были примыкать часовня и спальни, расположение которых определялось военным назначением замка. Со временем жизнь стала более обеспеченной и приобрела черты роскоши, усилившаяся центральная власть пресекала феодальные усобицы, и замки постепенно утратили характер военных сооружений, превратившись просто в укреплённые дома, построенные достаточно надёжно, чтобы дать отпор в случае внезапного нападения, но без расчёта на то, чтобы выдержать осаду; так они переродились в дворцы эпохи Тюдоров вроде Хэмптон-Корта.

Главной чертой средневекового дома — даже в большей степени, чем замка, — был холл. Холл представлял собой комнату, длина которой была в полтора-два раза больше её ширины. На дальнем («высоком») конце холла стоял, обычно на помосте, высокий стол, за которым сидели глава дома, его семья и гости, а под прямым углом к этому столу тянулись вдоль стен столы для слуг. Посреди холла в каменном очаге пылал огонь, дым от которого выходил наружу через «лувр» — отверстие в крыше, прикрытое сверху башенкой без стенок; дым от очага оставлял чёрную копоть на стропильных балках, а если это был дом фермера, то ещё и на висевших под крышей кусках копчёной свинины и солёной говядины. Поначалу кушанья готовили и ели непосредственно в холле, и, возможно именно для того чтобы оградить себя от шума, запаха и жара, неизбежно сопряженных с приготовлением пищи, стали устанавливать поперёк «нижнего» конца холла деревянную перегородку или ширму. Такая перегородка с двумя дверями оставалась непременной чертой средневекового холла даже в тех случаях, когда для кухни была сделана особая пристройка со стороны его «нижнего» конца; в больших домах перегородка обычно поддерживала галерею, где во время трапез играли музыканты. В проходе за перегородкой в боковой стене была дверь на улицу (обычно оформленная крыльцом), а в торцовой стене были три двери, из которых средняя вела в кухню, а две другие — в кладовую, где хранился эль, и в буфетную либо кладовую для хлеба. Таков был типичный план «нижнего» конца холла, в чём можно убедиться на примере большинства колледжей Оксфорда и Кембриджа. В небольших

домах планировка могла быть несколько иной, но, как правило, она не имела существенных отличий. На «высоком» конце холла находилась дверь, ведущая в покои, то есть в семейную спальню, которая в дневное время выполняла также роль будуара (женских апартаментов). Начиная с XII века дом стали разделять со стороны «высокого» конца холла на два этажа, комната внизу служила гостиной для приёмов и семейного времяпрепровождения, а комната наверху — «солар» (то есть «солнечная комната», «светлица», — от латинского «sol» — «солнце»), куда поднимались по внешней лестнице, была спальней. Эти комнаты обогревались встроенными в стену каминами с дымоходом, и когда в XIV веке стенные камины полностью пришли на смену очагу в центре холла, исчезла необходимость в том, чтобы холл имел высоту до самой крыши. Мы видим, как постепенно, начиная с эпохи Тюдоров, всё меньше и меньше домов строились с холлами во всю высоту здания, и всё чаще и чаще старинные холлы разбивались на два или три этажа, так что иной раз первоначальный план дома оказывался изменённым до неузнаваемости. И ныне можно удостовериться в том, что перед нами средневековый дом, только если взобраться под самую крышу и отыскать балки и стропила, закопчённые дымом от очага, некогда находившегося посреди главной комнаты.

В резиденциях знати в окнах могли быть вставлены витражи, а вот в обычных домах окна не были застеклены — до XVI века стекло считалось предметом роскоши. Иногда в оконные проёмы вставляли металлические или деревянные решётки, которые при необходимости затягивали промасленным льняным

полотном, однако куда чаще окна оставались открыты порывам ветра и струям дождя, и, чтобы защититься от них, нужно было затворить имевшиеся на окнах дубовые ставни. Стены были оштукатурены и расписаны яркими красками, иногда на них изображали либо сцены из библейской истории, рыцарских романов и преданий о жизни святых, либо аллегорические фигуры вроде «колеса Фортуны» или «Зимы» «с унылым и несчастным лицом», которую повелел написать над камином в одной из своих комнат Генрих III. В XV веке в связи с ростом благосостояния вошло в моду заешивать стены роскошными гобеленами и восточными вышивками. Даже в более ранние времена существовал обычай затягивать стену за скамьями в холле полосой яркой материи и делать вставку из более дорогого материала, нередко придавая ей форму балдахина, который находился над местом хозяина и хозяйки дома в центре высокого стола.

Столы, которые в большинстве случаев представляли собой переносную конструкцию из козел и положенной на них доски, непременно застилали скатертью — льняным полотном. На этой скатерти раскладывали ложки и ножи — вилки были в Англии редкостью даже во времена Елизаветы — и расставляли деревянные или глиняные чаши и кувшины. В богатых домах было принято устраивать обширную выставку золотой и серебряной утвари: чаш, солонок и даже сугубо декоративных предметов вроде «нефа» — настольного украшения в виде искусно выполненного корабля из серебра или золота; драгоценная посуда, не помещавшаяся на столе, красовалась в буфете, который пережил превращение из полки для чаш и мисок

в сервант для роскошной утвари. В дни процветания в XV веке во многих домах место прежних деревянных тарелок заняла посуда из оловянно-свинцового сплава (pewter), которым славилась Англия. Тарелками из глины, скорее всего, не пользовались, поскольку мясо либо ели прямо с общего блюда, что бывало нередко, либо клали куски жаркого на толстые ломти хлеба, которые потом отдавали беднякам. Кости, и так почти дочиста обглоданные обедавшими, швыряли к дверям — для собак. И если учесть, что пол в холле застилали тростником или соломой, которые заменяли не так уж часто, вполне можно представить себе, как неопрятно выглядело это помещение и как ужасно там пахло — именно этим английские дома неприятно поразили Эразма Роттердамского*. Застольные манеры заметно облагородились, когда в обиход вошли ковры, однако это произошло сравнительно недавно, потому что обычай стелить ковры считался иноземной модой и признаком невероятной роскоши.

Эндрю Борд, проницательный врач, живший при Генрихе III, писал: «Большинству людей достаточно принимать пищу дважды в день, те, кто занят физическим трудом, могут есть три раза, а тот, кто ест чаще, живёт, как скотина». Две трапезы, общие для всех, — это обед в 10 или в 11 часов утра, и ужин, обычно в 4 часа пополудни; завтрак как обязательный приём пищи в литературе почти не упоминается, хотя, возможно, большинство начинало свой день с глотка эля, заедая его хлебом, но зато любители

---

* Эразм Роттердамский (1469–1536) — нидерландский ученый-гуманист, писатель и богослов. (Примеч. ред.)

роскоши имели пристрастие к «поздним ужинам», которые часто подвергались осуждению из-за того, что служили поводом для пьянства. В обед и в ужин накрывали сытный стол, и, конечно же, от богатства хозяина зависело, что именно появлялось на нём. Английский крестьянин, в отличие от большинства своих собратьев в других европейских странах, ел мясо — бекон, говядину — почти каждый день, а также ел хлеб и сыр; дворянин средней руки, обедая в кругу семьи, заказывал два-три мясных блюда и десерт, тогда как за столом у знатного лорда, которого традиция обязывала держать дом открытым и оказывать гостеприимство всем пришедшим, накрывали две или три перемены, в каждой из них было десятка по два различных блюд — причём мясо, рыба, дичь и сладости подавались вперемежку без особого порядка; венчали трапезу фрукты и орехи. В самых знатных и богатых домах обед, начиная с того момента, когда на стол стелили скатерть, и до того, как её убирали, проходил в соответствии церемониальным порядком, сопоставимым по строгости с церковной службой, и умение подобающим образом разделять за столом бесчисленные виды мясных блюд было обязательным элементом воспитания человека благородного происхождения. В обществе с более простыми нравами в тот момент, когда мясо подавали на стол и сотрапезники могли приступить к угощению, нередко возникали потасовки, не говоря уже о том, что требования хорошего тона, как-то: мыть руки перед едой, придерживать нарезаемое мясо только тремя пальцами и не ковырять в зубах ножом, — можно было попросту проигнорировать.

Во многих домах основу трапезы составляли плотные, сытные яства: говядина, баранина или знаменитая кабанья голова, ассоциирующаяся у англичан с рождественскими праздниками. Всё подавалось на стол, и всё-таки средневековая кухня была гораздо более изысканной, чем принято думать. Широко распространены были самые различные супы, рагу, мясные пироги, оладьи с припёками, желе и тому подобное; дошедшие до нас кулинарные рецепты XV века говорят о том, что приготовление многих блюд требовало немалого усердия, ибо они состояли из различных тщательно подобранных компонентов, среди которых было значительное количество приправ. Для примера достаточно привести рецепт излюбленного кушанья под названием «*leche lumbard*», которое представляло собой нечто вроде сервелата или немецкой колбасы: «Возьми свинины и изотри её в ступке вместе с яйцами; добавь сахару, соли, изюму, смородины, измельчённого миндаля, молотого перца и гвоздики; набей этим мочевой пузырь и вари, затем нарежь ломтями». Это блюдо подавали с подливой, приготовленной из изюма, красного вина, миндального молочка, подкрашенного шафраном, корицы, имбиря, гвоздики и перца. Важное место в средневековой кухне принадлежало рыбе, особенно тогда, когда нельзя было есть мясную пищу: во время Великого поста и в другие постные дни, к каковым относились все пятницы. Самой популярной рыбой была сельдь, которую ели и сырой, и засоленной, и копчёной, однако в целом средневековое меню включало в себя все известные виды рыбы — от совершенной мелюзги до кита. Что касается фруктов, то в сельских садах росло несколько

разновидностей груш (например, «wardens» славились тем, что были необычайно хороши в пирогах) и яблок, а также вишни, сливы и чернослив. Гранаты и апельсины, привозимые из Испании, были роскошным лакомством для богатых, а вот земляника со сливками составили великолепное сочетание, вкус которого как в Средние века, так и в наши дни по достоинству оценили представители всех слоёв общества. Из земляники, барбариса и других плодов делали консервы в виде засахаренных фруктов и джемов, а вот мармелад, первоначально приготавливавшийся из айвы, был ещё одним испанским деликатесом. В Англии пили многие сорта вин из Франции, Испании и Леванта, однако общим для всех категорий населения напитком был эль, потреблявшийся в непомерном количестве. В каждом доме варили свой собственный эль, эль и хлеб составляли особую группу продуктов, качество и стоимость которых должны были контролировать местные власти. В XV веке голландцы, которых было довольно много в Лондоне и восточных графствах, ввели в обиход пиво — опьяняющий напиток на основе солода, похожий на эль, но более горький и крепкий за счёт добавления хмеля. Поначалу пиво было объявлено отравой, однако оно быстро завоевало популярность и к концу Средних веков уже заметно потеснило эль в роли всеобщего народного напитка.

Обед, столь же длительный, сколь и плотный, зачастую сопровождался музыкой, её могли исполнять либо музыканты, игравшие на галерее «нижнего» конца холла, либо один из странствующих менестрелей или арфистов, чей репертуар состоял из баллад о Робине Гуде и о рыцаре Ланселоте, последних куплетов на

злобу дня, высмеивающих кого-либо из непопулярных министров, а также хвалебных импровизаций в честь хозяина дома и его гостей. После того как со столов всё было убрано, дамы удалялись в свои покои, а мужчины оставались в холле и пили. Затем, если была хорошая погода, следовали танцы на свежем воздухе на траве, особенно прославились англичане своими «каролями» (*caroles*) — весёлыми танцами, сопровождавшимися пением. Более искусными, чем эти простые, но полные грации деревенские танцы, были танцевальные представления под названием «*morris dances*», считавшиеся изобретением мавританского населения Южной Испании, когда танцоры с посохами в руках и в костюмах, унизанных колокольчиками, исполняли сложные фигуры. «*Morris dances*» получили особое распространение как одно из рождественских и новогодних увеселений наряду с «*mummings*» — ряжением, участники которого, надев экстравагантные костюмы и маски, разыгрывали небольшие сценки или гротескные балеты. Любовь к разнообразным нарядам, присущая как глупым детям, так и мудрейшим из взрослых, в Средние века была очень сильна, даже короли и знатнейшие сеньоры не отказывали себе в этом удовольствии — был бы только подходящий повод. Таким поводом было время Рождества, когда в холле царило веселье: пиры чередовались с танцами, выступлениями ряженных и всевозможными играми. Самыми популярными среди игр были «горячие раковины» («*hot cockles*», аналог русской игры «жучок») и «слепец в колпаке» («*hoodman blind*», аналог русских жмурок). Первая из них заключалась в том, что один из участников с завязанными глазами становился на колени, а другие ударяли его — причём

довольно сильно, — и водящему нужно было угадать, от кого ему достался тот или иной удар; во второй игре водящий закрывал глаза, натянув задом наперёд свой капюшон, а затем должен был ловить остальных игроков. Все эти шумные забавы возглавлял «господин беспорядка» (*Lord of Misrule*), роль которого исполнял один из слуг, одетый в фантастический костюм. Этот слуга получал неограниченную власть рождественского короля, и его приказаниям должен был беспрекословно следовать даже сам глава дома. Правда, если «господин беспорядка» был достаточно мудр, он не позволял себе чрезмерных вольностей, памятуя о том, что рождественские праздники бывают только раз в году и с их завершением придёт конец его недолгому правлению — он снова превратится в простого слугу, судьба которого во многом зависит от хорошего отношения хозяина.

В летнюю пору после обеда дамы шли гулять в сад, они рвали цветы и плели из них венки, ведь наши предки питали настоящую страсть к цветам и при каждом большом доме был свой сад. В саду росли розы, лилии, левкои, бархатцы, барвинки, а также душистые растения, служившие для ароматизации воздуха в комнатах: лаванда, розмарин, можжевельник, — и сверх того множество различных трав, применявшихся в медицине и кулинарии. Нередко в саду проходили трапезы, в Средние века устраивали порой даже пикники, хотя не столько ради удовольствия поесть на свежем воздухе, сколько за отсутствием другого способа организовать обед во время охоты. Псовая и соколиная охота занимали первое место среди спортивных развлечений сельского дворянства, правда, в отличие от

современных охотничьих традиций, лису не считали достойной добычей, видя в ней просто вредителя, подобно диким кошкам и волкам (которых в XIII веке ещё немало водилось в Англии), то есть как животное, которое преследуют для того, чтобы уничтожить, а не ради спортивного интереса. Настоящей добычей для охотника были олени, дикие кабаны и зайцы; эту дичь охраняли очень строгие законы. Дамы принимали участие в охоте на оленя или зайца и в соколиной охоте. В последнем случае охотились на водяных птиц: уток, журавлей, цапель, — для этого существовало несколько разновидностей соколов и ястребов, ценившихся чрезвычайно высоко. Соколы нередко упоминаются в числе подарков, которые король преподносил тем, кого он хотел отличить, и бывали случаи, когда ради выздоровления больного сокола совершали паломничество к мощам святых. Для нужд охоты держали также свору гончих псов: спаниелей — чтобы поднимать птиц для соколов и ястребов, борзых — чтобы преследовать оленя или зайца, и неопределённого вида собак типа мастифов — для того чтобы охотиться на грозных кабанов. Насколько можно судить по известным нам изображениям, в XV веке было ничуть не меньше пород собак, чем в XX: начиная с огромных и свирепых сторожевых псов до комнатных собачек, в которые не чаяли души дамы. Главными любимцами были мальтийские спаниели: «они такие маленькие и такие симпатичные, такие изящные и такие славные, что их разыскивают в далёких землях и поблизости, повинувшись привередливому вкусу изысканных дам и неуёмным женским желаниям; они служат предметом безрассудной прихоти и к тому же предлогом для безделья,

ведь, забавляясь с ними, дамы понапрасну растрачивают драгоценное время, отвлекаясь от более достойных дел, — жалкое ухищрение, чтобы скрасить свою докучливую праздность. Чем меньше щенки по величине, тем больше приносят радости, тем больше с ними возятся; они становятся неразлучными друзьями своих хозяек, которые носят их за пазухой, укладывают спать на кровати и подкармливают мясом за столом; когда дамы сидят в повозке или отдыхают на ложе, сии питомцы устраиваются у них на коленях и лижут их в губы... Некоторые из подобных людей больше восхищаются своими собаками, лишёнными каких бы то ни было разумных способностей, чем детьми, которые наделены умом и здравым смыслом. Воистину, они нередко кормят своих любимцев самым лучшим, в то время как дети бедняка, ожидающие под дверьми, едва ли смогут получить даже что похуже». Есть основания полагать, что средневековые дамы питали слабость не только к комнатным собачкам: в 1387 г. епископ Винчестерский вынужден был сделать нескольким монахиням выговор за то, что они берут с собой в церковь «птиц, кроликов, гончих и прочие бирюльки, которым уделяют больше внимания, чем своим религиозным обязанностям». Конечно же в средневековых домах часто можно было видеть птиц в клетках: жаворонков и соловьёв держали ради их пения, сорок и попугаев, которых впервые привезли с Востока крестоносцы, за умение разговаривать; среди домашних питомцев иногда встречались белки и даже обезьяны, но вот котов, по-видимому, не считали годными на эту роль и держали их только потому, что коты умели ловить мышей.

Вернувшись в холл после прогулки в саду, после охоты или после более трудоёмких дел, домочадцы приступали к ужину, весьма похожему на предшествовавший ему обед. Трапеза могла быть несколько менее плотной, но зато, как правило, она была ещё более продолжительной, особенно в части, посвящённой питию. В то время года, когда темнело рано, необходимо было искусственное освещение, потому что, как отметил один средневековый автор, «ужинать в темноте позорно и, кроме того, опасно из-за мух и прочей гадости»; помещения освещали в основном свечами, самые плохие были из сала, самые лучшие — из очищенного пчелиного воска. Лампы, представлявшие собой сосуд с растительным или рыбьим жиром, в котором плавал хлопковый фитиль, хороши были только тем, что могли гореть длительное время, свет же они давали очень тусклый. Факелы из просмоленной древесины, хотя и горели ярко, очень сильно чадили и были источником немалой опасности. В ту эпоху было принято рано вставать и рано ложиться; даже во времена Шекспира «слышать, как колокола отбивают полночь» значило вести исключительно беспутную жизнь, а в Средние века после 6 часов утра оставались в постели только лежебоки, поэтому, за исключением середины лета, большинство домочадцев отправлялись на покой сразу же по окончании ужина. Если перед сном оставалось немного свободного времени, его можно было провести за спокойными играми в холле или в отгороженной от него гостиной, играли обычно на деньги. Самой известной и самой древней игрой были шахматы. Появились они, конечно же, на Востоке, но не позднее

второй половины XI века распространились во всех западноевропейских странах. В средневековых рыцарских романах нередко истории о роковых ссорах из-за шахматной партии, а в наших музеях можно увидеть искусно изготовленные из слоновой кости шахматные фигуры XII и XIII веков, и, как известно, Эдуарду I были преподнесены шахматы из яшмы и горного хрусталя. Почти сравнимы по популярности с шахматами были «дощечки» (*tablets*) — игра, подобная нардам, для которой были нужны и кости, и шашки; упоминания о «дощечках» довольно часто встречаются в источниках, и, как видно, иногда игроков бывало несколько, поскольку мы знаем, что король Иоанн время от времени «играл в дощечки» со знатными сеньорами, такими как Пейн де Чаворт или Бриан де Лисль, и с богатым лондонским купцом Джоном Бакквинтом. Шашки, которые тогда назывались «дамами» (*ladies*), были не столь популярными, как шахматы, а вот в кости играли везде и всюду, партии длились очень долго, и порой на один-единственный бросок ставились целые имения. Карты, которые, подобно шахматам, считаются заимствованием с Востока, стали известны во многих европейских странах не позднее середины XIV века, но нет никаких свидетельств о том, что они появились в Англии раньше, чем столетие спустя; однако ко времени правления Эдуарда IV* карты уже были в ходу и стремительно завоёвывали популярность, хотя сведений о том, какой именно характер носили средневековые карточные игры, по-видимому, не сохранилось.

---

* Эдуард IV — английский король в 1461–1483 гг. (Примеч. ред.)

Средневековые представления о личной собственности существенно отличались от наших, для той эпохи не было ничего странного в том, что все члены семьи, — а также и гости — спали в одном помещении; действительно, им было бы просто трудно разместиться иначе, ведь в типичном доме была только одна спальная комната. В отличие от современных обычаев, все спали обнажёнными, так как до XVI века ночные рубашки были практически не известны. Во времена нормандцев кровати представляли собой подобие низкого деревянного топчана, позднее остов кровати стали делать более высоким и более изящным, изголовье тоже стало выше, теперь оно оформлялось панелью резного дерева или, что было чаще, вышитой материей, такое изголовье получило название «тестер» (от старофранцузского «*teste*» — «голова»); от верхней части изголовья шёл простиравшийся над кроватью балдахин с ниспадающими по краям занавесями, в дневное время их обычно подвязывали, но ночью занавески можно было задёрнуть так, чтобы кровать оказалась полностью скрытой. Венцом этого развития стал широко известный тип кровати с балдахином на четырёх столбах, который был весьма распространённым при Тюдорах и в последующие эпохи. Под высокой кроватью часто держали низенькую кровать на колёсиках, на ночь её выдвигали, и на ней спал слуга или кто-либо другой из людей низкого звания. Матрасы обычно были набиты соломой, но те, кто мог позволить себе такую роскошь, спали на перинах. Льняные простыни были в обиходе с древнейших времён, хотя, как мы говорили, слугам они не полагались; не счесть было шерстяных одеял и пледов, и поверх всего клали верхнее

одеяло, стёганое или вышитое, а зимой — даже меховое. Многие вышивки отличались необыкновенной красотой, и «постель» (как полный набор соответствующих принадлежностей) почти всегда фигурировала в средневековых завещаниях, пренебрегать таким наслідством никто бы не стал, поскольку в XV веке подобный комплект нередко стоил от 50 до 100 фунтов стерлингов.

Стены спальни комнаты могли быть обшиты деревянными панелями, но гораздо чаще их занавешивали гобеленами или расписными полотнищами. Из мебели в спальне должны были быть, по крайней мере, один стул возле кровати и сундук; могло быть ещё несколько стульев или табуретов, но в дневное время сама кровать тоже использовалась как место для сидения. Автор XII века говорил о том, что ещё из стены должны торчать два штыря: на один из них вешают одежду, а второй служит шестком для сокола или ястреба. Первое, безусловно, можно считать общим правилом, но сомнительно, будто очень многие обожали своих ловчих птиц до такой степени, чтобы держать их в спальне, — возможно, считалось, что для птиц будет лучше, если они выберут себе место самостоятельно.

В богатых домах в спальне обычно стояла тумба, на которую ставили металлический таз и кувшин. Средневековые книги по этикету говорят о том, что нужно было обязательно умывать лицо, мыть руки и чистить зубы каждое утро, но в них нет ни слова о необходимости время от времени принимать ванну. Раннеанглийский автор пишет о свойственной датчанам привычке мыться каждую субботу, трактуя её как

свидетельство их щегольства, а средневековые монахи пошли ещё дальше, постановив, что принимать ванну следует только в тех случаях, когда это необходимо для здоровья, и только по назначению врача. Из подробного описания повседневных занятий короля Иоанна видно, что этот монарх доставлял себе удовольствие принять ванну один раз в три недели. С другой стороны, в бесчисленных рыцарских романах можно прочесть, что первейшим жестом гостеприимства по отношению к посетившему замок страннику было приготовление для него ванны, и, как свидетельствуют иллюстрации к этим романам, в больших домах часто имелась своего рода ванная комната — занавешенный альков с большой лоханью. Мы не знаем, пользовались ли в целях личной гигиены мылом, но нам известно, что мыло наряду с щёлоком из древесной золы применяли при стирке. В этой связи любопытно отметить, что даже во времена Эдуарда VI прачки частенько теряли бельё и возвращали клиентам не те вещи: в описи гардероба эрла Уорика, относящейся к 1550 г., помечено, что две рубашки «были потеряны в прачечной в Или-Хаусе», а ещё одна была «подменена при стирке».

Итак, мы знаем, что почти на всём протяжении Средних веков в домах людей среднего сословия была только одна спальная комната. Конечно, это не относится к королевским дворцам и к дворцам высшей знати, но всё-таки даже там количество комнат для гостей было ограниченным, а условия, в которых жила челядь, никак нельзя назвать роскошными. Простые слуги спали если не в холле, то на кухне, в хозяйственных пристройках или там, где удавалось приткнуться; слуги

рангом повыше делили друг с другом общую спальню, и, несомненно, им приходилось спать в общей кровати. Даже в хозяйстве могущественного рода Перси, эрлов Нортумберленда, ещё в конце XVI века священники спали по двое на одной кровати, а мальчики-хористы — по трое. Воистину, когда узнаёшь, каким был домашний быт в Средние века, поражаешься любопытному сочетанию роскоши и отсутствия комфорта, а также почти полной невозможности уединения. И хотя человек с положением имел по закону преимущества перед бедняком, что в наши дни представляется абсолютно неприемлемым, в те времена они всё же были ближе друг к другу, чем сегодня. В повседневной жизни пропасть между различными слоями общества начала увеличиваться вследствие роста благосостояния в конце XIV века. В самый канун крестьянского восстания 1381 г. автор «Видения о Петре Пахаре» писал по поводу распространившегося в среде сельского дворянства обычая обедать отдельно от челяди в своих личных покоях:

Достоин сожаления тот холл, где не сядут хозяин
и хозяйка.

Теперь богатые взяли за правило трапезничать
в своём кругу,
В собственной общей комнате или в опочивальне
с камином,

Из-за того, что в холле — бедняки.

Процессу обособления содействовали перемены, произошедшие в планировке домов: когда исчез большой холл и увеличилось количество комнат, стало проще отделить челядь от хозяйской семьи; другим фактором стало появление при Тюдорах прослойки

«новых богачей», не соблюдавших старых традиций. В итоге это привело к возникновению особой породы людей: тех, что предпочитают держаться особняком и с гордостью говорят: «Дом англичанина — это его крепость».

ГЛАВА 4

ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИЯ

Средневековье можно назвать «эпохой веры», а наше время — «эпохой вер». В Средние века на всей территории Западной Европы царила одна-единственная религия, проповедуемая католической Церковью, признанным главой которой был папа Римский. Самостоятельно размышлять над религиозными вопросами и исповедовать взгляды, отличные от позиции Церкви, не имел права никто; поступать иначе означало быть еретиком, то есть подвергать опасности своё тело в земном мире и рисковать своей душой в мире ином. Реформация*, по существу, была движением протеста, и естественно, что различные деятели протестантской Церкви должны были начать с более или менее решительных выступлений против отдельных постулатов и образа действий католической Церкви, а затем начались яростные взаимные нападки. В итоге католическая Церковь осталась единой и неизменной, а протестантская Церковь вскоре распалась на бесчисленные секты, которые продолжают множиться и по сей день.

На протяжении всего Средневековья Англия вполне определённо принадлежала к католической Церкви; однако Англия не принимала вмешательства папы в свои дела с такой готовностью, как это делали другие

---

* Реформация — религиозное движение в Западной Европе XVI в., направленное против злоупотреблений католической Церкви во главе с папой, приведшее к возникновению протестантизма. (Примеч. ред.)

европейские страны. На требование папы признать его своим верховным владыкой Вильгельм Завоеватель ответил недвусмысленным отказом; когда Генрих II вел борьбу за подчинение Церкви государству в вопросах права, его поддерживало большинство населения — до тех пор, пока убийство Бекета* не показало, что король окончательно сбился с истинного пути; решение короля Иоанна признать папу сюзереном Англии**, хотя и было сочтено мудрым политическим шагом, многих задело за живое и пробудило недовольство; при Генрихе III английские священнослужители свободно высказывались на тему папского вмешательства и налогообложения, а при его преемнике, когда папа выказал намерение распорядиться шотландским престолом по своему усмотрению, бароны напрямую посоветовали ему не совать нос в чужие дела; со времён Эдуарда III английское духовенство и миряне становились всё более нетерпимыми к папской власти. Но это никак не отражалось на их вере, и до середины XIV века ни один человек в Англии не сомневался в истинности религии своих предков — за исключением тех людей, которые потешаются над всякой религией, — и никто не представлял себе иного главы Церкви, кроме папы.

---

* Томас Бекет — архиепископ Кентерберийский в 1162–1170 гг., выступал против подчинения английской Церкви светской власти и был убит по распоряжению короля Генриха II. (Примеч. ред.)

** Английский король Иоанн Безземельный в 1268 г. был отлучен от Церкви папой Иннокентием III за отказ признать назначенного папой епископа Кентерберийского. В 1213 г. Иоанн примирился с Иннокентием III, признав себя его вассалом. (Примеч. ред.)

Затем последовала страшная эпидемия «Чёрной смерти» 1349 г., которая оказала двойственное влияние на душевное состояние людей: одни охладели к религии и стали бездумно предаваться всем мыслимым и немыслимым грехам, другие, напротив, с большей серьёзностью обратили свои помыслы к Богу. Церковь в ту пору заботилась преимущественно о своих мирских интересах и погрязла в пороках, папский двор печально славился своей алчностью и распутством, к тому же католическая Церковь переживала раскол, вследствие чего появились двое противоборствующих пап, каждый из которых считал себя главой католического мира. Когда Джон Уиклиф (о котором пойдёт речь в шестой главе) выступил с решительной критикой пороков Церкви, его тотчас же поддержали многие ревностные католики — но не папа и не епископы. Когда Уиклиф перешёл к критике христианского вероучения и, в частности, выступил против догмата о «пресуществлении» (то есть веры в превращение хлеба и вина, освящённых в ходе мессы, в подлинное тело и кровь Христа), а также против культа святых и поклонения их мощам, то вновь как сам Уиклиф, так и его последователи, которые пошли даже дальше него, нашли восприимчивых слушателей, и в первой половине XV века Англию заполонила ересь лоллардов*. Но для протестантской Реформации время ещё не пришло, Церковь и государство объединили усилия ради того, чтобы сокрушить ересь, и английский народ продолжал

---

* Лолларды — участники религиозно-общественного движения в Англии в XIV в., выступали против привилегий католической Церкви и требовали секуляризации ее имущества. (Примеч. ред.)

исповедовать католическую веру под водительством Рима до тех пор, пока Генрих VIII, руководствуясь сугубо личными мотивами, не вырвал английскую Церковь из-под власти папы (чему многие обрадовались) и не проложил путь реформаторскому движению протестантизма (что привело в восторг немногих).

Одним из пунктов учения лоллардов был тезис о всеобщем равенстве людей, тех же взглядов придерживалась и Церковь, как в теории, так и, в значительной мере, на практике. Теоретически Церковь была полностью демократической организацией. Сын крестьянина, став священнослужителем, мог достичь положения епископа или даже папы и возвыситься над всеми европейскими государями. Единственный англичанин, когда-либо носивший папскую тиару — Николас Брейксспир (папа Адриан IV), — был сыном скромного горожанина из Сент-Олбанса, а кардинал Уолсей — сыном мелкого фермера. Даже у виллана был шанс достичь таких высот, если ему удавалось получить у лорда разрешение на то, чтобы принять духовный сан. И в теории Церковь так же точно смотрела на всех мирян, будь то богатые или бедные, как на равных и равно карала их грехи, хотя в реальной практике церковных судов дело могло обстоять иначе, в чём можно убедиться на примере протоколов судебных заседаний в Кенте в 1292 г.: в то время как простолюдины были приговорены к суровому наказанию, сэр Томас де Маринс получил разрешение заплатить штраф, ибо «рыцарю не приличествует подвергаться публичному наказанию». И всё-таки Церковь была способна противостоять светской знати и старалась не допускать, чтобы сильные мира сего злоупотребляли своей властью

над бедняками. И как бы далеко ни отклонялась Церковь от христианских идеалов, всегда было немало достойных священнослужителей, которые утверждали эти идеалы словом и делом и были оплотом истины и справедливости.

Другим пунктом, в котором практика существенно расходилась с теорией, было религиозное просвещение. Считалось, что каждый должен был знать «*Paternoster*» («Отче наш»), «*Creed*» («Символ веры») и «*Ave Maria*» («Богородицу») на латыни или на английском языке. Тем не менее многие вырастали, не выучив даже такой малости, и ещё очень и очень многие не имели ни малейшего представления о смысле латинского богослужения, которое они регулярно слышали в своей церкви. И никого не удивляло, что священники зачастую были не более сведущими, чем их прихожане. На протяжении всего Средневековья раздавались сетования на удручающее невежество многих духовных лиц. Священник Слот (Sloth — букв. «лентяй») из «Видения о Петре Пахаре» признавался:

Я был служителем Церкви, тридцать зим я был приходским священником,
Но я не понимаю нот и не умею петь, я не могу прочесть жития святых, написанные на латыни;
Я гораздо лучше сумею выследить зайца на лугу или на вспаханном поле,
Чем перевести первый псалом и растолковать его прихожанам.
Я могу собрать дружескую компанию, могу вести счета графства,
Но в требнике или в папском эдикте я не смогу разобрать ни строчки.

Конечно, это могло быть всего лишь поэтическим преувеличением, однако инспекторская проверка, проведённая в 1222 г. в семнадцати приходах Беркшира, показала, что пятеро священнослужителей не только не понимают содержания мессы, но даже не могут её пропеть, и, как свидетельствуют другие документы, такое положение дел не было редкостью. В 1552 г. епископ Хупер выявил во время поездки по вверенным ему землям «десятки священнослужителей, которые не могли назвать автора молитвы Господней и не знали, где её следует искать». Рассказывают, что Луи де Бомон, ставший в 1316 г. епископом Даремским, «совсем не понимал по латыни и даже с трудом выговаривал латинские слова. И вот, когда по ходу церемонии посвящения ему следовало произнести слова обета, он не смог прочесть их, несмотря на то что его начали обучать этому ещё за несколько дней до торжественного события; добравшись в конце концов с посторонней помощью до слова *“Metropolitan”*, которое, многожды переведя дыхание, он так и не сумел отчётливо произнести от начала до конца, новоявленный князь Церкви сказал по-французски: “Пусть будет принято, как прочитано!” Все присутствующие пребывали в изумлении и горько скорбели о том, что такой человек будет посвящён в сан епископа. В другой раз, когда Луи де Бомон совершал рукоположение и не мог выговорить словосочетание *“in aenigmate”*, он воскликнул по-французски, обращаясь к тем, кто стоял рядом: “Клянусь святым Людовиком, такое мог написать только полный болван!”»

Использование латыни в качестве единого языка Церкви имело свои преимущества: тот, кто знал

содержание мессы, всегда мог принять участие в богослужении, куда бы его ни забросила судьба. Оказавшись в Германии, во Франции или в Италии, англичанин в любом храме был как у себя дома, словно в церкви своего родного прихода. Однако нельзя забывать об очевидных недостатках: ведь для того, кто не понимал латыни и кому вразумительно не объяснили содержание службы, в его собственной приходской церкви всё казалось не менее чуждым, чем в далёких землях. Вот как изображает умонастроение своей паствы один известный проповедник XIII века: «Мы не понимаем мессы, и потому не можем молиться с таким усердием, как нам следовало бы; мы не чувствуем того благоговения, как если бы понимали службу. В проповеди нам ясно каждое слово, но месса остаётся для нас загадкой: нам не понять ни того, что читается, ни того, что поётся, — мы не можем уразуметь смысл богослужения». Следствием невежества священнослужителей и народа было пренебрежение своими обязанностями со стороны духовенства и непочтительность со стороны паствы: во время службы прихожане переговаривались и отпускали шуточки, они почти не утруждали себя тем, чтобы снять шапки или преклонить колена в кульминационный момент мессы, когда совершалось освящение хлеба и вина, о чём возвещал звон колокольчика за алтарём. Св. Бернардино пишет: «Есть немало невежественных людей, которые во время богослужения приходят в церковь из кабака в изрядном подпитии, иные из них и вовсе проводят время в ожидании у стен церкви, разговаривают о своих быках да о мирских делах и даже обмениваются непристойностями, они не заходят в церковь до

вознесения Святых Даров, на которое глазают безо всякого почтения: многие, а то и все, не снимают шапок, и едва ли кто преклонит колена; и вот, когда они с шумом ввалятся в храм, чтобы увидеть Тело Христо-во, то едва лишь ступив на порог и бросив один только беглый взгляд на Него, уже поспешают прочь, словно увидели не Христа, а Дьявола».

Но если судьба была милостива и приходу доставался священник, подобный тому, которого изобразил в своём сочинении Чосер, можно не сомневаться, что прихожане получали должные разъяснения и наставления, что все они знали содержание службы, понимали её смысл и любили богослужения в своей церкви. В таком случае большинство прихожан начинали свой день с посещения ранней мессы в 6 часов утра. По воскресеньям и в дни праздников они должны были присутствовать ещё и на торжественной мессе, начинавшейся в 9 или в 10 часов утра, обычно она сопровождалась проповедью на английском языке. Характер проповеди, как и в наши дни, зависел от того, каков был характер проповедника: ленивый мог приобрести сборник готовых текстов, добросовестный мог произнести глубокомысленную речь; однако в большинстве случаев проповедь была, скорее, личным обращением духовного наставника к своей пастве, её оживляли различные истории, нередко юмористического содержания, а также басни и сравнения, позаимствованные из популярных книг по естествознанию. Именно благодаря деятельности проповедников верующие получали религиозные наставления, и хотя до эпохи Реформации проповедь никогда не занимала такого места в службе, как позже при пуританах, она тем не

менее играла очень важную роль в жизни религиозной общины.

Воскресенье было свободным днём, отведённым для церковной службы; по воскресеньям запрещалась любая работа, кроме той, которую действительно никак нельзя было отложить: например, приготовить пищу, подковать коня отправляющемуся в дорогу или убрать урожай. Торговля в этот день тоже была запрещена, однако, несмотря на постоянные запреты, воскресенье оставалось базарным днём и по воскресеньям же порой вершился суд. В дни особо почитаемых святых, и прежде всего в день того святого, которому был посвящен местный храм, тоже запрещалось работать, и поскольку по такому поводу жители прихода, в праздничном настроении ожидая службы, собирались около церкви, там стали разбивать торговые палатки; поначалу в них продавали еду и напитки, чтобы прихожане могли подкрепиться, затем и менее необходимые вещи, а в дальнейшем этот обычай перерос в регулярные ярмарки. В тех случаях, когда имя святого, которому была посвящена церковь, оказывалось почти забытым, как нередко бывало в Англии после Реформации, его зачастую удавалось восстановить. Для этого нужно было узнать, на какой день приходилась деревенская ярмарка, и выяснить, кого именно из святых почитали в этот день.

Центром религиозной жизни, естественно, была приходская церковь. Как правило, церковь первоначально строил лорд манора, и поэтому лорду принадлежало право предлагать кандидатуру священника, который именовался «ректор» или «*parson*» («главное лицо») прихода; священник получал дом, земельный

надел определённой величины (так называемую приходскую землю) и ежегодную денежную сумму, в основном собираемую в виде церковной десятины. Уже в первые века христианства сложился обычай, по которому каждый из верующих отдавал на служение Господу десятую часть (десятину) своего имущества: десятую долю урожая, скота или доходов с торговли. Когда страна была поделена на приходы, право на эти десятины естественным образом закрепилось за приходской церковью. На средства от церковной десятины приходский священник должен был содержать в исправности здание храма, помогать бедным и оказывать гостеприимство странникам. Некоторые приходские священники вынуждены были довольствоваться мизерной суммой и едва сводили концы с концами, но многие церкви имели богатый доход; в таких процветающих приходах священники обычно брали себе большую часть денег и перекладывали заботу о приходе на викария (т. е. «заместителя»), который выполнял эти обязанности за небольшую плату. Лорд манора нередко уступал своё право патронажа над церковью — право выбирать кандидата на должность приходского священника — какому-либо монастырю, и тогда монахи получали от епископа разрешение «присвоить» церковь; таким образом они становились его «ректорами» и могли назначать викария для управления приходом. Обычно «ректору» доставалась «большая десятина», а именно зерно и шерсть, а викарию — «малая десятина», то есть практически всё остальное — от капусты до угольных копей.

Любая церковь состояла как минимум из двух обязательных частей: с восточной стороны находился

алтарь*, где возвышался престол (в протестантских церквях его сменил «стол для причастия», с западной стороны был неф. Алтарь — владения священника, поэтому о его состоянии и внешнем виде должен был заботиться «ректор», тогда как неф предназначался для прихожан, которые отвечали за сохранность и достойное содержание этой части церкви. Поэтому, когда в XV веке перестраивали церковь в Бодмине, средства собирали всем приходом и, по-видимому, каждый его житель внёс свою лепту, а когда в Тотнесе возводили новую башню, то все горожане были призваны на помощь, чтобы доставить к церкви камень из каменоломен. Очень многое говорит о том, что люди чрезвычайно гордились своими церквями и охотно содействовали их украшению. Именно благодаря такому патриотизму прихожан мы можем любоваться прекраснейшими храмами Восточной Англии и западных графств, построенными в XV веке, в ту эпоху, когда эти земли были центром процветающего сукноделия. Нашим предкам недостаточно было возвести прекрасное здание, каждая церковь имела роскошное убранство: вышитые ризы священнослужителей и алтарные покровы, стяги и кресты, потиры и изображения святых. До Реформации любая церковь, даже самая незначительная, поражала своим богатством, а если бы до наших дней сохранились сокровища любого из крупных храмов, то они стоили бы баснословных денег.

---

* Церкви по возможности ориентировались по линии восток-запад, но в городах их расположение зависело от наличия необходимого места, и порой они могли возводиться даже по линии север-юг. (Примеч. авт.).

В большинстве церквей алтарь был конструктивно отделён от нефа аркой, но в любом случае их разделяла деревянная перегородка с галереей наверху. Английское название такой галереи — rood-loft — буквально означает «хоры с распятием», поскольку на ней устанавливали крест или распятие; с этих галерей священник должен был читать Послания апостолов или Евангелие, однако так бывало только в крупных церквях. Распятия на большинстве галерей были уничтожены, а вот алтарные перегородки, из которых иные украшены прекрасной резьбой и расписаны, местами ещё встречаются, и даже если такая перегородка не сохранилась, можно увидеть в стене рядом с аркой, отделяющей алтарь от нефа, ступени и дверной проём, который некогда вёл на галерею.

Помимо основного высокого алтаря, находившегося в восточной части церкви, в нефе и в боковых часовнях могло быть ещё несколько алтарей, посвящённых различным святым; во многих церквях значительная доля таких алтарей была связана с гильдиями. Эти гильдии, в чём-то похожие на современные «общества взаимопомощи», представляли собой товарищества мужчин и женщин, объединившихся для совместного исполнения религиозных и общественных обязанностей. Гильдия всегда возникала вокруг определённого алтаря или образа в приходской церкви, члены гильдии поддерживали огонь в лампаде перед своей святыней и нередко приглашали капеллана, чтобы тот отслужил перед ней мессу; в таком случае капеллан, как правило, помогал приходскому священнику. Однако основная цель гильдии была в том, чтобы оказывать помощь тем из её членов, кого одолеют бедность или

болезнь, и достойно проводить в последний путь тех, кому придёт срок отойти в мир иной. Подобных гильдий в средневековой Англии было великое множество, иногда до двадцати-тридцати в одном приходе, и они немало сделали для того, чтобы облегчить участь бедняков и не дать бедности распространиться ещё более.

Что же касается внешнего облика церкви, то в первую очередь обращала на себя внимание башня, главное назначение которой состояло в том, что она служила колокольной. И даже в том случае, когда речь не шла о высокой башне с подбором разноголосых колоколов, непременно была хотя бы маленькая деревянная башенка с одним-единственным колоколом для того, чтобы созывать прихожан на церковную службу. Но не только для этого предназначались средневековые колокола: в те времена люди верили, что звон колокола, должным образом окрещённого и благословлённого епископом, отпугивает нечистую силу и предотвращает грозы. С южной стороны нефа было выступающее крыльцо, которое играло важную роль в жизни прихожан, потому что именно на церковном крыльце проходила важнейшая часть свадебной церемонии.

Внутри церкви у западной стены обычно находилась купель. Поскольку наши предки верили, что души младенцев, умерших некрещёнными, попадают в ад, неудивительно, что они стремились совершить таинство крещения как можно скорее и, согласно обычаю, крестили младенцев на следующий же день после рождения. Конфирмацию* тоже проводили гораздо

---

* Конфирмация — у католиков таинство миропомазания, совершаемое епископом, отдельно от крещения. (Примеч. ред.)

раньше, чем ныне: считалось, что дети должны быть конфирмированы к трём годам; но хотя конфирмация являлась необходимым условием для того, чтобы ребёнок был допущен к таинству евхаристии (или причастия), дети моложе двенадцати лет, возможно, такого разрешения не получали. Все, кто достиг двенадцатилетия, обязаны были причащаться раз в год, на Пасху, но подразумевалось, что они будут делать это чаще. Точно так же все они должны были исповедываться как минимум один раз в год, в начале Великого поста, когда священник или все священнослужители, если таковых было несколько, выслушивали в нефе церкви покаянные признания грешников, стоявших пред ними на коленях.

С религией наших предков было сопряжено великое множество суеверий. Порой даже затруднительно определить, что следует отнести на счёт религии, а что — на счёт предрассудков, ведь те представления, которые кому-то кажутся истинными, и те действия, которые кто-то считает благотворными, для других будут всего лишь суеверным вздором, однако презирать подобные обычаи и бичевать их, не придавая значения чувствам тех, для кого они имеют силу, не значит проявить себя лучшими христианами и добропорядочными людьми. Несомненно, именно суеверием был порождён обычай использовать священные предметы в целях колдовства. Мы уже говорили о том, что в Средние века магические практики имели очень большое распространение. Те, кто занимался этим богопротивным делом, глубоко верили в способность гостии (то есть освящённой во время мессы облатки) защитить их от злых духов, которых они собирались вызвать,

поэтому облатки воровали или тайно покупали у недобросовестных священников. Многие старались выкрасть облатки из дарохранительницы, руководствуясь менее злостными побуждениями: они верили, будто гостия помогает в любой жизненной ситуации. Это преступление стало таким частым, что пришлось снабдить все дарохранительницы запирающимися крышками. «Многие селяне, — говорил в XIII веке Бертольд Регенсбургский, — попали бы прямо в рай, если бы не их пристрастие к колдовству. Женщина ворожит, чтобы найти себе мужа, ворожит, чтобы состоялась свадьба, она ворожит перед родами, ворожит накануне крещения своего ребенка и после него, но всё, чего она этим добьётся, — сделает своё дитя несчастным на всю жизнь. Воистину, люди, диву даёшься, как вы только до сих пор не обезумели от тех чар, которые насылают на вас женщины!» Случалось, что даже священники разоряли убранство алтаря и служили некое подобие мессы на погибель своим врагам, однажды монахи Винчестерского кафедрального собора, враждовавшие с епископом, выказали ему свой протест тем, что обошли вокруг церкви крестным ходом в направлении, противоположном обычному* и несли при этом перевёрнутые кресты. Суеверие проявлялось также в отношении невежественных людей к изображениям и останкам святых. Преклоняться перед теми, кто прожил достойную жизнь и пожертвовал собой ради веры, — прекрасно; трудно возражать и против того, чтобы увековечить память об этих людях, изваяв их

---

* Идти в направлении, противоположном движению солнца, — распространённый приём чёрной магии. (Примеч. авт.)

изображения (ведь именно так мы поступаем сегодня, когда устанавливаем на городских улицах памятники великим светским деятелям), не говоря уже о том, что статуи украшали храмы и среди них было немало подлинных произведений искусства. Римская католическая Церковь всегда учила и продолжает учить верующих молиться святым, но она также говорила о том, что молитвы, произносимые перед распятием или перед фигурой святого, должны быть адресованы не бездушной статуе, а тому, кого она изображает. Тем не менее многие невежественные христиане, вне всякого сомнения, почитали священным сам материальный образ и поклонялись ему точно так же, как язычники поклоняются своим идолам. Похожую параллель можно провести и в деле с великой проблемой индульгенций, послуживших поводом для судьбоносного выступления Лютера. Считалось, что папа Римский как преемник святого Петра имеет возможность частично или полностью освободить грешника от причитающегося наказания, если тот по-настоящему раскается, и многие христианские авторы усиленно подчёркивали важность искреннего покаяния. Однако на деле те, кому было поручено распространять папские индульгенции в различных областях страны, обычно не отличались праведным образом жизни; они сбывали свидетельства об отпущении грехов всем без разбора и даже ставили их на кон, когда играли в кости, отчего индульгенция стала рассматриваться как патент на совершение любых грехов без опасения понести наказание за них в ином мире. Всё это можно резюмировать следующим образом: в те времена, когда ещё не существовало ни книгопечатания, ни системы всеобщего

образования, религиозное просвещение большинства прихожан ограничивалось наставлениями, получаемыми от духовных лиц, и поскольку Церковь не требовала, чтобы умственные способности и моральный облик её служителей отвечали достаточно высоким критериям, не приходится удивляться, что народ не смог постичь тонкостей христианского вероучения и трактовал его по-своему, стремясь облегчить свою жизнь.

Помимо простых священников были своего рода «профессионалы в религии», всецело посвятившие себя служению ей (мы можем сравнить их положение в средневековом обществе с положением представителей интеллектуального труда и свободных профессий в наши дни); это — монахи и монахини, которые удалялись от мира, чтобы провести свою жизнь в молитвах и духовных размышлениях. Идеал монашеской жизни был присущ не только христианству, первые религиозные общины, стремившиеся жить вдали от мирской суеты, как известно, появились на Востоке, но приблизительно к V веку монашество уже получило распространение в Европе. Можно выделить три основные цели монашества: спасти души членов монашеской общины, оградив их от мирских искушений; служить Господу усердными молитвами; служить миру, молясь за него и трудясь над созданием книг религиозного содержания. Каждый монах приносил три обета: обет бедности — ни один из них не имел права владеть какой бы то ни было собственностью; обет целомудрия — они не могли вступать в брак; и обет послушания — монахи должны были беспрекословно подчиняться аббату (настоятелю) монастыря и главе своего ордена.

Старейший и самый влиятельный монашеский орден Западной Европы был основан в 529 г. св. Бенедиктом, в Англии этот орден появился благодаря св. Августина в 597 г. Кельтские монастыри, существовавшие к тому времени в Ирландии, на Шотландских островах и в западных, заселённых бриттами, областях Англии, представляли собой сообщества монахов, живших неподалёку друг от друга в собственных хижинах; у них был общий духовный наставник, однако их жизнь не была строго регламентирована. Бенедиктинцы жили все вместе под началом аббата и его помощников, они разделяли друг с другом кров и следовали правилам, установленным основателем ордена. На первых порах, когда Европа была по большей части языческой, монахи выполняли роль миссионеров, и потому им нередко приходилось надолго покидать монастырскую общину, но потом, когда христианство стало общепризнанной религией и в каждом приходе появился собственный священник, бенедиктинский орден ограничил деятельность своих членов территорией монастыря.

Монастыри строились по общему плану, основные черты которого оставались почти неизменными. Центральной постройкой была крестообразная церковь: продольный неф представлял собой самый длинный из четырёх концов креста, алтарь — его продольную короткую вершину, перекладиной креста были поперечные нефы — северный и южный трансепты. Над тем местом, где трансепты сходились с продольным нефом и алтарём, возвышалась башня. Продольный неф, отделённый деревянной перегородкой, был доступен для всех, нередко он выполнял роль приходской церкви; скрытая за перегородкой восточная часть

здания служила монастырской церковью, хотя верующих могли допускать к находившимся там алтарям и святыням. Внутренняя планировка церкви во многом определялась тем, что особенностью монастырских богослужений были религиозные процессии. Строения монастыря, если позволяло расположение храма, возводились к югу от него, чтобы их освещало солнце и загораживало от северного ветра здание храма, но при отсутствии такой возможности монастырские корпуса размещались на северной стороне. В любом случае все постройки располагались по периметру внутреннего двора, окружённого крытой галереей, которая стала характерной чертой монастырской архитектуры. Там монахи проводили почти всё своё время между церковными службами, вот почему монастырю желательно было иметь солнечный и хорошо защищённый двор.

Одну сторону монастырского двора, как мы видели, занимала церковь; на противоположной его стороне находилась трапезная — монастырская столовая. Возле стены было предусмотрено место для умывания: резервуар с водой или лохань для омовения рук; воду брали из колодца посреди двора, или же она поступала по трубам, если в этом монастыре, как в крупных обителях, имелась система водоснабжения. Помещение трапезной в точности походило на большой холл в частном доме: на одном конце был высокий стол для старших членов монастырской общины и гостей монастыря, а перпендикулярно к нему тянулись вдоль стен другие столы для младших монахов, но на месте галереи для музыкантов находилась кафедра, с которой во время трапезы читали Библию или другие духовные книги.

Ряд построек, располагавшихся вдоль восточной границы монастырского двора, включал в себя трансепт церкви, зал собраний капитула, где вершились дела монастыря, и, как правило, гостиную (общую залу), где монахи могли собираться и беседовать друг с другом или принимать посетителей в отведённое для этих занятий время. Над залами было помещение монастырского дортуара — общей спальни монахов; одним концом оно примыкало к церкви, куда вела лестница в трансепте, на другом конце находился вход в уборную. На западной стороне двора в первом этаже располагались кельи, а помещения над ними обычно предназначались для гостей, поскольку монастырь нередко исполнял роль гостиницы для средневековых путников.

Неподалёку от главных корпусов монастыря находилось внушительное здание лазарета с примыкавшей к нему часовней. В лазарете содержались престарелые, увечные и больные монахи, а также те, кому было сделано кровопускание. На всём протяжении Средневековья врачи придавали очень большое значение регулярному кровопусканию. В ту эпоху еда была плотной, люди в огромных количествах употребляли мясо, обильно запивая его вином и элем, поэтому при отсутствии регулярной физической нагрузки они становились слишком полнокровными, а значит, склонными к апоплексическим ударам и прочим проистекавшим из этого болезням, если периодически не выпускать из их организма немного крови. Монахам такая процедура была особенно необходима, ведь они были подвержены искушению есть и пить больше других, а двигались ещё меньше — многие из них вовсе не знали иного

физического труда, кроме необременительной работы в саду. Соответственно, все монахи должны были в порядке установленной очереди регулярно — пять или шесть раз в год делать кровопускание. И поскольку эта процедура ослабляла их жизненные силы, перенесшие кровопускание монахи освобождались на три дня от большинства своих обязанностей и могли оставаться в лазарете, получая лёгкие и питательные кушанья. Процедура кровопускания была несложной и хорошо известной, её мог выполнить почти каждый монах, однако при необходимости серьёзной операции или в случае опасного заболевания всегда приглашали врача со стороны, ибо даже в том случае, если большой монастырь имел собственного медика, тот почти никогда не был монахом.

Позади монастырских корпусов размещались кухня, пекарня, пивоварня, жилые помещения для слуг, конюшни, хлев, амбары и прачечная. Кроме того, в крупных монастырях были специальные помещения для швейной и сапожной мастерских, а иногда даже собственная сыромятня, где выделывали кожи.

Главной целью монашеской жизни являлось служение Богу. В полночь братия поднималась по сигналу висевшего в дортуаре колокола: монахи тотчас же просыпались, читали каждый свою молитву и со вторым ударом колокола спускались в церковь к заутрене, за ней следовали хвалебные гимны, английское название этой части службы связано с тем, что она включала исполнение трёх псалмов, каждый из которых начинался со слова «Laudate». Затем монахи возвращались в свои постели. День в монастыре отсчитывался от восхода солнца до заката, этот временной промежуток делился

на двенадцать часов, причём длительность одного часа варьировалась в течение года, и потому действительное время различных служб менялось в зависимости от продолжительности дня. На рассвете вновь звонил колокол, монахи выходили в монастырский двор к умывальне, чтобы ополоснуть руки и привести в порядок волосы, после чего шли в церковь на первую дневную службу (Prime), сопровождавшуюся утренней мессой. По окончании мессы братия собиралась в зале капитула, там читались определённые молитвы и положения монастырского устава, иногда произносилась проповедь. Затем оглашались имена монахов, ответственных за отправление различных обязанностей, и зачитывался распорядок дня, после этого те из братии, кто пренебрёг в чём-то своим долгом и терзался угрызениями совести, признавались в своих проступках, а те, кому случилось узнать о недостойном поведении других своих товарищей, сообщали об этом капитулу; виновные, подлежащие наказанию, подвергались бичеванию или несли иную кару. После капитула монахи либо служили личные мессы, либо проводили время в галерее монастырского двора за чтением и работой до третьего часа, когда колокол созывал их на очередную службу (Terce), за которой после небольшого перерыва следовала торжественная месса, а сразу за мессой — служба шестого часа (Sext). В шесть часов (то есть в полдень) братия обедала, это была первая трапеза. В обычные дни в монастыре со строгими нравами к обеду подавали хлеб и два блюда (суп и мясо), в сезон трапезу довершали фрукты. В постные дни, каковыми были все среды, все пятницы и все дни Великого поста, вместо мяса ели рыбу и яйца, а по праздникам на столе

появлялись дополнительные блюда и вино. В богатых монастырях почти никогда не заботились о соблюдении умеренности в пище, и очень часто монастырская трапеза изобиловала роскошными яствами, особенно если говорить о тех из них, которые подавались сидевшим за высоким столом.

Покинув трапезную, монахи либо оставались во дворе, либо, если на дворе было лето, удалялись в спальню, где отдыхали до девятого часа, когда звон колокола напоминал им о приуроченной к этому времени службе (None); служба девятого часа была непродолжительной, и по её завершении монахи возвращались к своим делам в монастырской галерее или работали в саду. Примерно в десятом часу пели вечерню (Evensong), затем следовал ужин, после ужина монахи сидели в галерее до заката, и затем сходились в трапезной, чтобы выпить по глотку вина, и, отслужив в церкви последнюю службу, завершавшую день (Compline), ложились спать.

Таким был распорядок монастырской жизни в общих чертах, однако его детали зависели от того, какому монашескому ордену принадлежала обитель. Как мы уже говорили, самым древним и самым влиятельным был орден бенедиктинцев, однако со дня основания ордена миновало четыре с половиной столетия, и строгость его устава заметно ослабела. Поэтому на волне религиозного подъёма, охватившего Европу в X веке, в бургундском городе Ключни посредством реформы ордена св. Бенедикта был создан новый монашеский орден, получивший название ключнийского. Несмотря на строгость своего устава, ключийцы — в Англии ключийские монастыри были в Льюисе,

в Бермондси и в других местах — вскоре позабыли о своих первоначальных идеалах и печально прославились пристрастием к роскоши. Другой реформированный орден, орден цистерцианцев, был учреждён Стефаном Гардингом в Сито в 1115 г. и благодаря влиянию св. Бернарда быстро распространился по всей Европе, но замыслы его основателей вскоре потерпели крах. В своём стремлении избежать мирских соблазнов цистерцианцы селились вдали от городов, предпочитая вересковые пустоши, которые оказались прекрасными пастбищами для овец, и в итоге эти монастыри сказочно разбогатели на торговле шерстью. Основатель ордена запретил монахам-цистерцианцам иметь церкви с витражами и прочими архитектурными красотами, однако руины величественных цистерцианских аббатств Йоркшира, таких как Фаунтинз, Риво и Джерви, показывают, насколько они пренебрегали его запретом. Очередная монашеская реформа была проведена св. Бруно в 1086 г. в Гранд Шартрез (лат. *Cartusia*) на юго-востоке Франции. Картузианский устав был самым строгим из всех, монахи практически хранили вечное молчание, и, вместо того чтобы жить вместе всей общиной, встречались только в церкви и в зале капитула, а каждый монах имел свою собственную келью. В Англии орден картузианцев никогда не был многочисленным, но память о нём сохранилась в названии «Чартерхауса» в Лондоне: после ликвидации монастырей в этом здании сначала располагалась богадельня, а в дальнейшем — прославленная частная школа для мальчиков. По-видимому, орден картузианцев был единственным монашеским орденом, члены которого безупречно следовали своему уставу.

Орден бенедиктинцев и все его ответвления получили название «монастырских» орденов, поскольку устав обязывал монахов жить в стенах монастыря (хотя на практике это правило нередко нарушалось). Существовал, однако, принципиально отличный орден — орден, основанный св. Августином, устав которого не ограничивал деятельность братии рамками монастыря: монахи-августинцы могли быть приходскими священниками, а также могли принимать различное участие в мирских делах. Обитатели августинцев строились по тому же общему плану, что и бенедиктинские монастыри, их религиозная жизнь практически ничем не отличалась, они точно так же подчинялись аббату или приору монастыря, но назывались августинцы не монахами, а канониками. Многие из таких обителей каноников-августинцев были очень невелики, а некоторые и вовсе походили скорее на больницы или на богадельни, чем на монастыри.

В Средние века существовало три вида больничных заведений. Во-первых, «лазареты» в исконном смысле этого слова, то есть лепрозории для страдавших «проказой» — этим словом называли многие кожные болезни. В Средние века подобные заболевания были очень часты из-за того, что не уделялось должного внимания личной гигиене, к тому же в пищу шло много солонины, много солёной рыбы и сравнительно мало овощей; истинная проказа тоже встречалась нередко, в эпоху крестовых походов её привозили с Востока. Больным проказой запрещено было жить в городах, а если эти несчастные появлялись на городских улицах в надежде на подавание, то они обязаны были греметь трещоткой, предупреждая людей об исходившей от

них опасности; в те времена за городскими воротами почти всегда можно было увидеть лепрозорий. Прочие больницы делились на богадельни, которые предназначались для одряхлевших от старости или заболевших бедняков, и на частные лечебницы для состоятельных людей. Такова была знаменитая больница при августинском монастыре св. Варфоломея в Смитфилде, история которой к настоящему времени насчитывает уже восемь столетий. Конечно, не стоит думать, что старинная лечебница св. Варфоломея точь-в-точь походила на современную клинику «Bart's». Больным предоставляли постель и пищу, об их духовных нуждах пеклись капелланы, однако уход был скорее заботливым, чем умелым; без сомнения, монахи, ходившие за больными, со временем приобретали некоторый опыт в лечении несложных заболеваний, но почти никто не задумывался о необходимости квалифицированной медицинской помощи: даже такое солидное заведение, как госпиталь св. Леонарда в Йорке, рассчитанный на две сотни коек, не имел собственного врача, который постоянно находился бы при больных.

Другой формой религиозных объединений были орден нищенствующих монахов, которых нередко путают с монастырской братией. Трудно сказать, какой из сторон эта путаница доставила бы большее неудобство, потому что они испытывали взаимную неприязнь и яростно поносили друг друга. Наибольшим влиянием пользовались два нищенствующих ордена: доминиканцы (братья-проповедники, или чёрная братия) и францисканцы (братья-минориты, или серая братия); в Англии оба этих ордена появились при Генрихе III. Идеалы нищенствующих монахов радикально

отличались от идеалов их собратьев, подчинявшихся монастырским уставам. Последние изначально стремились удалиться от мира, поэтому монастыри возникали, как правило, в сельской местности, вдали от городов, а представители нищенствующей братии, напротив, отправлялись в мир, смешивались с народом и проповедовали ему, и потому их обители всегда находились в городах. Монахам не разрешалось иметь какую-либо собственность, но зато монастырская община могла владеть землёй, и государство так щедро одаривало монастыри, что в итоге в их руках оказалось сосредоточено около четверти всех земельных угодий Англии; нищенствующие же ордена позволяли себе иметь ровно столько земли, сколько требовалось для возведения на них построек, и не более того. Не владея имениями, которые могли бы приносить им регулярный доход, нищенствующие монахи во всём зависели от пожертвований благотворителей, и, когда идеал христианской бедности утратил для них былую привлекательность, они стали пренебрегать исполнением религиозных обязанностей ради погони за выгодой — теперь нищенствующая братия больше думала о том, как, обхаживая старух, тянуть из них деньги на содержание своей обители, чем о борьбе за христианские души во имя Господа. В Средние века не было личности более привлекательной и более достойной любви, чем святой Франциск*, и первые общины нищенствующих проповедников воистину унаследовали его дух, однако

---

* Св. Франциск Ассизский (1182–1226) — основатель ордена францисканцев, придерживавшегося аскетичного образа жизни. (Примеч. ред.)

немного нашлось бы фигур столь же отвратительных, как нищенствующие монахи позднейшего времени, жадные и пронырливые, — именно такими предстают они в литературе той эпохи. И хотя добродетельные монахи встречались во все времена, приходится признать, что к концу Средневековья оба ордена заметно отошли от своих первоначальных идеалов, причём их духовному обнищанию в значительной мере содействовало преуспевание в мирских делах. Правда, когда Генрих VIII стал жестоко преследовать их, мужество, с которым нищенствующие монахи переносили заключение и принимали смерть за свою веру, отчасти содействовало восстановлению репутации монашеских орденов, утраченной в былые годы.

ГЛАВА 5

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

Человеческая природа за минувшие столетия не претерпела каких-либо существенных изменений; дети, как и взрослые, во все времена одни и те же, однако принципы и методы воспитания в наши дни стали совсем другими, мы также развиваем в своих отпрысках добрые задатки и стараемся подавить их дурные наклонности (в чём и заключается цель любого воспитания), но мы делаем это совершенно иначе, чем наши предки в Средние века. Если говорить о первых месяцах жизни ребёнка, то рассуждения средневековых авторов иногда актуальны и для нас. Так один из них предостерегает людей против семейной жизни, описывая хлопоты, связанные с появлением младенца: «...и вот дитя родится на свет, отныне его крик и его плач будут заставлять вас подниматься среди ночи», а у другого средневекового писателя можно найти вполне современные советы по уходу за новорождёнными: он говорит о необходимости беречь глаза младенца от света, настоятельно рекомендует следить за качеством молока и предупреждает мамок и нянек о том, что ручки и ножки малыша могут искривиться. Правда, тот способ, которым он предлагает воспользоваться, чтобы избежать этой опасности, способ, к которому прибегали на протяжении многих столетий, наверняка вызовет неодобрение всех современных нянек

и врачей. Чтобы руки и ноги ребёнка были прямыми и стройными, его туго пеленали свивальником, который, как бинт, наматывали вокруг тела, пока младенец не превращался в некое подобие кокона или мумии, в таком состоянии он мог пошевелить только головкой. Сегодня же мы отказываемся от всего, что ограничивает свободу младенца, отдавая предпочтение коротким распашонкам, и любимся неловкими движениями пухлых ручек и ножек. То же самое можно сказать и о различии между средневековыми и современными методами воспитания. В Средние века идеальное воспитание заключалось в том, чтобы стреножить воспитанника системой правил и наказаний, а затем тянуть его по узкой стезе учения, не позволяя даже бросить взор, не то что сделать шаг, вправо или влево; современный идеал, напротив, состоит в том, чтобы предоставить ребёнку максимальную свободу в расчёте на то, что он обретёт способность мыслить самостоятельно и полюбит учёбу ради неё самой. Но поскольку характеры мальчиков и девочек за минувшие века почти не изменились, ни один идеал никогда не удавалось воплотить в полной мере. И сегодня, точно так же, как в XII веке, младшее поколение «живёт совершенно бездумно и не ведаёт никаких забот, отдавая все силы забавам да развлечениям, ничто не вселяет в них ужас, кроме порки, и они больше радуются яблоку, чем золоту. Хвалят ли их, стыдят ли, ругают ли — им всё равно... Они хотят есть много мяса, и от избытка мясной пищи и от неумеренности в питии часто страдают различными болезнями и пороками». Однако в наши дни уже нельзя сказать, как прежде: «Чем сильнее отец любит своё дитя, тем суровее наставляет его, тем в большей

строгости его держит, и если отец не чаёт души в своём чаде, то кажется, будто он вовсе не любит его, потому что сечёт его и корит его, чтобы дитя не пристрастилось к дурному и не выросло порочным».

Строгость и даже суровость — вот основополагающий принцип средневекового воспитания в семье и в школе. Леди Джейн Грей*, чья печальная судьба всем известна, рассказывала, что родители требовали от неё делать всё «столь же совершенно, как Господь сотворил мир», и в тех случаях, когда у девочки не получалось соответствовать такому высокому эталону, её ожидали «тычки, пинки да затрешины». Совершенно обычным для того времени были и «воспитательные» методы Агнес Пастон, которая каждую неделю регулярно секла свою дочь и выражала надежду, что если её сын не будет успевать в школе, то наставник «станет как следует пороть его, пока тот не исправится». Показательно, что студенту Кембриджа, получившему звание магистра грамматики, вручали розги и другое «воспитательное» орудие — прут с плоским диском на конце, предназначенный для того, чтобы бить школьников по ладоням; новоиспечённый магистр должен был доказать свою дееспособность в роли школьного наставника, выпоров специально нанятого для такого случая мальчишку, чьё терпение вознаграждалось четырьмя пенсами. Время от времени люди с более

---

* Джейн Грей (1537–1554) — правнучка английского короля Генриха VII. В 1553 г. была провозглашена королевой в обход законной наследницы престола Марии (будущей королевы Марии Кровавой). Через несколько дней английская аристократия перешла на сторону Марии, Джейн Грей была казнена по обвинению в измене. (Примеч. ред.)

гуманными взглядами выступали против сложившейся системы экзекуций: св. Ансельм, великий епископ Кентерберийский, говорил, что жестокость и насилие лишь заставляют мальчиков возненавидеть не только своих наставников, но и всё, связанное с учёбой; а когда главу Итона* чествовали как лучшего учителя и лучшего мастера порки своего времени, прославленный педагог Роджер Эшем высказался в том смысле, что ученики этого славного мастера больше обязаны своими успехами собственным задаткам, чем его розге. При домашнем обучении иной раз вместо наказаний прибегали к методике поощрения, и мы знаем о той «тарелке с сахаром и сладостями», которая в 1550 г. была приготовлена для маленького Фрэнсиса Виллоуба «ради того, чтобы побудить его взяться за книгу». Однако подобные случаи были исключением. Тем не менее, как ни зверствовали наставники, им так и не удалось привить средневековым сорванцам ангельские добродетели. Поэт Лидгейт, описывая своё детство, пришедшееся на середину XIV века, вспоминает о том, как он не любил вставать рано утром и ложиться спать вечером, как ему не хотелось мыть руки и приниматься за уроки. С гораздо большим удовольствием пишет о том, как славно проводил время в играх с товарищами, как дрался и лазил по чужим садам, морочил голову старшим и насмехался над прилежными учениками, как прогуливал занятия или являлся в школу с опозданием и сочинял в своё оправдание

---

* Итон — старинный колледж (осн. в 1446 г.) в городе Итоне, где обучаются выходцы из аристократического сословия. (Примеч. ред.)

какую-нибудь вдохновенную ложь. Вполне возможно, что, подобно герою забавного стихотворения XV века, Лидгейт-школьник уверял учителя, будто мать послала его доить уток:

Увидев меня, наставник просто взбеленился:

— Где ты был, негодник?!

Доил уток, моя матушка занемогла, —

Так я ответил, и ничего тут нет странного,

Ну, пусть бы я промолчал, неужели это спасло бы
меня?

Те строки, в которых повествуется о том, как поступил учитель с незадачливым выдумщиком, лучше опустить: школьнику не удалось избежать сурового наказания. Неудивительно, что мальчик, у которого саднила душа — и не только душа, — должен был дать выход своим чувствам:

Пусть мой учитель станет зайцем,

А все его книги превратятся в свору гончих.

Тогда сам я сделаюсь весёлым охотником;

Я протрублю в рог, я не стану медлить!

Пусть он сдохнет, мне наплевать на него.

Воспитание включает в себя не только изучение книг. Девизом Винчестерского колледжа, первой крупной школы для мальчиков, стало изречение «*Manners make man*» («человек — это тот, кто умеет себя вести»), ведь обучение основам вежливости считалось неотъемлемой частью воспитания каждого джентльмена. Школой хороших манер были дома высшей знати, поэтому мальчиков в самом юном возрасте посылали к королевскому двору или к епископам и другим знатым сеньорам, чтобы отроки овладели навыками благопристойного поведения и, прежде всего, научились

правильно вести себя за столом: и тому, как разделять мясные блюда, и тому, как прислуживать во время трапезы. В Средние века не видели ничего унижительно в том, чтобы прислуживать знатному господину; более того, знатные сеньоры оспаривали друг у друга право исполнять роль дворецкого при короле или подносить ему чашу с водой для омовения рук, а отпрыски благородных семейств почитали за честь точно так же служить другим лордам, не столь высокопоставленным, как король. Разделка мясного блюда, в частности, представляла собой подлинное искусство, и, перечисляя достоинства оруженосца из числа кентерберийских паломников, Чосер говорит, что тот «отцу жаркое резал за обедом». Были очень распространены пособия по этикету, адресованные юношеству и содержавшие советы на все случаи жизни, — на латыни, на французском и английском языках. Самое известное из таких пособий называлось «*Stans puer ad mensam*», именно его цитирует Чосер, описывая утончённую трапезу, о которой мечтает его очаровательная аббатиса.

В книгах, посвящённых этикету, запечатлена живая картина средневековых нравов, ибо они подробно рассказывают обо всём, что приходилось делать мальчику в течение дня — с того момента, как он вставал с постели, и до того часа, когда он вновь укладывался спать:

Если будешь вставать ранним утром,
Приобретёшь три ценных вещи:
Благочестие, здоровье и достаток —
Так меня наставлял отец.

И нужно иметь в виду, что под «ранним утром» подразумевалось время не позднее 6 часов. Проснувшись, ребёнок должен был, как говорилось в книгах,

причесаться, убедиться, что его одежда выглядит чисто и опрятно, не забыть вымыть руки, умыться лицо и прочесть молитву. Дальше шли общие наставления относительно приличного поведения: если к ребёнку обратился кто-либо из старших, надлежало отвечать ему скромно, но бодро, не стоять, понутив голову, «как тупица», и не хмуриться исподлобья; благовоспитанный ребёнок не должен был сопеть, фыркать, чесаться:

И подражать Сократу,
Вытирая сопливый нос
О шапку, как поступил бы он,
Или же об одежду.

Но самое пристальное внимание уделялось поведению за столом. Многие правила этикета свидетельствуют о том, что в любой ситуации и во все времена хорошие манеры имеют один и тот же смысл, в их основе лежит идея внимательного отношения к окружающим: не забывай о соседях по столу, не хватай лучшие куски, старайся не делать ничего такого, что обидит других или вызовет у них чувство неприязни. Однако можно предположить, что в Средние века подлинно воспитанных людей было чрезвычайно мало, иначе не понадобилось бы давать такие вот, например, советы:

Не обгладывай кости дочиста —
Это выглядит некрасиво;
Не разрывай мясо на части —
Это не куртуазно.
Не макай кусок мяса в солонку,
Лучше воспользуйся ножом.
И никогда в своей жизни
Не отхлёбывай суп из тарелки.

Не перепачкайся едой от излишней
 прожорливости,
 Подобно свинье, уплетающей помои.
 Ешь спокойно, пей чинно,
 Следи за тем, чтобы не напиться.
 Не чеши в голове пятернёй,
 Ведь тебе приходится прикасаться руками к мясу;
 Не плюй на стол,
 Смотри, не позабудь об этом.
 Не ковырай в зубах ни ножом,
 Ни пальцем,
 Но возьми палочку или другую чистую вещь,
 Чтобы не опозориться.

Возвращаясь от обучения правилам этикета к системе образования, отметим, что в средневековой Англии было вовсе не так мало школ, как принято думать; в начале XIV века школ на душу населения было больше, чем в конце века XVIII. Римляне, которые были очень практичным народом, прекрасно понимали, какое важное значение имеет образование; в годы правления последних римских императоров школы были многочисленны, а учителя получали солидную плату, которая в двенадцать, а то и в двадцать раз превышала заработок обычного наёмного работника. Когда в VI веке на смену империи пришла Церковь, и место императора, являвшегося главой цивилизованного мира, занял папа Римский, ставший во главе мира христианского, представление о ценности образования сохранилось, и первые епископы-миссионеры были для своей паствы не только проповедниками, но и учителями. Поначалу школы имелись при всех крупных храмах, именовавшихся «minster», независимо от

того, кто отправлял там службу: монахи или штатный священник. Мы не знаем наверняка, преподавал ли св. Августин в той школе, которую он основал в Кентербери, но великий Феодор Тарский, ставший архиепископом в 669 г., и его товарищ аббат Адриан прославились как выдающиеся учителя. Св. Алдхельм, епископ Шерборнский и, возможно, основатель Шерборнской школы, по-видимому, тоже занимался преподаванием и, несомненно, был выдающимся учёным, знатоком классических авторов, таких как Овидий, Гораций, Ювенал, Теренций и Сенека, а также многих поздне-латинских писателей, которых мы уже не читаем. Ещё более известны Беда Достопочтенный, преподаватель монастырской школы в Ярроу и создатель «Церковной истории», служащей нам основным источником по истории раннесредневековой Англии, и Алкуин, который был школьным наставником в Йорке с 776 по 782 г., когда он стал преподавать в Дворцовой школе императора Карла Великого.

И всё же (отчасти из-за того, что нормальное течение жизни было нарушено набегами датчан) в 893 г. Альфреду Великому приходилось сожалеть о невежестве жителей Англии, он сетовал на то, что на юге страны едва ли отыщется человек, способный перевести латинское послание на английский язык или хотя бы способный понимать церковную службу. Чтобы исправить ситуацию, Альфред перевёл некоторые латинские книги на английский язык и всячески содействовал созданию школ и распространению образования. Преемники Альфреда продолжили начатое, и число школ росло по всей стране. В конце X века Эльфрик (впоследствии аббат монастыря Эйншем, расположенного

неподалёку от Оксфорда) написал несколько книг для школьников, среди которых самая интересная — латинские беседы учителя с учениками, снабжённые английским переводом. Хотя эти диалоги были написаны с единственной целью — познакомить школьников с самыми употребительными латинскими словами и выражениями (подобно современным разговорникам), мы можем узнать из них кое-что о средневековых школах и почерпнуть немало любопытных сведений о жизни той эпохи. Ученики исполняли монаха, пахаря, пастуха, охотника, рыбака, купца, мореплавателя, сапожника, повара и т. д., причём каждый из них должен рассказать учителю о том, как прошёл его день (что позволяет автору ввести большое количество самых различных выражений и технических терминов). Под конец беседы разгорается спор о том, чей труд является самым ценным, и учитель решает этот вопрос в пользу пахаря, ибо именно он кормит всех остальных. Многие ученики пытаются оспорить мнение наставника, и тогда учитель советует каждому из них заниматься своим делом и выполнять свою работу, как можно лучше: «Кем бы тебе ни довелось быть, священником или монахом, простым мирянином или воином, постарайся приспособиться к этому и будь тем, кто ты есть, потому что стыдно человеку не быть тем, кем он является и кем должен быть».

Нормандское завоевание сказалось на системе образования сразу в нескольких аспектах. Важнее всего было то, что франко-норманнский язык занял место английского в качестве языка, на который осуществлялся перевод других сочинений; в следующей главе мы поговорим, как это отразилось на английской

литературе, здесь же отметим только, что английский язык (ставший к тому времени совершенно другим) снова был введён в школах лишь в середине XIV века. К тому же нормандцы благоволили монастырям и передали в их ведение многие из тех церквей, при которых имелись грамматические школы. В нормандской Англии было четыре вида учебных заведений: начальные школы («song-school», букв. «певческая школа»), монастырские школы («monastic school»), грамматические школы («grammar-school», в современном английском языке это выражение означает «средняя школа») и университеты.

Типичная начальная школа описана у Чосера в «Рассказе аббатисы»: там «совсем юные служители церкви семи лет от роду учатся петь и читать, как учились малые дети в её годы». В таких начальных школах мальчиков обучали пению латинских гимнов (отсюда название «song-school»), не требуя, чтобы дети понимали их содержание; кроме того, школьники постигали азы грамоты и довольно быстро начинали читать, а иногда и писать. Раз уж речь зашла об обучении письму, стоит напомнить, что только в латинском языке существовала сложившаяся система правописания; французские и английские слова фиксировались на письме фонетически, то есть посредством такой последовательности букв, которая, по мнению того или иного пишущего, должна была верно передавать их звучание.

Монастырские школы предназначались для мальчиков, которые готовились принять постриг, и потому основу обучения составляло наставление в религии. Учеников было немного, даже в школах при крупных монастырях, а дисциплина отличалась чрезвычайной

строгостью: мальчикам не разрешалось разговаривать друг с другом или касаться друг друга, к каждой паре воспитанников был приставлен в качестве учителя один из почтенных монахов, не спускавший с них глаз ни днём ни ночью. Занятия проходили, в основном, в галерее, тянувшейся вдоль всех четырёх сторон открытого двора, образованного строениями монастыря, такая галерея была неотъемлемым элементом монастырской архитектуры. Иногда в монастырь посылали своих детей представители местной знати, чтобы те учились вместе с послушниками и молодыми монахами: обычно эти родители рассчитывали на то, что впоследствии их отпрыски сами станут духовными лицами. При некоторых монастырях имелись благотворительные школы, мальчики, которые в них учились, получали начальное образование и за это должны были петь в церковном хоре или исполнять роль слуг.

Основной вклад в распространение образования в средневековой Англии внесли грамматические школы. Как можно догадаться по названию этих школ, основной их задачей было обучение латинской грамматике: на протяжении всего Средневековья латынь оставалась языком школы и науки для всей Западной Европы, а под термином «грамматика» понималось «искусство говорить и писать надлежащим образом, подобно древним мастерам прозы и поэзии». Как мы уже говорили, школы с таким уклоном издавна являлись обязательной принадлежностью всех кафедральных соборов и коллегиальных церквей, то есть тех церквей, где отправляли службу несколько каноников, которых наряду с обычными приходскими священниками именовали «секулярным» духовенством,

ибо они принимали участие в мирской жизни (от лат. «secular» — «мир» в отличие от «Церкви»), в противоположность «регулярному» духовенству, подчинявшемуся монастырскому уставу (лат. «regula» — «правила, устав»). В XI–XII веках во многих местах «секулярных» каноников сменили «регулярные» монахи (так произошло, например, в Кентербери, в Бедфорде и в Уолтеме), однако характер грамматических школ остался прежним и учителями там были «секулярные» духовные лица, которых назначали монахи. Во многих других городах, например в Сент-Олбансе, Бери-Сент-Эдмундсе и Льюисе, существовали школы, в которых тоже преподавали «секулярии», но под контролем местного монастыря; однако к самому учебному процессу монахи имели не большее отношение, чем почётные директора наших школ.

Важнейшим событием в истории английского образования стало основание Уильямом Уайкхемом, богатым епископом Винчестерским, Нового колледжа в Оксфорде и создание, с целью подготовки студентов для этого колледжа, Винчестерской школы. Официальной датой основания школы считается 20 октября 1382 г., однако то здание, в котором она располагается по сей день, было построено лишь 20 лет спустя. Учиться в Винчестерской школе должны были семьдесят «бедных и нуждающихся» отроков, но, как свидетельствуют списки первых учеников, в числе которых — родной племянник Уайкхема и отпрыски многих именитых родов, бедность питомцев Винчестерской школы была довольно относительной; и совершенно очевидно, что основатель школы не имел в виду создать учебное заведение для детей из низших

слоёв общества. Винчестерская школа была не только самой большой грамматической школой своего времени, это была ещё и первая школа, основанная как самостоятельное образовательное учреждение, не являвшееся частью одного из подразделений Церкви. Шестьдесят лет спустя, 11 октября 1440 г., Генрих VI последовал примеру Уайкхема и основал «Королевский колледж Богородицы в Итоне близ Виндзора», который в дальнейшем был прикреплён к другому учебному заведению, учреждённому этим монархом, — к Королевскому колледжу в Кембридже. В Итоне, как и в Винчестерской школе, учились «бедные и нуждающиеся» отпрыски родовитых фамилий, но Итонская грамматическая школа впервые получила название «общедоступной школы» («public school»), хотя это означало лишь то, что учиться в Итоне могли дети из всех областей Англии, а не только те, кто жил в непосредственной близости от школы, как это было прежде. Третье учебное заведение такого рода появилось на закате Средневековья, в 1528 г, когда кардинал Уолсей основал колледж в Оксфорде и школу в Ипсвиче. Однако в 1530 г. Уолсей попал в опалу, а все его владения были конфискованы в пользу короля, и хотя Генрих VIII завершил строительство оксфордского колледжа Крайст-Чёрч, Ипсвичская школа прекратила своё существование.

В 1511 г., за несколько лет до того, как кардинал Уолсей занялся вопросами образования, Колет, настоятель собора св. Павла, воссоздал школу, которая уже существовала при этом соборе на протяжении девяти веков, и оставил средства на её содержание. Колет передал школу при соборе св. Павла из ведения настоятеля

собора и капитула каноников в руки корпорации торговцев тканями. Так крупнейшая школа Лондона стала независимой от духовенства; более того, во главе школы стоял мирянин, и хотя сама идея была не нова, ибо ещё в 1432 г. было принято решение, по которому место наставника Севеноукской школы не мог занимать священнослужитель, в действиях Колета нам видится своего рода попытка оспорить право Церкви на монополию в сфере образования, присвоенное ею в прежние времена. Другой приметой «нового образования» тех лет было распоряжение Колета о преподавании, наряду с латынью, греческого языка. В Оксфорде греческий язык был введён только в 1491 г., и хотя его уже преподавали в Винчестерской школе и в Итоне ещё до того, как была восстановлена в новом качестве школа при соборе св. Павла, тот факт, что Колет включил греческий язык в число обязательных предметов, свидетельствует о начале новой эпохи в истории английского образования.

Колет также содействовал изданию «Латинской грамматики» Лайли, которая вышла в свет в 1513 г., а в 1528 г. была принята в качестве обязательного учебника для всех школ; она переиздавалась с незначительными изменениями на протяжении трех с половиной столетий, и за всё это время не появилось ни одного грамматического пособия, способного составить ей достойную конкуренцию. Первые средневековые книги по грамматике были написаны в основном латинскими стихами, которые изобиловали непривычными словами, и наверняка заниматься по таким книгам было очень и очень трудно даже притом, что латынь тогда ещё не была мёртвым языком. Что же касается

других книг, то достаточно сказать, что в младших классах читали Эзопа, Теренция и Вергилия, а в старших переходили на Овидия, Саллюстия и Цицерона. Помимо перевода с латыни ученики должны были писать сочинения, заучивать тексты наизусть и составлять краткий конспект прочитанных книг (конечно же, всё это — на латинском языке). Школьный день был долгим, в Итоне занятия начинались в 6 часов утра и продолжались до 9 часов, затем после молитвы следовал 15-минутный перерыв на завтрак. Обед был в 11 часов, днём уроки продолжались с 13 до 17 часов, исключение составляли летние месяцы, когда ученики отдыхали до 15 часов, а затем получали по глотку пива, заменявшего в те годы привычный нам вечерний чай. В воскресные дни занятия были такими же, как на неделе, но завершались к обеду. Только в самых крупных школах было несколько преподавателей, обычно же на всех воспитанников приходился один-единственный учитель, но зато у него имелись многочисленные помощники: надзиратели, следившие за порядком; ученики-наставники, назначавшиеся из числа успевающих школьников, и старосты, обязанные доносить на своих товарищей, если те устраивали драки, не умывались, ходили в грязной одежде, не говорили по-латыни или ещё каким-либо образом нарушали дисциплину. Долгие учебные часы компенсировались частыми праздниками, которых было немало в церковном календаре, в такие дни занятия проводились только утром или отменялись вовсе. В Итоне и, возможно, во всех школах летние каникулы начинались в день Вознесения и продолжались до праздника тела Христова, который приходился на первый четверг после Троицы;

кроме того, были каникулы на Рождество и иногда на Пасху, а также каникулы на время уборки урожая.

Хотя в средневековых школах никто не заботился о том, чтобы организовать игры воспитанников (как это делают сегодня), школярам той эпохи было известно множество различных забав. Особой популярностью пользовались игры с мячом, отдалённо напоминавшие хоккей, фэйвз, теннис и бейсбол, причём нередко «двором» при игре в фэйвз служили стены церкви, от чего сильно страдали церковные окна. Любимой игрой был футбол, воспитанники трёх лондонских школ — школы при соборе св. Павла, школы при церкви св. Марии и школы при церкви св. Мартина — после обеда во вторник на масленой неделе играли в футбол на большом лугу Смитфилда. Утро того же дня школяры отдавали петушиным боям: они приносили с собой в школу бойцовых петухов и натравливали их друг на друга; это развлечение, само по себе варварское, со временем выродилось в ещё более жестокую забаву: петуха привязывали за ногу к шесту и метали в него палки, пока несчастная птица не оказывалась забитой до смерти; с одобрения наставников этот масленичный обычай просуществовал вплоть до пуританских времён. Но если средневековые школяры находили удовольствие в таких зверских забавах, за которые в наши дни любого сорванца по заслугам отколотили бы его собственные товарищи, то не меньше увлекались в Средние века и интеллектуальными играми (за что, как думается, современного подростка отлупили бы его приятели): в те времена ученики какой-либо школы собирались по выходным дням в общественных местах или даже на улице и вели на латинском языке диспуты

по вопросам грамматики и логики, состязаясь с учениками из других школ.

Своей находчивостью и остротой ума средневековые школяры были обязаны тому, что в школах обучали не только грамматике, но также логике (искусству доказательства) и риторике (искусству публичной речи). Эти три дисциплины составляли «тривиум», три основных вида знаний, которыми довольствовались большинство образованных людей, однако студенты, не удовлетворённые такой «тривиальной» подготовкой, могли продолжить учёбу и приступить к постижению «квадравиума», включавшего в себя четыре предмета: арифметику, геометрию, музыку и астрономию. Может показаться странным, что арифметика относилась к категории более сложных и менее насущных наук, однако не будем забывать о том, что арабские цифры вошли в употребление в Англии только в XIV веке, а выполнять арифметические действия с римскими цифрами было не так уж просто. Епископ Алдхельм, известный своей учёностью, так описывал свои занятия математикой: «Неспособность овладеть арифметическими навыками так угнетала меня, что казалось, будто все усилия, до того положенные на учёбу, оказались напрасны. И вот наконец, по милосердию Господню, я сумел постичь путём усердных упражнений, что лежит в основе вычислений, — что имеют в виду, говоря о дробях».

В XII веке во многих городах Европы — в частности, в Париже и Болонье — появились объединения из нескольких школ, где самые способные студенты слушали лекции по самым сложным предметам. Эти сообщества профессоров и студентов вошли в историю под названием университетов. По неизвестной причине

такой университет возник в Оксфорде, и ко времени правления Генриха I* он уже пользовался достаточным авторитетом в учёном мире, чтобы приглашать лекторов из Парижа и Болоньи, а к середине XIII века Оксфорд стал общепризнанным научным и образовательным центром Англии. Кембриджский университет приобрел вес несколько позже, но к середине XIII века оба учебных заведения вполне сформировались: они имели собственный устав и штат сотрудников во главе с университетским канцлером. Поначалу студенты снимали жильё у горожан. Со временем сложилась традиция, по которой ряд студентов селились вместе в одном доме — «холле» — под надзором кого-либо из преподавателей или ректора. На следующем этапе некоторые из общежитий получили постоянное обеспечение: например, какой-либо состоятельный человек мог пожертвовать университету земли, доход с которых шёл на содержание «холла» и живших в нём студентов; причём даритель устанавливал определённые правила, регламентирующие жизнь «холла». Именно такие «холлы», имевшие постоянный источник финансирования и собственный устав, стали называться колледжами. Самый первый колледж основал в Оксфорде в 1263 г. Вальтер де Мертон, и этот колледж по сей день носит его имя.

Строгой разграничительной линии между грамматическими школами и университетами не было. Мальчики могли поступать в университет в возрасте 13–14 лет, хотя обычно студентами становились к 17 годам, причём менее подготовленные ученики

---

* Генрих I — английский король.

имели возможность продолжить в университете изучение грамматики. Преподавание наиболее сложных предметов, важнейшими из которых считались теология и юриспруденция, осуществлялось в виде лекций, которые читали магистры (Master of Arts). Претендент на степень бакалавра (Bachelor of Arts) не должен был сдавать экзамены, что является обязательным в наши дни, ему достаточно было предъявить свидетельство о том, что он прослушал определённое количество лекционных курсов и что профессора считают его достойным искомого звания. Тому, кто намеревался достичь степени магистра, предстояло учиться ещё 3 года; по окончании этого срока претендент должен был не только продемонстрировать свою учёность в диспутах с другими магистрами, но и дать им торжественный обед. Только тогда он мог быть подобающим образом посвящён в новое звание. Каждый магистр был прежде всего преподавателем и потому обязан был читать лекции, а это, надо заметить, не всегда было приятным занятием, ибо средневековые студенты отличались избытком жизненных сил и недостатком воспитания, они доводили нелюбимых профессоров до белого каления, поднимая на их лекциях несусветный гвалт. Лекторы были не единственной мишенью бесшабашных студентов университетов: несчастным новичкам, прозывавшимся «bajan» (от фр. «bec jaune» — «желторотик», т. е. «неоперившийся птенец»), приходилось сносить унижительные шутки и грубые выходки старших товарищей, державших себя так, будто перед ними не их товарищ, а страшный дикий зверь с рогами и длинной бородой, которую нужно остричь. Но студенты не ограничивались безвредными шалостями:

несмотря на строжайшие запреты, они всегда носили при себе мечи и кинжалы и без колебаний обнажали их в столкновениях со студентами враждебных партий (студенты с юга страны никогда не ладили со студентами с севера) или в стычках «*gown and town*» (букв. «между людьми в мантиях, т. е. студентами, и жителями города»), в ходе которых с обеих сторон бывало немало раненых и даже убитых. Так что, хотя средневековые университеты, несомненно, способствовали распространению учёности, они отнюдь не содействовали смягчению нравов.

ГЛАВА 6

ЛИТЕРАТУРА

Язык англосаксов был одним из так называемых флективных языков, то есть в нём, как в латыни или немецком, существительные и прилагательные склонялись по падежам и каждый падеж имел особое окончание. В современном же английском языке у существительного окончание появляется только в одном случае — «'s» в родительном падеже: мы можем сказать «the king's land» или «the land of-the-king» — и то, и другое будет означать «земля короля». Но чтобы выразить дательный падеж, нам придётся сказать «to-the-king», и мы совсем не сможем определить, в именительном или винительном падеже стоит слово «the king», не зная полностью всего предложения. Кроме того, в англосаксонском языке существительные имели род, в котором прилагательные должны были согласовываться с ними, в целом англосаксонский очень походил на немецкий*, что естественно, поскольку эти языки

---

* Для характеристики англосаксонского языка показателен следующий фрагмент из завещания Альфреда Великого: «Minum twam sunum an thusend punda, aegthrum fif hund punda; and minre yldstan dehter, and thaere medemestan, and thaere gingstran and Ealhswithe, him feowrum feower hund punda, aeculum an hund punda» («Двум моим сыновьям тысячу фунтов, по пятьсот фунтов каждому; а моей старшей дочери, средней, младшей и Эалхсвит — им четверым четыреста фунтов, по сто фунтов каждой»). В переводе на современный английский язык эта цитата выглядит следующим образом: «To my two sons a thousand pounds, to either five hundred pounds; and to my eldest

находились в близком родстве: англы и саксы принадлежали к обширной группе германских народов, из которой вышли также предки современных немцев; ещё одна ветвь германских народов — скандинавы Дании, Норвегии и Исландии. У этих народов, говоривших на родственных языках, было много общего в верованиях и традициях, о чём свидетельствует их поэтическое наследие. По их мнению, единственной темой, достойной внимания поэта, является война, герои их поэм предстают перед нами свирепыми воинами, которые сражаются, грабят да пируют, речи этих воинов — чаще всего — поток взаимных оскорблений, а действие обычно происходит среди дикой пустоши, безлюдной и зловещей. В самой древней и самой известной англосаксонской поэме «Беовульф» речь идёт вовсе не об Англии, а о Дании, к тому же рассказы о том, как герой сражался с чудовищами, очень напоминают сказание о борьбе Греттира с Глемом — одно из самых захватывающих старинных сказаний — из скандинавской саги о Греттире. Даже когда в более поздние времена англосаксонские поэты писали на христианские темы, в их произведениях всегда ощущалось издревле присущее англосаксам пристрастие ко всему мрачному и жестокому: святые в их изображении были воинами Господа, посланными искоренять грехи, и особенно выразительными получались у них описания бурь, войн и ужасов ада. И как англосаксонский язык

---

daughter and to the midmost and to the youngest and to Ealhswith, to the four of them four hundred pounds, to each a hundred pounds». Если мы прочтём исходный фрагмент, опуская окончания большинства слов, то получим текст, весьма похожий на современный перевод этой части завещания. (Примеч. авт.).

не изменился под влиянием языка покорённых бриттов, так и литература англосаксов не восприняла свойственной бриттам любви к красоте и романтическим сюжетам.

Англосаксонская проза неразрывно связана с именем Альфреда Великого. В предыдущей главе мы говорили о том, что он сетовал на упадок образования в Англии. Сам Альфред Великий не был выдающимся знатоком латинского языка, его заслуга совсем в другом: вместо того чтобы писать книги на латыни, содействуя превращению её в единственный литературный язык (как это произошло во Франции), Альфред поощрял использование английского языка и даже собственноручно перевёл на него некоторые латинские тексты. Конечно, переводы, выполненные Альфредом Великим, больше походили на вольный пересказ оригинала: архиепископ Плегмунд, епископ Ассер и другие учёные мужи помогали королю понять основное содержание латинского текста, а затем король передавал его своими словами, опуская, на его взгляд, несущественное и время от времени добавляя что-то от себя. Большинство дополнений, сделанных рукою Альфреда Великого, имеют характер размышлений на темы нравственности, но в исторический труд Орозия король вставил описание древнейшей из известных нам арктических экспедиций, о которой он узнал из уст норвежского мореплавателя Отхере, достигшего берегов Белого моря. Альфреду мы обязаны существованием грандиозной «Англосаксонской хроники», в которой первоначально были описаны обычаи и традиции саксов с момента их высадки в Британии до его дней. Списки «Хроники», несомненно, были разосланы

во все крупнейшие монастыри, и монахи-летописцы регулярно заносили в них сведения о новых событиях, происходивших в Англии. К примеру, копия «Англо-саксонской хроники», хранившаяся в Питерборо, была доведена до 1154 г., когда на престол вступил Генрих II. «Англо-саксонская хроника» — уникальный пример исторического повествования, написанного на языке населения страны, ни один народ не может похвалиться ничем подобным. Текст «Хроники», в основном, представляет собой простое перечисление событий: смерть такого-то короля, грабительские набеги датчан, записи о самых лютых морозах и разрушительных бурях — без каких бы то ни было комментариев; так что это скорее история, чем литература, однако время от времени хронисты отваживались и на большее: великая победа короля Этельстана при Брунанбурге, о которой сообщается под 938 г., воспета в длинной и вдохновенной балладе, сравнимой с ветхозаветной песнью о Деворе и Вараке; исполнены поэзии описания смерти королей Эдгара и Эдуарда Исповедника. Кроме того, в «Хронике» мы находим замечательный словесный портрет Вильгельма Завоевателя, откуда часто цитируют слова о том, что «он любил высокорослых оленей, как если бы приходился им родным отцом», а также выразительное описание страшных дней времён короля Стефана, когда «люди не таясь говорили, будто Христос и все святые крепко спят».

Нормандское завоевание очень сильно отразилось на английской литературе. Стал другим язык, появились новые выразительные средства. По своему происхождению нормандцы (произв. от норманны) были, как свидетельствует само их название, «северными

людьми» — скандинавами, они вышли из той же германской группы народов, что и саксы. К тому времени, когда нормандцы вторглись в Англию, они уже двести лет как обосновались во Франции и за эти годы практически полностью забыли свой родной язык, теперь они говорили на языке покорённых франков. Англосаксы же по-прежнему говорили на языке своих предков, который почти не изменился за те пять веков, что минули со времени их прибытия в Англию. При нормандских королях французский стал языком высшего общества, латынь же, как и в других европейских странах, оставалась до конца Средневековья языком священнослужителей и учёных, а на английском отныне говорили только простолюдины да невежды. Следы этого разделения сохраняются в современном языке; к примеру, названия домашних животных пришли из англосаксонского: «oxen» («бык»), «sheep» («овца»), «swine» («свинья») — так говорили крестьяне, которые за ними ухаживали, но когда мясо было приготовлено и оказывалось на хозяйском столе, оно уже называлось по-французски: «beef» («говядина»), «mutton» («баранина»), «pork» («свинина»). Тем, что современный английский язык представляет собой смесь из саксонских и французских слов, мы обязаны именно приходу нормандцев, им же мы обязаны исчезновением падежных окончаний и грамматических родов. Нормандцы и их саксонские подданные общались, в основном, на смешанном наречии из ломаного французского и ломаного же англосаксонского, в такой ситуации флексии обоих языков неминуемо искажались либо исчезали вовсе; и поскольку даже исконные носители языка употребляли разные флексии (падежные

и т. п. окончания) в зависимости от диалекта, общая тенденция заключалась в полном отказе от их использования. К тому же при подобном смещении языков было не просто решить, к какому роду относится то или иное существительное, поскольку род почти никогда не был связан с сутью называемого явления. Как следствие, только современный английский язык имеет разумную систему грамматических родов: в англосаксонском языке слово «a wife» («жена») было среднего рода, в немецком языке это и по сей день так, а в современном английском о ней следует говорить в женском роде, и если француз должен сказать «son chapeau», независимо от того, говорит ли он о головном уборе мужчины или о последнем шедевре, красующемся на голове его супруги, то англичанин не заботится о том, какого рода само по себе слово «hat» («шляпа»), но задаётся более существенным вопросом о том, кто является её обладателем, и говорит «his hat» («его шляпа») или «her hat» («её шляпа»).

Процесс слияния английского и французского в единый упрощённый язык не был быстротечным. На протяжении трёх столетий после завоевания Англии норманнами эти два языка употреблялись как равноправные, и постепенно один из них вбирал в себя всё больше и больше слов из другого. Так продолжалось приблизительно до 1350 г., когда, отчасти из-за подъёма патриотических чувств в первые годы Столетней войны*, английский язык начал выдвигаться на первый

---

* Столетняя война — война между Англией и Францией в 1337–1453 гг. Формальным предлогом для войны стали притязания английского короля Эдуарда III на французскую корону. (Примеч. ред.)

план и снова зазвучал в школах, в суде и в домах знати. В конце XIV века Тревиза писал: «Джон Корнуэйль, учитель грамматики, отказался от традиционного принципа преподавания, принятого в грамматических школах, и вместо французского стал объяснять на английском, его примеру последовали Ричард Пенкрич и все люди Пенкрича; и ныне, в одна тысяча триста восемьдесят пятом году от Рождества Христова, во всех грамматических школах Англии ученики забросили французский, теперь они учатся на английском; это хорошо, с одной стороны, и плохо, с другой: преимущество нового подхода состоит в том, что теперь дети овладевают грамматикой быстрее, чем, как я полагаю, в былые времена, но его недостаток в том, что ученики грамматической школы в наши дни знают французский язык не лучше, чем их левая нога, это не принесёт пользы тем, кому придётся побывать за морем и странствовать в чужих землях. Вот почему благородным господам и сегодня стоит учить своих детей французскому».

Литература того времени представлена произведениями трёх великих писателей: это — автор «Видения о Петре Пахаре», Чосер и Уиклиф.

Автором поэмы «Видение о Петре Пахаре» принято считать Уилла Ленгленда, родившегося неподалёку от Малверна где-то в начале царствования Эдуарда III, но на самом деле о нём мы не знаем практически ничего. Однако сама по себе поэма интересна во многих отношениях: она представляет собой долгое и местами запутанное аллегорическое повествование о человеке, который стремится отыскать Истину, чем напоминает «Путь паломника» Буньяна; повествование построено

как описание вереницы видений, которые начинаются «майским утром на холмах Малверна». Поэту грезится, будто он идёт сквозь толпу, наподобие той, что собиралась в дни городских ярмарок, и вот нашему взору одна за другой предстают колоритные сцены из жизни далёкой эпохи; мы уже приводили в главе 2 описание весёлой компании, собравшейся в таверне, и таких зарисовок в «Петре Пахаре» немало. В целом поэма носит характер сатиры или проповеди, обличающей пороки судей, правительственных чиновников и священников, словом, общественную ситуацию в последние годы правления престарелого Эдуарда III и на заре царствования малолетнего Ричарда II*. Автор «Видения о Петре Пахаре» клеймит процветающее взяточничество и жадность к деньгам, бичует законников, которые выгораживают богатых негодяев и ущемляют добропорядочных бедняков, изобличает духовенство и монахов-проповедников, которые больше заботятся о том, как выгодно продать шерсть, чем о том, как спасти свои души, но особенно яростно ополчается поэт против праздности, против богатых и бедных бездельников. Положительный герой поэмы, Пётр Пахарь, честно трудится, возделывая землю, и растит урожай не для того, чтобы обогатиться, а ради того, чтобы накормить людей, и под видом своего Пахаря автор поэмы избражает Христа. Создатель «Видения о Петре Пахаре» был непримирим к праздным беднякам, которые вместо того, чтобы трудиться, расслаиваются с приятелями и горланят развязные песни. Но, несмотря на это, гневные речи, адресованные поэтом притеснителям

---

* Ричард II — английский король в 1377–1399 гг. (Примеч. ред.)

неимущих, принесли ему славу поборника простого люда, и во время крестьянского восстания 1381 г. цитаты из «Видения о Петре Пахаре» звучали в устах бунтарских предводителей, хотя совершенно ясно, что ни само восстание, ни социалистические и еретические идеи лоллардов не встретили бы одобрения со стороны автора поэмы.

Помимо содержания «Видение о Петре Пахаре» представляет интерес и с точки зрения поэтики. Поэтический строй этого произведения восходит к староанглийской традиции, «Видение о Петре Пахаре» написано в той же манере, что и «Беовульф». Первые англосаксонские поэты почти никогда не пользовались рифмой (в рифмованных стихах две или более строки оканчиваются одним и тем же звукосочетанием), ограничиваясь аллитерацией (в этом случае несколько стоящих рядом слов начинаются с одного и того же звука). В англосаксонских стихах строка делилась на две части, в каждой было по два акцентированных слога — при чтении они сильнее других выделялись голосом, — причём два слога в первой части строки и один во второй должны были начинаться с одного звука. В качестве примера можно привести несколько строк из «Видения о Петре Пахаре». В самом начале поэмы автор видит в своих грезах такую картину:

A depe dale benethe, | a dongeon there-inne
 With depe dyches and darke | and dredful of sight.
 (Внизу глубокая долина, средь неё башня,
 Она окружена рвом и окутана мраком, и вид её
 вселяет ужас.)

Вдали виднеется просторное поле, где собралось множество народу, толпы

Of alle maner of men, | the mean and the riche.

(Самых разных людей, убогих и богатых).

«Видение о Петре Пахаре» — самый интересный пример поэтического произведения, написанного в духе сугубо английской поэтики. Приблизительно к тому же периоду относится поэма под названием «Сэр Гавейн и Зелёный рыцарь», в которой таким же аллитерированным стихом с большим изяществом и с большой выразительностью рассказана романтическая история из цикла преданий о короле Артуре; правда, это произведение уже нельзя назвать чисто английским, поскольку его сюжет, как и другие подобные предания, обрёл популярность во Франции и только потом снова вернулся в Англию. Само слово «romance» имеет в английском языке два значения: во-первых, «один из языков, унаследованных от римлян, как то: французский, испанский или итальянский», а во-вторых, «красочная занимательная история, вроде тех, что имеют хождение в странах, где говорят на романских языках». Подобные истории заметно отличались от англосаксонских преданий. «Сэр Гавейн» выпадает из английской традиции ещё и потому, что каждая строфа этой поэмы, включающая в себя порядка двенадцати аллитерированных строк, завершается четырьмя рифмованными строками. Другая поэма (возможно, написанная тем же автором, что и «Сэр Гавейн») — «Жемчужина», прекрасный и трогательный плач отца по умершей дочери. С точки зрения поэтики это произведение принадлежит французской традиции, о чём свидетельствует как любовное описание красот природы, так и то, что поэма, хотя и содержит немало аллитераций, полностью написана рифмованным стихом.

Предание гласит, что битву при Гастингсе открыл норманнский рыцарь Тайлефер, в одиночку устремившийся в атаку, распевая балладу о гибели Роланда при Ронсевальском ущелье. Этот эпизод символичен для истории английской поэзии. «Песнь о Роланде» была величайшей из французских романтических поэм о рыцарской доблести, и, подобно тому как англичане оказались разбиты норманнами в битве при Гастингсе, английской поэзии, построенной на аллитерациях, суждено было уступить место французским рифмованным стихам и французским рыцарским романам. Однако ни в том ни в другом случае победа не была лёгкой. Рифма впервые появилась в латинских гимнах и довольно быстро получила распространение во французской поэзии, рифму можно встретить и в некоторых поздних творениях англосаксонской музыки. Англосаксонские поэты иногда также пользовались ассонансом, то есть неполной рифмой, основанной на совпадении только гласных звуков. Ассонансная рифма осталась жить в народной поэзии — в песнях и в детских стихках-прибаутках. Приведём для примера одно из таких коротеньких стихотворений:

Little Tommy Tucker
 Sang for his supper.
 What shall we give him?
 Brown bread and butter.
 (Маленький Томми Такер
 Спел, чтобы заработать свой ужин.
 Что же мы дадим ему?
 Ломоть деревенского хлеба с маслом.)

И всё же рифма окончательно завоевала признание английских поэтов именно вследствие прихода

в Англию нормандцев, и если говорить о наивысшем проявлении средневековой рифмованной поэзии, то это, конечно же, творчество Чосера.

Джефри Чосер родился примерно в 1340 г. в семье лондонского виноторговца и был, по нашим представлениям, государственным служащим: в различные годы своей жизни Чосеру приходилось быть инспектором таможни, надзирателем королевских работ, смотрителем дорог и членом парламента, не один раз он выполнял дипломатические поручения во Фландрии, Франции и в Италии. В довершение этого перечня скажем, что Чосер даже состоял какое-то время в действующей армии во Франции и побывал в плену. Безусловно, это был способный деловой человек, знакомый с жизнью всех слоёв общества и повидавший романтические страны — Францию и Италию, которые явно превосходили Англию в области литературы. Кроме того, Чосеру выпало родиться в то самое время, когда, как мы уже знаем, английский упрочивал свои позиции в качестве языка, на котором говорили и писали представители всех слоёв общества. Обстоятельства личной биографии Чосера и обстоятельства той эпохи переплетались, содействуя раскрытию его поэтического гения. Именно Чосеру довелось стать величайшим литературным деятелем средневековой Англии, и в общем списке английских поэтов всех времён выше него можно поставить одного лишь Шекспира. Первые произведения Чосера носят на себе отчётливые следы французского влияния, некоторые из них, в частности «Роман о розе», представляют собой просто переводы с французского, другие являются вольным переложением произведений французской литературы.

Затем Чосер подпадает под обаяние Италии, в особенности он очарован Боккаччо, блистательным писателем, автором знаменитых новелл, а также поэм о рыцарственной любви. Главным произведением Чосера в этот творческий период является поэма «Троил и Хризеида», сюжет её заимствован из поэмы Боккаччо, в которой рассказывалось о любви троянского царевича Троила к ветреной Хризеиде. Ещё раньше к этому сюжету обращались другие писатели, а в дальнейшем он привлек к себе внимание Шекспира и подтолкнул его к созданию пьесы «Троил и Крессида». Когда видишь, как под пером двух великих английских поэтов любовная история обогатилась новыми красками и юмористическими мотивами, вновь убеждаешься, что в поэтическом произведении важен не столько сам сюжет, сколько стиль изложения. «Троил и Хризеида» читается довольно легко (если благоразумно пропускать все длинноты, являющиеся общим недостатком средневековой поэзии), однако для нас эта поэма интересна ещё и тем, что она написана «королевской рифмой», названной так несколько позже, возможно в связи с пристрастием к ней царственного поэта Якова I Шотландского*. Поэма делится на строфы, в каждой из которых — семь строк по десять слогов, первая строка рифмуется с третьей, вторая — с четвёртой и пятой, шестая — с седьмой (то есть последовательность рифмованных строк выглядит следующим образом: a b a b c c). В качестве примера приведём одну строфу из начала поэмы «Троил и Хризеида»:

---

* Яков I — шотландский король в 1567–1625, английский король с 1603 г. (Примеч. ред.)

And so bifel, when comen was the tyme
Of Aperil, when clothéd is the mede
With newé grene, of lusty Ver the pryme,
And sweté smellen flourés whyte and rede,
In sondry wyses shewéd, as I rede,
The folk of Troye hir observaunces olde,
Palladiones festé for to holde.

(В бывшие времена, когда наступало время
Апреля, когда луга покрывались
Свежей зеленью, щедро одаренные юной Весной,
И сладко пахнущие цветы, белые и алые,
Распускались на разный манер, как мне
приходилось читать,
Троянский народ, соблюдая древний обычай,
Устраивал праздник в честь Паллады.)

Чосер и прежде экспериментировал с «королевской рифмой», но можно сказать, что именно начиная с «Троила и Хризеиды» она заняла то место в английской литературе, которое потом удерживала на протяжении двух столетий, оставаясь излюбленной формой английского стихосложения.

Последний, чисто английский, период в творчестве Чосера ознаменован созданием «Кентерберийских рассказов». В это произведение он включил множество разнохарактерных историй, позаимствованных из различных источников. Для того чтобы связать рассказы общим сюжетом, Чосер приводит в таверну под вывеской «Рыцарский плащ» в Саутворке двадцать девять героев, которые собираются совершить паломничество к гробнице св. Томаса Бекета в Кентербери и, чтобы скоротать время в пути, договариваются рассказывать по дороге истории. Пролог, в котором Чосер

знакомит читателя со всеми своими героями, представляет собой серию скетчей, очерчивающих характер каждого персонажа; эти зарисовки с их яркой образностью и искромётным юмором навечно остались в истории английской литературы. В числе паломников оказываются выходцы из всех слоёв общества: рыцарь, лучший образец добродетелей своего сословия; его весёлый и любезный сын; восхитительная аббатиса, олицетворение изысканности и обаяния; трое сопровождающих её священнослужителей; толстый монах, думающий больше о том, как приятно провести время, чем о пении псалмов; другой монах, хитрец и проныра из числа нищенствующей братии; купец, учёный клерк из Оксфорда, вечно пьяный повар, шкипер с пиратскими наклонностями, бедный священник, который не просто проповедует заповеди Христа, но и следует им в своей жизни; рыжебородый здоровяк мельник, управляющий — и прочие персонажи, среди которых выделяются хозяин таверны «Рыцарский плащ», сам Чосер и изумительная особа — ткачиха из Бата. Чосер не только мастерски изображает своих героев, но и заставляет их выдерживать характер на протяжении всей поэмы: рассказываемые героями истории, их реакция на «истории» спутников находятся в полном соответствии с нравом каждого из них. Первым рассказывает свою историю рыцарь, он знакомит спутников с одним из рыцарских романов, столь популярных в Средние века в аристократических кругах. Следующим должен говорить монах, но тут встречается пьяный мельник, ему не терпится рассказать вульгарную историю, в которой выставляется в неприглядном свете некий плотник. Управляющий раньше был

плотником, поэтому он выходит из себя и наносит ответный удар в виде такой же грязной истории о мельнике. Чосер просит у читателя прощения за то, что повествование иногда принимает непристойный характер, ссылаясь на грубый нрав самих рассказчиков, и, стремясь сгладить впечатление, включает в своё произведение несколько очаровательных историй наподобие той, которая вложена в уста аббатисы. Сам Чосер выступает в роли рассказчика дважды. Когда по сюжету приходит его черёд поведать спутникам какую-либо историю, поэт начинает с «Сэра Топаса» — остроумной пародии на расхожие рыцарские романы, эта нескончаемая история, наполненная пустыми словесами, тянется до тех пор, пока хозяин гостиницы, у которого лопнуло терпение, не потребовал, чтобы рассказчик оставил свои глупые рифмы и говорил по существу. Чосер уступает и рассказывает прозой «Историю о Мелибее», которую слушатели, несомненно, оценили по достоинству, хотя большинство современных читателей находят её довольно скучной. Затем наступает очередь монаха, он начинает перечислять исторические примеры несчастий, постигших великих мира сего: начиная от Люцифера и кончая Крезом; этот экскурс, несомненно очень поучительный, оказался утомительным, и большинство спутников почти заснули, поэтому рыцарю пришлось вежливо, но решительно потребовать, чтобы монах замолчал. Хозяин гостиницы обращается к одному из спутников аббатисы, и тот рассказывает самую забавную из всех историй — сказку о петухе Шантеклере, его почтенной супруге Пертилоте и лисе, — которая является очаровательной обработкой старинного сюжета.

Из современников Чосера самой заметной фигурой был Джон Говер, он написал три больших поэмы: одну на латыни, другую на французском языке и третью на английском. Это должно напомнить нам о том, что литература в Англии всё ещё оставалась трёхязычной и любой мало-мальски образованный человек говорил на трёх языках. Джон Лидгейт и Томас Окклив были прилежными поэтами, оба они жили немногим позже Чосера, но намного отставали от него в своих поэтических достижениях; подлинными продолжателями чосеровской традиции стали шотландские поэты XIV века: король Яков I, Роберт Хенрисон, Уильям Данбар и Гевин Дуглас — всем им присуща живость слога и поэтическая оригинальность, чего недоставало их английским современникам.

Если «Видение о Петре Пахаре» олицетворяет раннеанглийскую поэзию, построенную на аллитерациях, а Чосер — новоанглийскую рифмованную поэзию, то символом английской прозы той эпохи является Джон Уиклиф. Он родился в Йоркшире примерно в 1320 г. и, поселившись в Оксфорде, скоро прославился своими лекциями по теологии. Подобно Ленгленду и Чосеру, Уиклиф видел пороки Церкви и горько скорбел о них, но он считал недостаточным бороться с ними средствами сатиры. Уиклиф хотел добиться церковной реформы, а для этого, по его мнению, надлежало подчинить Церковь государству, уменьшить власть папы, удалить от духовенства искус богатства, и главное, сделать так, чтобы вероучение основывалось на Библии. С этой целью Уиклиф предпринял перевод Библии на английский язык. До той поры не существовало полного перевода Священного Писания, и Церковь крайне

неохотно позволяла мирянам знакомиться с переведёнными фрагментами. Поэтому вполне естественно, что Уиклиф, задумав сделать Библию общедоступной, не нашёл поддержки у духовенства; напротив, по тем временам такие претензии со стороны мирянина считались едва ли не доказательством его ереси. С литературной точки зрения значение труда Уиклифа заключается в том, что это была первая полная версия той книги, которая повлияла на английскую литературу больше, чем любая другая; перевод Уиклифа был прообразом будущего канонического перевода, утверждённого в 1611 г., — так называемой Библии короля Якова, ставшей наивысшим достижением английской прозы. Те, кто знает английский язык, могут убедиться в том, насколько перевод Уиклифа близок к каноническому переводу (и в то же время увидеть, до какой степени язык 1380 г. отличен от языка 1611 г.), на примере известного фрагмента, открывающего Евангелие от Марка: «The bigynnyng of the gospel of Jhesu Crist, the sone of God. As it is writun in Ysaie, the prophete, Lo! I sende myn angel bifore thi face, that schal make thi weye redy bifore thee. The voyce of oon cryinge in desert, Make ye redy the weye of the Lord, make ye his pathis rightful. Jhon was in desert baptisynge, and preching the baptym of penaunce, in to remiscioun of synnes. And alle men of Jerusalem wenten out to him, and al the cuntre of Judee; and weren baptisid of him in the flood of Jordan, knowleching her synnes. And John was clothid with heeris of camelis, and girdil of skyn abowte his leendis; and he eet locustus, and hony of the wode, and prechide, seyinge: “A strengere than I shal come aftir me, of whom I knelinge am not worthi for to undo the thwong of his schoon”».

В ту эпоху, когда Уиклиф и его помощники трудились над переводом Библии (одному человеку такая работа была просто не по силам), существовало немало других достойных переводчиков, среди них особенно выделялся Джон Тревиза, корнуоллский священник, капеллан лорда Беркли, который и побудил его взяться за перевод «Полихроникона» Хигдена, популярного изложения мировой истории. Когда Тревиза предложил перевести это произведение стихами, как тогда было принято поступать с подобной литературой, лорд Беркли разумно настоял на том, чтобы перевод был выполнен «прозой, потому что проза яснее стихов, она легче, её проще читать и понимать». Результат показал, насколько прав был лорд Беркли, ибо Тревизе удалось очень живо и образно передать содержание оригинала выразительным разговорным английским языком. Кроме того, Тревиза перевёл «О природе вещей» Варфоломея, знаменитую средневековую энциклопедию по естествознанию. Мы приведём оттуда описание кота, чтобы показать пример такой прозы: «Кот — это животное, не имеющее определённой окраски, потому что бывают коты белые, рыжие, чёрные и пегие с пятнами на лапах, на морде и на ушах. В молодости коты ловки, игривы и веселы, они прыгают и набрасываются на всё, что видят перед собой, их можно дразнить соломинкой и так с ними играть. Когда кот повзрослеет, он становится весьма тяжеловесным животным, он много спит и спокойно дожидается, когда рядом пробежит мышь... поймав мышь, кот играет с ней и, наигравшись, съедает... А если коты дерутся друг с другом, они издают резкие душераздирающие вопли». Из этого фрагмента можно

заклучить, что за минувшие столетия коты нисколько не изменились, равно как и английская проза, которая (за исключением написания слов) остаётся почти такой же, какой была в 1396 г.

Развитие английской прозы в XV веке связано, во-первых, с именем Рейнольда Пекока, епископа Чичестерского, который попытался с помощью логики защитить Церковь от нападок лоллардов, и за это сам был осуждён как еретик; во-вторых, с именем сэра Джона Фортескью, который был главным судьёй при Генрихе VI и написал «Монархию», превозносившую достоинства конституционной монархии и ставшую первой книгой такого рода; и в-третьих, с именем сэра Томаса Мэлори, перу которого принадлежит появившаяся в 1469 г. «Смерть Артура» — английская версия французских легенд о короле Артуре. Стил Мэлори лишён каких бы то ни было изысков (возможно, ни одному писателю не удалось обойтись меньшим числом прилагательных), но при всём при том автор «Смерти Артура» сумел увлекательно изложить сюжет, удерживая внимание читателя на протяжении всей книги. В качестве примера приведём эпизод, где описываются приключения сэра Ланселота, когда он ехал верхом, переодевшись в доспехи сэра Кея Сене-шала: «Сэр Ланселот углубился в лес, и там он увидел на поляне четырёх рыцарей, собравшихся возле дуба, все они были рыцарями короля Артура, это были Саграмор Желанный, сэр Эктор де Мари, сэр Гавейн и сэр Ивейн. Никто из них не узнал сэра Ланселота: увидев его доспехи, все четверо подумали, что перед ними сэр Кей. “Воистину, клянусь моей верой, — воскликнул сэр Саграмор, — я испытаю, насколько силён сэр

Кей!» — он взял в руку копье и поскакал навстречу сэру Ланселоту. Сэр Ланселот предвидел это, он постиг замысел сэра Саграмора и потому направил на него своё копье и нанёс сэру Саграмору такой тяжёлый удар, что и конь, и всадник повалились наземь... “Я вижу, — сказал тогда сэр Гавейн, — что теперь мне надлежит сразиться с этим рыцарем”. И вот он надел свой шлем и взял надёжное копье, и сэр Ланселот постиг его замысел; и вот они пустили коней во весь опор, и каждый из них нанёс другому удар в самую середину щита, но копье сэра Гавейна сломалось, и сэр Ланселот нанёс ему такой жестокий удар, что лошадь сэра Гавейна повалилась вверх ногами, и с великой скорбью пришлось сэру Гавейну расстаться со своим конём, и тогда сэр Ланселот пустил коня шагом, улыбнулся и воскликнул: “Боже! Пошли радость тому, кто сделал это копье, потому что никогда не приходилось мне держать в руках ничего лучшего”».

В качестве примера совершенной иной прозы можно привести отрывок из труда сэра Джона Борчьера, лорда Бернерса, который перевёл красочные «Хроники» Фруассара цветистым английским языком, прекрасно соответствующим духу этих исполненных романтики рассказов о рыцарских подвигах. Вот как описано начало битвы при Креси, которую открывали генуэзские арбалетчики: «Когда французский король увидел англичан, кровь его взыграла, и он сказал своим маршалам: “Пошлите вперёд генуэзцев, пусть начнут сражение во имя Господа нашего и святого Дионисия”. Генуэзских арбалетчиков было там порядка пятнадцати тысяч, но они так утомились, пройдя в тот день пешим строем шесть лиг вооружённые

арбалетами, что сказали своим командирам: “Не подобает посылать нас сегодня на битву, потому что ныне мы не способны совершить великих воинских подвигов, но более нуждаемся в отдыхе”. Их слова дошли до графа Алансонского, который сказал на это: “Хорошо, если кто свяжется с этими мошенниками в добрый час, ведь они теряют силы и становятся ни на что не годны, когда в них более всего нуждаются”. Шёл страшный ливень, и раздавались ужасные раскаты грома, а перед самым началом бури над обеими армиями пронесли стаи воронья, напуганные приближением грозы. Вскоре небо стало проясняться и выглянуло яркое солнце, светившее в глаза французам и в спину англичанам. Когда генуэзцы собрались все вместе и пошли в наступление, каждый из них сделал большой скачок и испустил крик, чтобы устрашить англичан, но они продолжали стоять, не дрогнув. Тогда генуэзцы вновь подпрыгнули, снова издали свирепый крик и немного продвинулись вперёд, но англичане не отступили ни на шаг. И в третий раз прыгнули и закричали генуэзцы, рванулись вперёд и, приблизившись к позициям англичан на расстояние выстрела, стали жестоко палить из арбалетов. И вот английские лучники выступили на шаг вперёд, и летели их стрелы так дружно и так густо, что казалось, будто бы пошёл снег. Едва генуэзцы почувствовали, как стрелы пронзают их головы, руки, грудь, многие из них, побросав свои арбалеты и порвав тетиву, в панике бросились бежать».

В заключение краткого обзора английской средневековой прозы необходимо упомянуть имя Уильяма Какстона, который в 1476 г. первым в Англии установил

печатный станок и не только издал некоторые из тех книг, о которых мы рассказывали, но и сам был писателем и переводчиком. В одном из своих трудов, в переводе «Энеиды», Какстон касается того, как изменился английский язык уже на его памяти: «Конечно, — писал он, — язык, на котором мы говорим сегодня, сильно отличается от того, на котором говорили, когда я родился». Однако благодаря изобретению книгопечатания вся страна стала пользоваться идентичными экземплярами книг, что привело к уменьшению своеобразия местных диалектов и способствовало унификации языка, поэтому со времён Какстона английский язык изменился сравнительно мало. За четыре столетия до Какстона коренные англичане говорили на чистом англосаксонском, через четыре столетия после Какстона они, не считая произношения, говорят почти на том же языке, на каком говорили жители Англии в его время.

В этой небольшой главе, посвящённой истории английской литературы, мы лишь вскользь упомянули о самых важных произведениях, оказавших решающее влияние на её развитие, и поневоле обошли вниманием обширную область народной литературы: предания, баллады, любовные песни, кароли*, гимны, шуточные песенки, политические скетчи и проповеди — многие из них по-настоящему интересны, красивы или забавны, но, к сожалению, мы не можем рассказать обо всём. И всё же хоть несколько слов нужно уделить истории драмы. Драматическое искусство, достигшее высочайшего расцвета в Древней Греции

---

* Кароль — средневековый танец. (Примеч. ред.)

и почитавшееся римлянами, было отринуто варварами, сокрушившими Римскую империю. Когда драматическое искусство стало возрождаться, оно, как и прежде в Греции, было тесно связано с религией. На Рождество и на Пасху в церквях устраивали представления, изображавшие рождение Христа и Вознесение; поначалу это были всего лишь пантомимы, но вскоре появились небольшие диалоги, а затем праздничные представления превратились в настоящие спектакли на сюжеты из Библии и житий святых. Эти спектакли пользовались такой популярностью, что публику могло вместить только очень просторное помещение, и потому их играли на подмостках прямо на церковном дворе. Со временем театральные представления превратились из благочестивого изображения священной истории в грубые реалистические драмы, оживлявшиеся комическими вставками, порой вульгарными и даже непристойными, за что служители Церкви яростно бичевали их, но безрезультатно. На следующем этапе спектакли стали устраиваться торгово-ремесленными цехами на городских улицах и площадях в день праздника тела Христова. Для этих целей использовались передвижные сцены — колёсные повозки, обычно двухэтажные: нижняя часть, со всех сторон занавешенная шторами, служила гримёрной, а наверху была собственно сцена. Декорации почти отсутствовали, лишь изредка можно было увидеть разрисованный задник, но зато немало было разнообразной бутафории, среди которой выделялся впечатляющий «зев ада» — огромная написанная на холсте голова дракона, извергавшая дым, пламя и комедийных чертей; в эту самую пасть обычно отправляли

грешников. Театральные представления, посвящённые многочисленным событиям священной истории от сотворения мира до Страшного Суда, закреплялись за определёнными цехами или гильдиями, и нередко можно проследить определённое соответствие между сюжетом и родом деятельности организаторов: корабельщики ставили историю о Ноевом ковчеге, золотых дел мастера представляли поклонение волхвов, вино-торговцам доставался брак в Кане Галилейской и так далее. До наших дней дошло немало театральных произведений той эпохи, многие из них отличались большой выразительной силой, особенно в тех случаях, когда героями пьес были простолюдины вроде св. Иосифа или пастухов из рождественской легенды. С Иосифом, как можно заметить, зачастую обращались довольно-таки бесцеремонно, свобода, с которой сочинители подобных пьес подходили к трактовке сюжета и характеров персонажей, сегодня вызывает немалое изумление. Одно из рождественских представлений открывалось явно комедийной сценой: некто крадёт овцу, а когда пастухи отслеживают вора, укладывает свою добычу в люльку и делает вид, будто это его новорождённый сын; в другом представлении пастухи передразнивают пение ангелов, исполнявших перед тем «Gloria in Excelsis»; Ирод и Пилат были типично комедийными персонажами — напыщенными, чванливыми, самодовольными хвастунами, а супруга Ноя вызывала гомерический хохот публики тем, что упорно отказывалась взойти на ковчег и, когда праотец пытался силой затащить её на борт, щедро отвешивала ему оплеухи. Но среди подобных элементов грубой комедии встречались сцены, исполненные как

истинно высокой патетики, так и скромной прелести, в них уже чувствовалась свойственная английской нации способность к глубокому проникновению в суть драматического искусства, которой предстояло воплотиться в творчестве драматургов елизаветинской эпохи и достичь кульминации в гении Шекспира.

ГЛАВА 7

ИСКУССТВО И НАУКА

Зодчество вполне может претендовать на право считаться самым первым из искусств, потому что цивилизованному человеку, по крайней мере в нашем климате, в первую очередь нужен какой-нибудь дом. И самая первая задача, с которой пришлось столкнуться зодчим, — это проблема перекрытий. Возвести четыре стены из глины, дерева или камня не так уж сложно, гораздо сложнее возвести над оказавшимся между этих стен пространством крышу; довольно просто оставить в стенах проёмы для окон и дверей, но совсем не просто продолжить стену над ними. Если пространство, которое предстоит перекрыть, невелико и у нас есть длинные камни или деревянные брусья, можно положить один из них над оконным проёмом, или, когда речь идёт о крыше, можно точно так же положить брусья поперёк помещения на некотором расстоянии друг от друга, а затем настелить поверх них более короткие детали. У такой конструкции есть недостатки: во-первых, трудно подобрать достаточное количество длинных каменных или деревянных балок и тяжело поднимать их на высоту крыши, а во-вторых, если подобному перекрытию приходится выдерживать значительный вес (например, когда над окном находится большой участок стены или когда на крыше зимой скапливается много снега), длинные балки имеют тенденцию переламываться посередине — там, где они ни на что не опираются. Вскоре строители догадались,

что если придать каменным балкам клиновидную форму, то из них можно сложить полукруглую арку. Когда оконный или дверной проём завершается аркой, вес стены приходится на верхний, замковый, камень, а затем передаётся от него на соседние, и так вплоть до тех камней, что лежат в основании арки по обе стороны от окна и опираются на прочную стену.

Возведя сплошной ряд полукруглых арок, можно перекрыть сводом неширокое помещение, именно такие «цилиндрические своды» встречаются в первых нормандских церквях и замках. Но при перекрытии пространства большого объёма цилиндрический свод получался чрезвычайно тяжёлым, и, чтобы стены могли выдержать его вес, приходилось неимоверно увеличивать их толщину. По этой причине крышу обычно делали из дерева. Принцип устройства деревянной крыши таков: её каркас состоит из парных балок — стропил, каждое из которых одним концом опирается на стену, а противоположные концы стыкуются над перекрываемым пространством, образуя угол; одну пару стропил устанавливают на одном конце помещения, другую — на противоположном, а остальные размещают между ними на равном расстоянии друг от друга; точки, в которых стропила скрепляются между собой, соединяет коньковый брус, идущий вдоль крыши; поперёк стропил прибивают гвоздями доски или рейки, а затем покрывают всю эту конструкцию каким-либо влагозащитным материалом: свинцовыми листами, черепицей или соломой. Вес такой крыши приходится на стропила, и под его тяжестью нижние концы стропил, опирающиеся на стену, могут быть выдавлены наружу; средневековые строители знали два способа

предотвратить это: если постройка была небольшой, то вместо покоящихся на стенах стропил каркас крыши делали из распиленных в длину высоких и слегка изогнутых древесных стволов*, которые ставились на землю и почти вовсе не были связаны со стенами; в постройках большего размера нижние концы стропил дополнительно скреплялись друг с другом посредством анкерной балки, пересекавшей пространство между стенами. Ещё большую прочность придавали конструкции так называемые королевские сваи (в чём можно убедиться на примере почти что любой церковной крыши): обычно это был одиночный вертикальный столб (king-post), который устанавливался посередине анкерной балки и при помощи распорок соединялся со стропилами, но в некоторых случаях анкерную балку поддерживали два столба (queen-posts), установленных на равном расстоянии от её центра. В базовую структуру могли вноситься разнообразные дополнения конструктивного или декоративного характера, благодаря чему крыши средневековых построек обретали довольно сложную и красивую форму, однако под резьбой и прочими украшениями всегда различим тот же основополагающий конструктивный принцип.

Можно сказать, что всё развитие архитектуры определялось законом тяготения — природным

---

* Пара балок из таких стволов называлась «крукс» («crooks» — букв. «крючья»), поэтому, когда в Средние века заключался контракт на постройку дома, то в нём обычно указывалось, что здание должно быть «на столько-то пар крючьев»; аналогичный термин существовал и для домов с крышей на обычных стропилах — секция между двумя парами стропил называлась «бай» (букв. «отсек»). (Примеч. авт.).

законом, повинуюсь которому все не имеющие опоры предметы, будь то камни или яблоки, должны падать на землю. Полукруглая арка, как мы видели, была изобретена с тем, чтобы передавать вес (который является не чем иным, как проявлением силы тяготения) на прочные стены или на опорные столбы (каковые, по сути, являются просто фрагментами стены). Полукруглые арки использовались саксонскими зодчими и были в ходу у нормандцев в первое столетие после завоевания Англии. Эксперименты с конструкцией каменного свода показали, что лучше не возводить сплошной цилиндрический свод по всей длине здания, а разделить перекрываемый объём (дом, церковь или любую другую постройку) на несколько квадратных секций с опорами в виде столбов или консолей в каждом углу. Теперь арки шли не только в обычном направлении, соединяя боковые стороны объёма, но и по диагонали, соединяя противоположные углы секции, и в то место, где диагональные арки пересекались друг с другом, вставлялся «босс» (boss) — крупный, рельефно выступающий камень, впоследствии превратившийся в резную «розетку». Одновременно выяснилось, что для подобных целей полукруглые арки не столь хороши, как вытянутые арки заострённой формы: действительно, стрельчатые арки способны выдерживать большие нагрузки и обладают целым рядом других преимуществ, поэтому вскоре они вытеснили полукруглые арки, и к концу XII века в архитектуре возобладал стрельчатый стиль, названный «готическим», — он пришёл на смену тому стилю округлых линий, который был связан с традицией римской архитектуры и потому именуется

«романским». Благодаря умелому применению арок усовершенствованного типа, средневековым зодчим удавалось распределять вес кровли таким образом, что он приходился не на всю стену, а на ряд отдельных опорных точек; это позволяло уменьшить толщину стен, усилив их в точках наибольшего давления контрфорсами*. Вот почему по сравнению с романскими постройками готические здания выглядят более лёгкими и ажурными. Контрфорсы стали также важным элементом декоративного убранства готических зданий: нередко они были увенчаны пинаклями**, которые использовались не только для украшения, но и для большей прочности конструкции, поскольку пинакли своим весом прижимали контрфорс вниз, помогая нейтрализовать давление кровли, направленное вовне. Иногда контрфорсы возводились на некотором расстоянии от стены и соединялись с ней каменными аркбутанами***. Эти «парящие арки» придают особое изящество облику многих прекрасных церквей, среди которых в первую очередь следует назвать церковь Вестминстерского аббатства в Лондоне и Шартрский собор во Франции.

---

* Контрфорс — поперечная стенка, вертикальный выступ или ребро, усиливающие основную несущую конструкцию, преимущественно стену с вертикальной стороны постройки. (Примеч. ред.)

** Пинакль — декоративные башенки, столбики на контрфорсах (и др. частях постройки) позднероманских и готических церквей. (Примеч. ред.)

*** Аркбутан — наружная каменная полуарка, передающая распор сводов главного нефа готического храма опорным столбам — контрфорсам. (Примеч. ред.)

Мы упомянули о Шартрском соборе не случайно: в период своего становления английская архитектура находилась под сильным влиянием французской традиции, и упускать это из виду никак нельзя. Церковь Вестминстерского аббатства была построена Эдуардом Исповедником по образу и подобию нормандской церкви в Жюмьеге, но когда аббатство перестраивалось при Генрихе III, за ее образец был взят собор в Реймсе. Даже после того, как Нормандия перестала быть частью английской территории, Англия и Франция оставались тесно связаны друг с другом: французский, как мы уже говорили, был языком высшего общества, и, подобно тому как в недавнем прошлом дамы выписывали из Парижа фасоны платьев и шляпок, в средневековой Англии покровители искусств заимствовали во Франции архитектурные идеи. Иногда приглашали французских зодчих, однако нужно иметь в виду, что средневековый архитектор имел мало общего с архитектором наших дней, который сидит в своей конторе и тщательно продумывает подробнейший план будущего здания, вычерчивая каждую деталь, чтобы потом его проект был механически реализован рабочими; средневековый зодчий должен был непосредственно руководить строительством, он лично следил за всеми работами и потому продумывал только общий план постройки, оставляя детали и, прежде всего, оформление декоративных элементов на усмотрение самих строителей, и поскольку те были англичанами, все архитектурные постройки приобретали неповторимые английские черты, даже если изначально были задуманы во французском стиле.

Именно в резьбе, украшающей капители колонн, розетки свода и консоли, в полной мере отразилось

мироощущение английского народа и, в первую очередь, присущее ему чувство юмора. Английский мастер всегда был охотником пошутить, французы же относились к искусству с большой серьёзностью и едва ли были способны на шутку. Если француз-резчик представит нам благочинного святого или устрашающих бесов, то у английского резчика святые получатся куда менее благообразными, а бесы выйдут довольно комичными, и вполне возможно, что вместо тех или других он изобразит лису, проповедующую гусям, школьного учителя, секущего одного из своих воспитанников, или акробата с головой, просунутой между ног. И хотя в области серьёзного искусства английская скульптура в целом заметно уступала французской, мы можем с гордостью назвать несколько изумительных надгробий, в их числе — королевские надгробия в Вестминстерском аббатстве, представляющие собой один из самых великолепных ансамблей подобного рода. В средневековой Англии существовали две скульптурные школы: одна из них доминировала с XII по XIV век и была представлена скульпторами из Пербека в Дорсете, которые работали с местным мрамором и ваяли монументальные изображения; ряд произведений, в частности фигуры рыцарей-храмовников в лондонской церкви Тампля (церкви Храма), сохранились до наших дней. Другая, ещё более выдающаяся школа, сформировалась в XIV–XV веках в окрестностях Ноттингема, где добывали алебастр. Ноттингемские мастера в основном работали над запрестольными образами на религиозные сюжеты — алебастровыми панно, украшенными резьбой, которые помещались позади алтаря; это могло быть как весьма небольшое

по размеру произведение с традиционным изображением Троицы, так и сложная многофигурная композиция, изображавшая сцены из жития какого-либо святого с участием десятков персонажей. Ноттингемские художественные панно пользовались спросом не только во всей Англии, но и в других европейских странах, поэтому самые прекрасные из сохранившихся образцов можно увидеть во Франции.

В Средние века Англия славилась также художественными изделиями из металлов, прежде всего из золота и серебра, но, к сожалению, до нас дошли лишь отдельные экземпляры. Если же говорить о том, в каком виде прикладного искусства наши предки превзошли все остальные народы, то стоит вспомнить, что в Средние века юридические документы в Англии обычно скреплялись не подписью, а печатью; и что каждый человек благородного происхождения имел личную печать, обычно серебряную или бронзовую. Таких печатей сохранилось немало, и хотя очень многие из них утеряны безвозвратно, в нашем распоряжении имеются оттиски на воске. Сравнивая образцы английских печатей с печатями из других стран, мы можем убедиться не только в высокой художественной ценности многих из них, но и в несомненном превосходстве английских мастеров. И конечно, кованые детали старинных дверей, замки на старинных сундуках и тому подобные вещи говорят нам о том, что в былые времена даже простому деревенскому кузнецу были свойственны художественное чутьё и врождённая тяга к искусству.

Несмотря на то, что в средневековой Англии живописцы никогда не были окружены таким почётом, как

в Италии (вследствие чего мы не имеем их жизнеописаний и почти никогда не можем назвать имя мастера, создавшего то или иное произведение), их труд, тем не менее, пользовался очень большим спросом. Практически в каждой церкви стены были покрыты росписями. Над алтарной аркой обычно можно было увидеть сцену Страшного Суда: в центре — Иисус Христос, ниже — св. Михаил, которого часто изображали с весами в руках, на одной чаше которых стояла в коленапреклоненной позе крошечная обнажённая душа, а на другой — висел бес, старавшийся перетянуть весы на свою сторону, чтобы душа была осуждена; ещё ниже толпилось множество обнажённых душ, восставших из могил, добродетельным душам отводилось место в раю по правую руку от Христа, а грешные обрекались на муки в пламени ада, куда их утаскивали гротескные бесы. На других стенах писали сцены из библейской истории и житий святых или аллегорические фигуры вроде изображения семи смертных грехов. Произведения средневековых живописцев — довольно трудный предмет для изучения, поскольку их приходится восстанавливать, снимая слой побелки, который скрывал их по милости ревностных пуритан*, убеждённых в том, что эти росписи носят «папистский» характер и греховны по своей сути, или же по милости церковных старост, находивших старинные росписи попросту безобразными. Те живописные произведения, которые удалось восстановить, в большинстве

---

* Пуританин — участник движения за очищение протестантской церкви Англии в XVI–XVII вв. от католического наследия; вели предельно скромный образ жизни, боролись за буквальное следование Писанию. (Примеч. ред.)

своём не столько впечатляют как произведения искусства, сколько интересны с точки зрения истории; однако некоторые образцы настенной живописи, сохранившиеся в Нориджском соборе и в других областях Норфолка, свидетельствуют о существовании в Восточной Англии живописной школы, способной выдержать сравнение со школами Фландрии, если даже не Италии. К несчастью, английские художники крайне редко писали картины на холсте или на дереве, и едва ли какие-то из их произведений могли сохраниться до наших дней. Но всё же у нас есть возможность составить себе представление о художественном даровании средневековых живописцев на примере книжных иллюстраций. Десятки и десятки книг, созданных в X–XVI веках и по большей части великолепно иллюстрированных, свидетельствуют о том, что и в этом виде искусства англичане нисколько не уступали своим соседям. До прихода нормандцев крупнейшим центром по созданию иллюстрированных манускриптов был Вестминстер, в XII–XIII веках центр иллюминаторского искусства переместился в Йорк, а затем в Кентербери и в Сент-Олбанс. В XIV веке мастера восточноанглийской школы живописи создали ряд изумительных псалтырей, в которых поля вокруг текста заполнены изящными рисунками очень тонкой работы, изображающими людей и животных. И конечно же, в книжных иллюстрациях, как и в других видах искусства, не могло не проявиться свойственное английским художникам чувство юмора и их пристрастие к комическому. Даже на полях церковных книг можно увидеть такие полные жизни зарисовки: танцуют деревенские жители, ребяташки скачут на игрушечных

лошадках или гоняют волчок, рыцари сражаются верхом на змеях, лиса, украв гуся, убегает от старухи, а та гонится за ней с прялкой в руках, зайцы охотятся на собак или, облачённые в одеяние священнослужителей, отпевают покойника, обезьяна-учитель порет в обезьяньей школе одного из учеников. Фигуры людей и животных исполнены движения, а один из самых красивых требников, иллюминированный в Шерборнском аббатстве (он украшен изображениями самых разных птиц), может дать фору многим современным книгам по естествознанию.

Есть ещё один вид искусства, который даёт нам полное основание гордиться своими средневековыми предками; это — музыка. В Средние века обучение музыке являлось обязательной составляющей хорошего образования, считалось, что каждый рыцарь и каждая дама должны если не играть на музыкальных инструментах, то, по крайней мере, суметь подхватить песню. Любой знатный господин держал при себе несколько менестрелей, которые играли во время трапез и сопровождали своего господина в дальних поездках, так что в дни больших торжеств королевский двор был полон музыкантов. Когда в 1287 г. Эдуард I праздновал Рождество в Сен-Макэре на юге Франции, он отдал 125 музыкантам 50 фунтов стерлингов (около 700 фунтов на современные деньги), а в 1290 г. в честь свадьбы своей дочери Маргариты этот король одарил деньгами ни много ни мало 426 менестрелей. В городах были так называемые «waits», совмещавшие обязанности ночных сторожей и оркестрантов, а пастухи, по видимому, никогда не расставались с волынкой. Реквизит средневековых музыкантов составляли самые

разнообразные инструменты, среди них были струнные (арфа, лютня, цитра или гитара), несколько разновидностей скрипок, а также любопытный инструмент вроде шарманки, из которого извлекали звуки, вращая ручку; из духовых инструментов наши предкам были известны труба, волынка, губная гармоника, разнообразные флейты и свирели; кроме того, существовали переносные органы, на которых играли, по-видимому, следующим образом: одной рукой органист нагнетал воздух, а другой исполнял мелодию. Привычные нам стационарные органы появились в церквях ещё во времена саксов, воздух в них подавали при помощи ручных или ножных мехов. По преданию, св. Дунстан сделал орган с бронзовыми трубами для Мальмсберийского аббатства, а в одном из старинных текстов упоминается, что в X веке епископ Альфаг сделал орган для Винчестерского собора; этот орган имел четыреста труб, куда, обливаясь потом, нагнетали воздух семьдесят человек, так что звук этого инструмента был слышен во всех концах древнего Винчестера!

Помимо инструментальной музыки большой любовью пользовались песни, и хотя наши предки не были мастерами в искусстве пения на несколько голосов, чем ирландцы славились уже в XII веке, англичане считались музыкальным народом и были известны своими королями — народными песнями, сопровождавшими танцы. Многие мелодии традиционных английских народных песен восходят к этим королям и тем балладам, которые исполняли странствующие менестрели. Независимо от того, каковы были их музыкальные таланты, эти менестрели играли важную роль в жизни средневекового общества, ведь для деревенских

жителей их визиты имели такое же значение, как для нас газеты: странствующим менестрелям оказывали радушный приём и в замках знати, и в харчевнях для бедняков, они собирали новости обо всём, что происходило в стране, и могли поведать об этом остальным, нередко менестрели придавали своим произведениям поэтическую форму, и любое значительное политическое движение оставляло по себе память в виде россыпей рифмованных строк и баллад.

На этом мы хотели бы завершить разговор об искусстве и перейти к науке Средних веков. И здесь мы прежде всего должны обратить внимание на принципиальное отличие средневекового научного знания от современного: если в наши дни любая научная теория строится, как правило, на основании экспериментальных данных и проверяется посредством новых опытов, то в прежние времена учёные практически не прибегали к экспериментам, наука опиралась исключительно на предшествующую традицию, и коль скоро какое-то положение встречалось в трудах авторитетных авторов, учёные мужи повторяли его из века в век, несмотря на то что для его опровержения достаточно было элементарной проверки. Первичным источником для большинства средневековых научных трудов служили сочинения античных авторов (прежде всего — Аристотеля), и поскольку его произведения были переведены на латынь не полностью и изобиловали неточностями, а дополнения, внесённые комментаторами, носили совершенно фантастический характер, то можно представить себе, как всё это затрудняло работу увлечённого наукой студента, искренне стремящегося к постижению истины. Таким незаурядным студентом,

отличавшимся оригинальным складом ума, был Роджер Бэкон, работавший в Оксфорде во времена правления Генриха III. Изучая естественные науки, Бэкон пришёл к пониманию необходимости эксперимента, а также непосредственного обращения к трудам великих учёных, вместо того чтобы читать комментарии к ним других авторов. Бэкон всецело посвятил всю свою жизнь научной работе и истратил на это немалое состояние, но вместо награды он был брошен в тюрьму по требованию церковных властей, которые нередко ополчались против незаурядных учёных, пытавшихся развивать науку своим путём. И даже тогда, когда учёные мужи принимались описывать какие-то явления, которые они наблюдали лично, они допускали множество неточностей. Правда, в Средние века были и такие исследователи, которые отличались подлинной наблюдательностью, среди них — Джон Гаддесден, известный врач, живший в XIV веке. Его можно считать одним из лучших средневековых учёных, сочинения Гаддесдена содержат немало разумных медицинских рекомендаций. Некоторые из них он позаимствовал у древнегреческих и арабских авторов (труды которых он читал в латинском переводе), но большинство из них Гаддесден сформулировал на основании собственного врачебного опыта, и, хотя и у него можно найти немало ошибочных рассуждений и даже совершенные нелепости вроде магических формул, многие из лекарственных препаратов, которые фигурируют в предписаниях Гаддесдена, до сих пор используются как адекватные средства именно при тех заболеваниях, которые лечил с их помощью он сам. Довольно часто его снадобья представляли собой смесь многих компонентов, по

большей части, увы, совершенно бесполезных — средневековые лекарства зачастую составлялись из двух-трёх десятков трав и минеральных веществ.

В медицинской науке всегда было изрядное количество шарлатанов, все мы хорошо знаем, что даже современные врачи стараются казаться более компетентными, чем они есть на самом деле, а в одной из средневековых книг, написанной специально для врачей, приводится множество советов по части того, как можно произвести на пациента и его близких впечатление многомудрого медицинского светила: например, если вы не знаете, в чём причина недуга, следует сказать пациенту, что он страдает «обструкцией печени». «Будьте уверены, слово “обструкция” вполне надёжно, потому что никто не поймёт его, а иногда бывает чрезвычайно удобно, чтобы люди не понимали сказанного вами». Помимо преднамеренного шарлатанства в средневековой медицине было немало такого, что сегодня мы бы причислили к той же самой категории, но к чему в прежние времена относились абсолютно серьёзно. Выше уже упоминалось о магических формулах, к тому же роду феноменов можно отнести веру в необычайные свойства некоторых драгоценных камней, которые советовали носить для того, чтобы избавиться или уберечься от определённых болезней. Целебные свойства приписывались, в частности, сапфиру, и потому в 1391 г. некий даритель оставил священнику часовни св. Иакова в Скарборо перстень с сапфиром «с тем, чтобы им мог воспользоваться каждый, кто пожелает употребить себе во благо целебные свойства упомянутого перстня». Другое любопытное поверье было связано с золотухой, которую в народе

называли «королевской болезнью»: считалось, что это кожное заболевание может исцелить прикосновение короля, такой чудесный дар целительства был якобы ниспослан свыше Эдуарду Исповеднику и его потомкам. Поэтому, как свидетельствуют исторические источники, Эдуард I одаривал своим «прикосновением» до двухсот страдалцев за один раз, и этот обычай просуществовал вплоть до времён королевы Анны*.

Астрономия — наука, почти полностью заимствованная европейцами у великих арабских учёных и математиков; точнее говоря, та часть астрономии, которая сегодня называется астрологией, — обязательно входила в круг знаний средневекового медика. Астрология позволяла ему установить, исходя из сочетания небесных светил, пойдёт ли пациент на поправку; в зависимости от фаз луны и расположения звёзд медик решал, стоит ли делать пациенту кровопускание, а также, какие именно вены «отворить». Астрология служила не только медицинским целям, к ней прибегали и в тех случаях, когда хотели узнать, где нужно искать украденное добро и кто был вором. Другим средством для обнаружения воров было гадание при помощи «магического кристалла»; маг (или приглашённый им для этой цели ребёнок) пристально всматривался в хрустальный шар или отполированную поверхность клинка, пока ему не удавалось увидеть там изображение вора или место, где тот спрятал украденное. Подобные магические действия могли быть совершенно безвредными, за исключением того, что они

---

* Анна — английская королева из династии Стюартов, правила в 1702–1714 гг. (Примеч. ред.)

нередко служили поводом к обвинению ни в чём не повинных людей. Были магические знания и другого рода, направленные на причинение вреда. Трудно сказать, была ли какая-то доля правды в средневековых суевериях, касавшихся колдовства, но хорошо известно, что существовали такие люди — прежде всего, немолодые женщины, — которых все считали ведьмами и которые сами тоже считали себя таковыми, искренне веря, что могут наслать на своих врагов всевозможные несчастья и даже смерть. Как бы мы ни относились к магии и колдовству, нельзя забывать, что в Средние века наши предки верили всему этому, как верили они в то, что Дьявол может появляться среди людей и что среди них — немало грешных душ, которыми он овладел. Поэтому совершенно естественные явления очень часто объяснялись сверхъестественными причинами, а учёного, ставившего эксперименты, начинали подозревать в колдовстве и в других нечестивых действиях, что, безусловно, препятствовало осуществлению экспериментальных исследований и тормозило развитие науки.

ГЛАВА 8

ВОЕННОЕ ДЕЛО

В Средние века война не была исключительным событием, нарушающим привычное течение жизни; она была обыденным явлением, принадлежащим нормальному порядку вещей. Военное дело являлось профессией высшего сословия, и отношение к воинской повинности было положено в основу деления средневекового общества — наряду с характером прав на землю. Сочетание этих двух параметров, а именно пожалование земель на условиях военной службы, и стало ядром феодальной системы, введённой в Англии нормандцами.

У саксов каждый, кто имел землю, должен был вносить свой вклад в поддержание укреплённых городских поселений — «бургов», и каждый свободный человек должен был сопровождать своего господина на поле брани, однако это правило относилось к области личных обязательств и не было связано с земельными отношениями: если один держатель земельного надела присоединялся к военному отряду определённого сеньора, то это вовсе не означало, что следующий держатель этой земли обязан будет во время войны следовать за тем же самым знатным господином. Представители высшей знати — тэны — точно так же должны были служить королю, являться по его зову в полном вооружении и, возможно, предоставлять в его распоряжение определённое количество вооружённых воинов. Но несмотря на то, что для того чтобы стать тэном,

нужно было иметь не менее пяти гайд* земли, военная служба не была тем условием, на котором саксонская знать владела своими землями. В других европейских странах сложилась система, при которой императоры и короли жаловали целые области в своих державах знатным сеньорам, а те за это приносили клятву верности и обязывались в военное время приходить на помощь своему монарху с определённым количеством вооружённых людей. Для того чтобы обеспечить себе службу этих вооружённых людей, представители крупной знати, в свою очередь, выделяли им земельные участки в своих владениях, заручаясь клятвой верности и обещанием сражаться за своего господина, когда возникнет такая необходимость. И поскольку земля недвусмысленно предоставлялась на условии военной службы, это означало, что когда первоначальный держатель расстанется со своим наделом, то новый владелец будет обязан нести такую же воинскую повинность, что и его предшественник. Владелец имения нёс службу в качестве полностью вооружённого всадника, то есть рыцаря; имение, от которого должен был выставляться один такой рыцарь, называлось «рыцарским леном» (knight's fee). (Крупные имения обычно называют «фьефами», но есть и общее для обеих категорий слово — «феод», производное от латинского «feodum» или «feudum», от того же латинского корня произошли оба английских термина, а также прилагательное «феодальный».) Поэтому каждый могущественный сеньор, который владел большим количеством земель, мог без труда собрать конное войско;

---

* 1 гайда = 40,47 га. (Примеч. ред.)

для этого ему достаточно было оповестить своих вассалов о всеобщем военном сборе. Точно так же, и королю было очень просто собрать армию, если, конечно, крупные вассалы оставались верны ему, а вот если они поднимали мятеж, то феодальная система работала на них и оборачивалась против короля.

Когда нормандский герцог Вильгельм завоевал Англию, он оделил землёй своих друзей и сподвижников на условиях несения военной службы в соответствии с вышеописанными принципами: с каждой группы имений (или маноров) были обязаны выставлять определённое количество рыцарей. Как мы уже знаем, налоги взимались с поместья в зависимости от того, сколько гайд земли оно включало, однако количество снаряжаемых рыцарей зависело от количества гайд (за исключением того, что «рыцарский лен» не мог быть меньше пяти гайд) и не зависело ни от чего больше, кроме личной воли Вильгельма Завоевателя: если тот считал возможным пожаловать одному своему сподвижнику 400 гайд, обязуя его снарядить только двух рыцарей, а от другого требовал тридцать рыцарей с 200 гайд, его действия не подлежали обсуждению. Есть имение, и есть обязательства, которые должен выполнять тот, кому оно досталось; и случись такое, что держатель лена не выставит по требованию короля положенное количество рыцарей, его имение будет конфисковано. Всего в Англии было создано порядка 6–7 тысяч таких «рыцарских ленов». Вильгельма совершенно не заботило, каким именно образом держатели земли будут набирать рыцарей, это было личным делом самих лордов. Как правило, они обеспечивали себе нужное количество рыцарей за счёт того, что раздавали часть своих

земель менее влиятельным сеньорам на тех же условиях, на каких сами получили землю от короля; этот процесс, именуемый «субфеодализацией», мог охватывать несколько уровней: некто А получает землю от короля и вместе с тем на него возлагается обязательство снарядить двадцать рыцарей, В получает надел земли от А и должен выставить четырёх рыцарей, а С получает от В «рыцарский лен». Если А, то есть основной держатель земли, получающий её непосредственно от короля, раздаёт лены меньшему количеству рыцарей, чем он обязан снарядить для короля, то остальные рыцари «взимаются» с личных имений (*demesne*), остающихся в руках самого А, и эти земли могут быть конфискованы у него за малейшее недовыполнение возложенных на него обязательств. Иногда основные держатели земли предпочитали отдавать наделы большему числу рыцарей, чем должны были выставить в случае войны, таким образом они не только обеспечивали себе резервных воинов на случай, если кто-либо из них подведёт своего господина, но и приобретали другие выгоды: в частности, в случае смерти вассала, обязанного нести военную службу, его наследник должен был выплачивать своему непосредственному сюзерену определённую сумму «посмертного налога», а если наследник был ещё слишком юн для того, чтобы вступить во владение землями, сюзерен становился опекуном его лена до тех пор, пока наследник не достигал положенного возраста, и нередко за это время лорд успевал извлечь из своего опекунства немалую выгоду. Нормандия сама по себе была фьефом Франции, и герцоги Нормандские, опираясь на своих вассалов, обязанных нести воинскую повинность, нередко тревожили покой

французского короля. Вильгельм вовсе не хотел, чтобы в Англии повторилась та же картина и чтобы ему как верховному сюзерену пришлось бы испытать на себе недостатки подобной системы. Поэтому он повелел всем вассалам своих вассалов принести клятву верности лично ему и таким образом распространил на них свою власть.

Итак, быть рыцарем означало прежде всего быть обязанным нести службу в конном войске в обмен на право владеть землёй, и начиная с XIII века всех, кто владел имением с доходом больше установленной величины (как правило, больше 20 фунтов стерлингов в год, то есть порядка 350 фунтов на современные деньги), обыкновенно принуждали становиться рыцарями под страхом штрафа. Однако рыцарское звание было весьма почётным, и тот, кто получал его, оказывался в рядах знати. Поначалу не существовало жёсткой границы между простыми рыцарями и баронами, или пэрами; различие заключалось в том, что в форме владения землёй: если основной держатель получал свои земли «на условиях баронства», то по вступлении во владение своими имениями он выплачивал фиксированную сумму в размере 100 фунтов, тогда как рыцарь платил по 5 фунтов за каждый пожалованный ему лен. В рыцарское достоинство мог возводить своих подданных король, но таким же правом обладали и некоторые крупные лорды; обряд посвящения заключался в том, что будущего рыцаря опоясывали мечом, и в знак почтения к тем высоким идеалам, которым отныне предстояло служить его владельцу, этот меч в ночь накануне торжественной церемонии возлагался на алтарь в церкви и посвящаемый должен был, не смыкая глаз,

нести возле него караул. Важное символическое значение имела также ритуальная баня (давшая название ордену Бани, основанному в 1399 г.): она символизировала чистоту и непорочность жизни, которую, как ожидалось, станет вести в дальнейшем новый рыцарь. Некоторые из рыцарских орденов имели ярко выраженный религиозный характер, в частности, основанные в Палестине, во время крестовых походов орден Храма и орден госпиталья св. Иоанна в Иерусалиме. Как рыцари-храмовники (тамплиеры), так и рыцари-иоанниты (госпитальеры) были воинами, которые приносили клятвы наподобие монашеских и жили своими общинами. Тамплиеры героически сражались в Палестине, но из-за своей гордыни и своего богатства они нажили очень много врагов, которые обвинили рыцарей ордена Храма в ереси и оккультизме, якобы позаимствованных ими у нечестивых сарацин, и в 1312 г. папа Римский санкционировал разгром ордена; во многих европейских странах тамплиеры подверглись жестоким гонениям, а вот в Англии их почти не преследовали.

Гонения на тамплиеров, обвинённых в том, что они предали веру, для защиты которой был основан их орден, напоминают нам о других примерах, показывающих, как далеки были рыцарские идеалы от реальности. В теории идеальный рыцарь должен был, как гласит текст XII века, «защищать Церковь, бороться с изменой, проявлять глубокое почтение к священнослужителям, оберегать бедняков от несправедливости, хранить мир на своей земле и быть готовым пролить кровь за своих братьев, а если потребуется, то и положить за них жизнь». Такому высокому идеалу вполне

соответствовал «совершенный во всём, благородный рыцарь» Чосера. Не менее достойный образец рыцарственности в реальной жизни являл собой сэра Роберт Омфрэйвиль, правитель северной марки* на границе с Шотландией, о котором мы знаем по рассказам одного из тех, кому довелось служить при нём. Сэр Роберт, рыцарь ордена Подвязки, вел безупречную жизнь, отличался неунывающим и любезным нравом, в битве он был подобен льву, но притом настолько справедлив, что даже шотландцы, против которых он сражался, в спорных случаях обращались к нему за советом и уважали его решение больше, чем решение своих судей; сэр Роберт был сравнительно небогат, однако великодушен в своей щедрости и необычайно добр: он даже никогда не бранил слуг прилюдно, не желая позорить провинившихся перед их товарищами. Такие люди были редки во все времена, и Пётр Пахарь требовал от заурядного рыцаря только того, чтобы он защищал Церковь, истреблял птиц и зверей, которые вредят урожаю на поле бедняка, и не притеснял своих арендаторов. Но даже это для многих было высшей добродетелью, какой им удавалось достичь; ведь те, кто предательски убил у алтаря Томаса Бекета, епископа Кентерберийского, тоже были рыцарями, как были рыцарями те, кто подобно сэру Джону де Уоренну, запрягал своим держателям-крестьянам прогонять забредших на поля оленей и другую дичь, и лишь очень немногие из рыцарей проявляли заботу о нуждах простых людей. Рыцарские идеалы на деле служили классовой идеологией: это был тщательно продуманный

---

* Марка — пограничный округ. (Примеч. ред.)

код учтвого поведения по отношению к равным и вышестоящим особам, в котором почти не учитывалось существование людей более низкого статуса.

Война, по своей сути, — грязное дело, она заставляет проявиться самые худшие свойства человеческой натуры. Но она также пробуждает в людских сердцах бесстрашие и стойкость, оставляя по себе память в виде преданий о славных подвигах, которые кажутся тем более доблестными и прекрасными, чем более мрачен исторический фон эпохи. Восхищаясь героизмом воинов, мы словно бы не замечаем ужасов войны. Всё это как нельзя более справедливо по отношению к войнам Средних веков: нас приводят в восторг мечи, копья, стрелы и сверкающие доспехи, созданные в те времена, когда мир не знал ни ружей, ни миномётов, ни авиационных бомб. Естественно, писатели отдают предпочтение прошлому, убеждая нас, что тогда на поле брани чаще совершались поступки, проникнутые духом романтики, и в целом складывается впечатление, будто по сравнению с войнами нашей эпохи средневековые войны велись куда более благородно и гуманно. Но это неправда. Знатный господин, который был почти что неуязвимый в своих дорогостоящих доспехах и мог, благодаря своему состоянию, рассчитывать на приличное обращение, если ему случится попасть в плен, действительно, меньше терпел от ужасов войны, чем приходится на долю военных в наши дни, когда пули не делают никаких различий, но для простых людей война одинакова во все времена. Представление о том, что «политика устрашения» — политика, при которой даже мельчайшие нарушения караются с беспощадной жестокостью,

чтобы вселить ужас в сердца возможных врагов, — является недавним изобретением человечества и связана только лишь со Второй мировой войной, очень далеко от истины. Жестокость, произвольная или целенаправленная, сопутствовала войне всегда. Самые ужасные военные преступления, совершённые на территории Фландрии в XX веке, не идут ни в какое сравнение с той жестокостью, которую в XIV веке проявили в том же регионе испанцы. Под 1418 г. хронист говорит о том, что английские войска взяли Понтуаз, не встретив никакого сопротивления, а затем «как обыкновенно поступают с покорёнными городами, во множестве учинили великие бесчинства»; сорока годами позже, когда Реймс отказался снабжать провиантом английскую армию, войска англичан сожгли шестьдесят окрестных деревень и пригрозили горожанам, что спалят на корню всё зерно, если те немедленно не пришлют им хлеба и вина. Приблизительно в то же время Чёрный принц*, который по заслугам почитался достойным воплощением рыцарского духа, подавил восстание в Лиможе, и, по словам современника, «с великой скорбью приходилось видеть, как мужчины, женщины и дети, опустившись перед принцем на колени, молили его о милосердии, но он был так одержим гневом, что не обращал на них ни малейшего внимания, ничьи мольбы не были услышаны и всех убивали там, где они были застигнуты, даже тех, на ком не было никакой вины. Жалости не

---

* Эдуард, по прозвищу Чёрный принц (1330–1376) — принц Уэльский, старший сын и наследник английского короля Эдуарда III.

встречали даже бедняки, и хотя они вовсе не помышляли об измене, им пришлось заплатить за неё дороже, чем богачам и знати. Во всём Лиможе не было человека с таким каменным сердцем, если только в его душе сохранялась некая память о Боге, который не оплакивал бы горестно несчастья, ущерб и урон, вершившийся у него на глазах, ибо в тот день были перебиты или обезглавлены более трёх тысяч мужчин, женщин и детей. Да явит Господь милость к душам убиенных, ведь они, я думаю, претерпели мученическую смерть». Ещё раньше Эдуард I — король суровый, но никак не свирепый — был настолько разгневан нападками жителей Берика, что приказал изничтожить всё население города, и лишь с большим трудом отказался от этого намерения, вняв мольбам духовенства. Вильгельм Завоеватель настолько опустошил земли мятежного Йоркшира, что его жители вынуждены были голодать и даже дошли до каннибализма, и ещё 20 лет спустя разорённое графство оставалось безлюдным. Если такую расправу чинили дисциплинированные армии под руководством достаточно гуманных военачальников, то можно себе представить, каковы были деяния диких шотландцев или ирландцев и что творили беззаконные бароны в годы правления слабовольного короля Стефана.

Даже в тех случаях, когда жестокость не была частью политики командующего, возникали трудности с поддержанием дисциплины. Воинский устав Генриха V — предназначавшийся для тех самых войск, чьи действия в окрестностях Реймса нам уже известны, — был превосходен: он запрещал грабить церкви, насиловать женщин, брать в плен детей и наносить ущерб

крестьянам, разоряя поля и уничтожая плодовые деревья, но несмотря на то, что Генрих V действительно пытался бороться с этими и другими подобными преступлениями, его благие намерения, как видно, не увенчались успехом. В более раннюю эпоху добиться соблюдения воинской дисциплины было ещё более трудным делом в силу тех принципов, которые были положены в основу формирования средневековых армий.

Саксы обычно сражались в пешем строю, хотя к месту битвы они нередко приезжали верхом, и их оружие состояло из меча, топора и копья. Что же касается защитных доспехов, то за исключением тэнов, носивших шлем и кольчугу, лишь очень немногие имели другую защиту, кроме кожаной шапки и щита, который в древности был круглым, а в XI веке по форме напоминал бумажного змея. В военное время тэны, по-видимому, были обязаны сопровождать короля, они составляли его личную дружину и были военачальниками над всеми остальными. Согласно общепринятому установлению, с каждых пяти гайд земли должен был выставляться полностью вооружённый воин, и, кроме того, все взрослые мужчины обязаны были нести службу в «фирде», то есть в ополчении. На практике в фирд созывалось только население той области, которая непосредственно подвергалась угрозе вражеского вторжения. Вооружались ополченцы чем придётся: копьями, цепами, дубинками, пращами и небольшого типа луками; ополчение служило неплохой поддержкой для гораздо лучше вооружённых отрядов, но ополченцы не имели никакого представления о воинской дисциплине. В бою фирд способен был проявить и стойкость,

и мужество, однако его было почти невозможно удержать под контролем в течение длительных кампаний: южный фирд Гарольда*, который так и не дождался прибытия из Нормандии войска Вильгельма, пришлось отпустить по домам убирать урожай, так что Вильгельм смог беспрепятственно высадиться в Певенси.

Хотя фирды ещё созывали при Вильгельме Рыжем и в первые годы правления Генриха I, завоевание Англии нормандцами повлекло за собой радикальные перемены в военном деле. Боевую силу войска нормандцев составляла конница, на которую они всецело полагались, а те пехотинцы, какие имелись в нормандском войске, были в основном лучниками, вооружёнными пока ещё малым луком, который натягивался только до груди. Нормандский рыцарь носил защитный головной убор конической формы, усиленный металлическими полосами, длинную кольчугу из металлических колец или небольших пластинок, нашитых на кожаную основу; в руках у рыцаря могли быть большой продолговатый щит, округлый в верхней части и заострявшийся книзу, копьё с вымпелом, называвшимся «пеннон», и тяжёлый меч, а иногда железная палица или булава. Мы уже говорили о том, как посредством раздачи «рыцарских наделов» обеспечивалась численность рыцарского войска; рыцари обязаны были в течение 40 дней нести службу за свой счёт, но тем, кто оставался в армии по истечении этого срока, назначалось жалованье. Набранная подобным образом армия, как нетрудно догадаться, состояла из

---

* Гарольд — король Англии в 1066 г. Убит в сражении с войсками Вильгельма Завоевателя 14 октября 1066 г. (Примеч. ред.)

множества разнородных отрядов, поскольку один барон приводил сотню рыцарей, а другой — всего лишь двух или трёх; сформировать из этих разновеликих дружин воинские соединения и принудить их действовать совместно было крайне трудно. Более того, если кампания длилась более 40 дней, некоторые рыцари вполне могли потребовать, чтобы их отпустили по домам. Поэтому уже в XII веке была внедрена система «щитовых денег» (от лат. «scutum» — «щит»): вместо того чтобы снаряжать рыцаря, барон мог заплатить установленную сумму (обычно 40 шиллингов, что равнялось жалованью за 40 дней), и барон мог взыскать эту сумму с того рыцаря, которому в противном случае пришлось бы самолично нести службу; на деньги, собранные таким путём, король нанимал рыцарей или тяжеловооружённых воинов, которые, будучи наёмниками (то есть профессиональными военными), с большей готовностью подчинялись армейской дисциплине.

С целью реорганизации военных сил английского королевства в 1181 г. была принята «Ассиза о вооружении». Согласно этому указу, каждый владелец «рыцарского надела» или собственности стоимостью 10 фунтов обязан был иметь кольчугу из переплётённых металлических колец (coat of mail), шлем, щит и копье; владелец собственности стоимостью 6 фунтов — лёгкую кольчугу из колец, нашитых на кожаную или льняную подкладку (hauberk), железный шишак, защищавший голову, и копье; а у всех свободных мужчин должны были быть стёганая куртка, подбитая шерстью и более или менее смягчавшая удары меча, железный шишак на голову и копье. В переработанном варианте данной «Ассизы», появившемся тридцатью годами

позже, было оговорено также, что владелец собственности стоимостью 20 шиллингов обязан иметь лук и стрелы. С оружием никогда не расставались, оно переходило по наследству от отца к сыну. Содержание «Ассизы» с незначительными изменениями вошло в состав Винчестерского статута 1285 г., это говорит о том, что все мужчины по-прежнему считались обязанными являться на службу по первому зову, однако на практике всеобщая мобилизация в те годы не проводилась ни разу.

Эпохой коренных перемен в армии стало царствование Эдуарда I. Этот король был величайшим воином своих дней, и во многом именно благодаря его реформам английская армия превратилась в ту сокрушительную силу, какой она показала себя в ходе Столетней войны. Отборную часть войска по-прежнему составляла тяжёлая конница: воины были с головы до ног облечены в настоящую кольчугу (кольца, из которых она была сделана, теперь не нашивались по отдельности на кожаную основу, а переплетались одно с другим), голову защищал массивный цилиндрический шлем, вооружены они были небольшими щитами, тяжёлыми копьями и мечами; несли их в бой мощные кони, также защищённые доспехами. Однако опыт, приобретённый Эдуардом I в Палестине и Уэльсе, побудил его ввести в состав армии лёгкую конницу: она имела не такие тяжеловесные доспехи и более лёгкое вооружение и кроме того, сражалась на быстрых скакунах, не обременённых конскими доспехами. Ещё более важным нововведением стало использование большого лука. В начале правления Эдуарда I основную часть стрелков составляли арбалетчики, и большинство из них было

иностранными наёмниками. В руках опытного солдата арбалет, стрелявший тяжёлыми стрелами (болтами), был смертоносным оружием; его разящая мощь была такова, что когда в XII веке арбалет только появился, Церковь осудила его как оружие нехристианское и негуманное. Но когда в истории человечества войны велись по законам христианства и гуманности! Возмущение средневековых священнослужителей имело не большие последствия, чем все выступления против атомных подводных лодок и отравляющих веществ в наши дни. Главный недостаток арбалета заключался в том, что его нельзя было быстро перезарядить; из обычного лука, напротив, можно было стрелять с большой скоростью, и к тому времени он претерпел определённые видоизменения, превратившись, конечно, не в шестифутовый лук Робина Гуда, но всё же в настоящий большой лук, который натягивался не только до груди, а до уха, что обеспечивало большую дальность и большую точность стрельбы. Во время валлийских кампаний Эдуард ввёл практику объединения лучников с конницей, размещая их на флангах и между отрядами. Этот приём, а также мастерство английских лучников, точно попадавших в цель с расстояния в 200 ярдов, во многом обусловили блистательные победы английских войск во время Столетней войны, в частности исход битвы при Креси. Дело не только в том, что стрелы, пробиравшие кольчугу, несли смерть; очевидцы говорили о том, что град стрел производил в рядах противника не меньшее замешательство, чем разрывы снарядов в наше время. Стремясь уйти из-под шквала разящих стрел, вражеская конница сбивалась в кучу и слепо неслась прямо на копья англичан, оставляя свои фланги

открытыми для обстрела, так что лучники могли продолжать начатое.

Особый приём, восходивший к исконной тактике собственно английской армии, заключался в создании заграждения из щитов: войска стягивались воедино, и впереди всех выстраивались в ряд полностью вооружённые воины, которые, приставив свои щиты вплотную один к другому, прикрывали таким образом лучников, метальщиков копий и легковооружённые части. В том случае, если фланги были защищены какой-либо естественной преградой, такая позиция оказывалась очень надёжной, что доказали сражения при Стамфорд бридж и при Гастингсе в 1066 г., а также «Битва штандартов» в 1138 г. Затем, как мы видели, наступила эпоха конных баталий, а на смену ей пришло совместное использование кавалерии и лучников. Следующим шагом стал возврат к английскому обычаю сражаться в пешем строю. Возможности спешившихся всадников были использованы в сражении при Боробридже в 1322 г. и несколькими годами позже в битве при Даплин-Мур в Шотландии, в дальнейшем они неоднократно проявляли себя в ходе Столетней войны. Французы по-прежнему относились к пехоте пренебрежительно и полагались на конницу, состоявшую из рыцарей, за что жестоко поплатились в битве при Азенкуре. Англичане же всё больше и больше делали ставку на лучников и копейщиков, пока к середине XV века не сложилась ситуация, саркастически обрисованная лондонским хронистом: «Что же до конных копейщиков, то они прекрасно годятся для того, чтобы скакать впереди пеших воинов, есть их хлеб, выпивать их вино и вершить множество славных

дел того же рода... ведь положиться можно только на пехоту».

Пехота появилась после XII века в результате изменения принципов формирования фирда. В военное время шерифам графств, находившихся в той части Англии, на границе с которой велись боевые действия, рассылались приказы с требованием предоставить определённое количество воинов. Во время войны с Шотландией ополчение набирали из жителей северных графств, во время войны с Францией — из южных, во время войны с Уэльсом — из западных. При такой системе, по-видимому, почти никогда не удавалось набрать столько воинов, сколько требовалось, к тому же войско явно оставляло желать лучшего, потому что должностные лица были падкими на взятки и соглашались за некоторую мзду освободить от воинской повинности здорового, трудоспособного человека, взяв вместо него кого-нибудь убогого и негодного. В своём неподражаемом описании того, как Фальстаф набирает войско из пугал и между делом набивает свой кошель, Шекспир вдохновлялся реалиями елизаветинской эпохи, но точно такую же картину можно было наблюдать и в более ранние времена. Для того чтобы увеличить численность войск, принудительно определяли на воинскую службу бродяг и попрошайек, если те не были увечными, и даже заключённых: Эдуард I только за один год помиловал 450 убийц, не считая тех, кто совершил менее тяжкие преступления. Неудивительно, что армии, сформированной таким путём, можно было поручить любые зверства и что по окончании военной кампании расформированные части становились источником многих проблем и представляли опасность для

своих же соотечественников. И тем не менее они были боеспособными.

Войско, составленное из рекрутов, делилось на отряды по двадцать человек во главе с «двудесяцким» («vintenar»), затем эти отряды объединялись в сотни и тысячи под началом конных командиров. Численность средневековой армии редко превышала 10 000 человек, при этом соотношение конницы и пехоты могло быть различным. Военной формы единого образца в Средние века не существовало, однако в ряде случаев некоторые города или графства могли, снаряжая свои отряды, отдавать предпочтение определённой окраске: примером могут послужить «белые котты*», отличавшие войска из Норфолка во времена кампаний Эдуарда I; а в конце XV века все английские пехотинцы, сражавшиеся во Франции, носили белые нарукавные повязки с красным крестом св. Георгия. Приближённые и слуги крупных лордов должны были носить «ливрею» (от фр. «livrée» — одеяние, подаренное тому, кто его носит), имевшую цвета лорда и его эмблему. Самих лордов и рыцарей можно было распознать по их гербам и геральдическим знакам.

Геральдика, наука о гербах, получила распространение после того, как в XII веке появился шлем новой конструкции, который почти полностью скрывал лицо. В сумятице битвы было невозможно с точностью сказать, что за рыцарь возник перед вами: то ли это ваш друг, сэр Ральф Хомард, то ли ваш враг, сир Бертран Пуле; единственный выход заключался в том,

---

* Котта — одеяние, надевавшееся поверх доспехов. (Примеч. ред.)

чтобы пометить рыцарей. Широкая ровная поверхность щита, естественно, представлялась самым подходящим местом для нанесения опознавательных знаков; имя не годилось для этих целей, его было не так просто различить, к тому же многие рыцари были неграмотны; и вот, подобно тому, как лавки и таверны имели нарисованные вывески, у знати вошло в обычай украшать щиты несложными эмблемами ярких цветов. Такие эмблемы представляли собой сочетание широких цветных полос или условное изображение зверей, птиц и т. п. — причём особой любовью, естественно, пользовались орлы и львы. Иногда предмет, ставший геральдическим знаком, отсылал, словно ребус, к имени владельца: так, символом Трампингтона были две трубы («труба» — «trumpet»), у Пико были три пики («пика» — «pike»), у Элкока — петушиные головы («петух» — «cock»), у Эрнли — орлы («орёл» — «erne»), у Люси — щуки («щука» — «luse»), у Мартелла — молоты (фр. «martel» — «молот»), у Мальбиша — олени головы (фр. «biche» — «олениха»), у Батлера (букв. «дворецкий») — кубки и так далее. Отдельные рыцари помещали на щитах свои эмблемы уже в эпоху нормандского завоевания, однако общепринятым этот обычай стал только в конце XII века, именно тогда рыцарские эмблемы превратились в родовые гербы и стали передаваться от отца к сыну. Любой человек с достойным положением в обществе мог взять себе какой угодно герб по своему усмотрению — если только его не взял уже кто-нибудь другой, — и затем этот герб становился собственностью его потомков. Традиция ношения гербов сложилась во многом под влиянием крестовых походов, собравших вместе множество незнакомых друг

с другом рыцарей; в то же время с появлением сюрко — льняного платья, которое надевали поверх лат, чтобы как-то защититься от палящего южного солнца — возник обычай украшать его вышитыми гербами (откуда пошло английское выражение, означающее «герб», — «coat of arms», букв. «гербовой налатник»). Вышитые гербы можно было увидеть также на конских пополах и на знамёнах рыцарей. Каждый рыцарь имел право на собственный пеннон — вымпел с раздвоенным концом; рыцарь, которому довелось отличиться в битве, возводился в звание рыцаря-баннерета, и его пеннон путём отрезания хвостатого конца превращался в прямоугольный флаг — баннер.

Помимо гербов, которые рыцари демонстрировали различными способами, были ещё особые символические фигуры, водружавшиеся поверх шлема, — «нашлемники» («crest»; другое значение этого слова — «навершие рыцарского герба»); чаще всего их можно было увидеть на рыцарях, когда те принимали участие в турнирах и праздничных процессиях. Обычно такие геральдические украшения имели впечатляющие размеры, однако они почти ничего не добавляли к весу самих доспехов, поскольку были полыми и делались из лёгких материалов. В месте прикрепления нашлемника к шлему вокруг последнего обвивался двухцветный шарф, образуя «венец» («wreath» — в современной геральдике этот элемент обозначается символом наподобие леденца под навершием гербового щита) и затем ниспадая в виде «ламбрекена» или «намёта» («mantling» — ныне это слово означает также «мантию» на гербе, то есть узор в виде завитков). Наконец, были ещё и рыцарские эмблемы (badges), обычно они

не передавались по наследству, а служили личным знаком того или иного рыцаря, и в этом качестве их носили его люди. Из таких эмблем широко известны страусиные перья принца Уэльского, красные и белые розы Ланкастеров и Йорков, двухцветная роза Тюдоров, белый олень Ричарда II, лебедь Генриха IV, вепрь Ричарда III и крепостная подъёмная решётка Генриха VII, изображение которой многократно повторяется в часовне Вестминстерского аббатства.

Геральдика наполняла средневековую жизнь красками, придавая ей сказочные черты. Интенсивные контрастные цвета и уверенные, чёткие линии рисунка имели художественную ценность, которая отвечала духу народа, обладавшего ныне утраченным чувством цвета и контура. Геральдические символы довольно быстро приобрели более широкое употребление, чем их первоначальная функция символов, помещавшихся на знамёнах и доспехах; мы видим их на печатях, искусностью в изготовлении которых славились английские гравёры; знатные господа и дамы носили пышные геральдические облачения и геральдические мантии, они украшали свои покои шпалерами с геральдическими изображениями и почивали на постелях, поражавших роскошеством геральдических вышивок. Более того, вся история Средних веков написана на языке геральдики. Когда на королевском гербе рядом с фигурой английского сторожевого льва появилось изображение французской лилии, это означало, что Эдуард III претендует на то, чтобы считаться королём Франции, и послужило поводом к Столетней войне, точно так же некоторое время спустя присоединение шотландского герба ознаменовало восшествие на английский

престол династии Стюартов. Раненый шотландский лев на гербе герцогов Норфолков напоминал о роковом сражении при Флоддене, где английские войска под командованием герцога Норфолка нанесли шотландской армии сокрушительное поражение; а совокупность геральдических символов на щите Ричарда, эрла Уорика, способна поведать о том, как постепенно к нему переходили титулы, земли и богатства Невиллей, Бошанов, Монтегю, Мортимеров и Деспенсеров, которые достались ему по наследству или были приобретены посредством женитьбы, и это объясняет, как Уорик достиг того, что стал «делателем королей*» и самым выдающимся человеком своей эпохи.

Человека благородного происхождения можно было распознать не только по наличию герба, его выделяли военные навыки и прежде всего умение обращаться с оружием, что составляло главную цель обучения юношества в этой среде. Джон Гардинг, которому мальчиком довелось жить при дворе знаменитого сэра Генри Перси по прозвищу Хотспур (Hotspur — букв. «горячая шпора»), рассказывает, что сыновья лорда приступали четырёх лет от роду к изучению азбуки, с шести лет их обучали грамматике, правилам поведения за столом и куртуазной вежливости, с четырнадцати лет юношей

---

* Ричард, эрл Уорик (1428–1471) получил прозвище «делатель королей» за свое активное участие в войне между претендентами на английскую корону, династиями Ланкастеров и Йорков. Именно он был одним из организаторов свержения короля Генриха VI Ланкастера и возведения на трон Эдуарда Йорка (1461 г.). Поссорившись с новым королем, сверг его в 1470 г. и восстановил на престоле Генриха VI. Погиб в 1471 г. в битве при Барнете. (Примеч. ред.)

брали на охоту, чтобы воспитать в них храбрость и уверенность в своих силах, а в шестнадцать они уже были готовы к участию в турнирах или настоящих сражениях и ежедневно упражнялись в воинском искусстве. Для того, чтобы дать рыцарской молодёжи возможность испытать свои силы и доставить удовольствие старшему поколению, устраивались турниры и поединки. По-видимому, эта традиция возникла в XII веке во Франции и была очень популярной в среде англо-нормандского рыцарства: сыновья Генриха II нередко принимали участие в рыцарских турнирах, а Вильгельм Маршал, впоследствии граф Пемброк и регент Английского королевства при малолетнем Генрихе III, в своё время был самым выдающимся турнирным бойцом тех дней. Первые турниры были грубыми со всех точек зрения, они нисколько не походили на облагороженные духом рыцарственности состязания последующей эпохи: первоначально соперничающие стороны сражались отрядами по несколько человек и считалось, не только честным, но даже и похвальным держаться в стороне до тех пор, пока не станет ясно, что какие-то соперники теряют силы, и только после этого присоединиться к атакующим их рыцарям; цель заключалась вовсе не в том, чтобы преломить копье в полном соответствии со строгими правилами, участники турнира откровенно стремились вывести из строя как можно большее количество соперников, чтобы завладеть их боевыми конями, оружием и получить за побеждённых выкуп. Маршал, который был младшим сыном в семье, начал свой жизненный путь без гроша за душой, благодаря участию в турнирах смог обеспечить себе очень неплохой доход. Папы и знаменитые проповедники осуждали

рыцарские турниры, но тщетно, и они продолжали проводиться по-прежнему, в частности, им очень покровительствовал Эдуард I. Однако с течением времени эти турниры приобрели более спокойный характер, они стали подчиняться строгим правилам и превратились в овеванные духом благородства куртуазные состязания, столь милые сердцу создателей рыцарских романов. В XV веке «мирный поединок» представлял собой красочную церемонию и давал рыцарям возможность показать себя во всём великолепии: вокруг турнирной арены толпились зеваки, а вместительная трибуна была заполнена благородными господами и дамами в роскошных нарядах; участники турнира красовались в пышных, порой даже причудливых, костюмах. Рыцари сражались копьями с тупыми наконечниками и атаковали друг друга из-за барьера, который не позволял их лошадям сшибиться; цель поединка заключалась в том, чтобы сбросить противника на землю, сбить с него шлем или, нанеся красивый, чёткий удар, преломить своё копьё о щит или шлем противника. Каждая пара участвующих в турнире бойцов делала по шесть или по восемь схваток, судьи вели подсчёт очков по установленной системе и дисквалифицировали любого участника турнира, если тот атаковал лошадь противника или наносил иной запрещённый удар. В конце дня победитель получал награду из рук «королевы турнира».

За время, прошедшее со времён завоевания Англии нормандцами до эпохи куртуазных турниров, доспехи претерпели значительное изменение. На смену кольчужной рубахе пришёл полный кольчужный доспех из переплетённых колец, который облекал всё туловище и подгонялся строго по фигуре. В XIII веке для более

надёжной защиты коленных и локтевых суставов стали использоваться металлические пластины — наколенники и налокотники, а для защиты шеи — наплечные щитки, выступавшие над плечами и предназначенные для того, чтобы смягчать силу рубящего удара мечом. Приблизительно в то же время вошёл в употребление цилиндрический шлем, по виду напоминавший кастрюлю без ручек; он полностью закрывал голову со всех сторон и опускался до самых плеч, в лицевой части шлема были прорезы, через которые рыцарь мог смотреть и дышать. Другой тип шлема был представлен различными вариантами бацинета, который, претерпевая небольшие изменения, играл важную роль на всём протяжении Средних веков; бацинет состоял из стального черепника конической формы, воротника, который мог быть как кольчужным, так и пластинчатым, и подвижного забрала с прорезями, при необходимости опускавшегося на лицо. Для того чтобы усилить доспех в уязвимых местах, постепенно стали использовать металлические пластины, и к XV веку рыцари оказались полностью облаченными в пластинчатые доспехи, кольчуга же сохранила своё значение только потому, что предохраняла тело от повреждений в местах соединения пластин. Готовясь к схватке на турнире, рыцарь должен был вначале надеть матерчатый стёганный поддоспешник на атласной подкладке, штаны из прочной материи и прочную обувь. На поддоспешнике в области локтевых суставов и подмышек были нашиты фрагменты кольчуги в форме ромбов, такие же нашивки имелись на штанах под коленями и на подъёмах ног. Далее рыцарь облачался в доспехи в таком порядке: сначала обували пластинчатые латные

туфли (sabatines), затем к ногам пристёгивали наголенники (greaves) и налядвенники (cuisses) с прикреплёнными к ним наколенниками. Бёдра опоясывали кольчужной юбкой (breech), которая прикрывала верх налядвенников. После этого наступал черёд основной части защитного доспеха — нагрудника с наспинником, они прочно пристёгивались один к другому и составляли одно целое, сверху к ним крепилось пластинчатое оплечье (tuilettes), детали которого наслаивались друг на друга, подобно рядам черепицы. Далее надевали нижний наруч (vambrace), закрывавший руку от локтя до кисти, и верхний наруч (gerebrace), защищавший руку от плеча до локтя. Внутренняя сторона правой руки обычно была прикрыта длинной пластиной (moton), привинчивавшейся к нагруднику; левая рука, закрываемая щитом, не нуждалась в такой дополнительной защите. Кисти рук облачали в латные рукавицы (gauntlets). На голову рыцарь обычно надевал бацинет, прикреплявшийся к нагруднику и к наспиннику при помощи пряжек или крючков; боевой бацинет должен был иметь забрало, однако во время турнира обходились без такового, зато поверх бацинета надевали большой турнирный шлем с гербовой фигурой и намётом. Рыцарский меч в ножнах носили на левом боку, кинжал — на правом, щит висел с левой стороны на ремне, перекинутом через шею. Поверх лат рыцарь мог накинуть льняное или шёлковое короткое сюрко, расшитое его гербами. Копьё рыцаря и его турнирный бацинет, когда рыцарь не нуждался в них, нёс за своим господином сопровождавший его оруженосец или паж.

Турниры позднего Средневековья, проходившие по строгим правилам и почти никогда не приводившие

к серьёзным увечьям, конечно, были шагом вперёд по сравнению с неупорядоченными турнирными поединками прежних времён, во время которых бывали нередки несчастные случаи со смертельным исходом (если только это, действительно, были несчастные случаи); но всё великолепие куртуазных состязаний лишь подтверждает справедливость тезиса, уже высказанного нами ранее: к XV веку эпоха рыцарей миновала, они более не представляли собой военную силу. Сами рыцари могли по-прежнему тешить себя мыслью о том, что конница является важнейшей составляющей армии, однако практичный человек с трезвым взглядом на жизнь был в состоянии заметить, что «полагаться можно только на пехоту». И важным фактором, ускорившим закат рыцарства, стало применение огнестрельного оружия, с появлением которого рыцарские доспехи утратили свою защитную функцию. В Англии порох стал известен в начале царствования Эдуарда III, несколько первых пушек принимали участие в битве при Креси, и хотя они произвели большое впечатление за счёт шума и новизны, всё же вряд ли нанесли ощутимый урон. Почти все первые пушки заряжались с казённой части, они состояли из ствола, усиленного несколькими железными кольцами, и небольшого цилиндра, куда закладывался заряд пороха, во многих случаях эта деталь была вделана в основание ствола. Были также бомбарды, или мортиры, — короткоствольные массивные пушки, заряжавшиеся с дула; они могли выстреливать ядра диаметром до 18 дюймов* и массой

---

* Дюйм — единица длины, равная 0,0254 м. (Примеч. ред.)

до 225 фунтов*. Дальность стрельбы была невелика, и обеспечить сколько-нибудь точное попадание в цель было практически невозможно из-за несовершенства конструкции: тяжёлые стволы осадных орудий обычно просто крепились к массивным доскам, и когда требовалось приподнять дуло, под передний край доски забивали колья. Ядра поначалу были каменными, подобно тем снарядам, которые начиная с римских времён и вплоть до XV века использовались в больших катапультах — баллистах, но впоследствии пушечные ядра стали отливать из чугуна. В Средние века появилось немало разновидностей ручного огнестрельного оружия, в большинстве своём это были миниатюрные орудия, прикреплённые к деревянному ложу, их держали под мышкой, на плече или, если стрелок сражался верхом, у латного нагрудника. Во время сражения ручные орудия, против которых доспехи были бесполезны, оказывались гораздо более эффективными, чем пушка, однако пушки обладали неизмеримым превосходством над всеми другими осадными орудиями, и их применение имело очень важные последствия. Замки почти утратили своё военное значение, и то факт, что королю практически принадлежала монополия на передвижную артиллерию, объясняет, почему монархам из династии Тюдоров удавалось так успешно подавлять мятежи.

Замки начали строить в Англии нормандцы. В эпоху нормандского завоевания господствующим типом замка был «замок на холме»; главным оборонительным сооружением в замке такого типа была башня,

---

* Фунт — единица массы, равна 0,45 кг. (Примеч. ред.)

возведённая на вершине насыпного холма. На этом холме нельзя было поставить каменную постройку до тех пор, пока земля не осядет и не спрессуется, а на это требовались годы. Поэтому первые башни строились из дерева, но со временем на их месте обычно возводили каменную стену, которая шла по верху холма, окружая его вершину, укрепления этого типа известны как «shell-keep» (букв. «оболочка цитадели»). Примыкавший к холму замковый двор был огорожен валом, вокруг которого шёл ров; вал мог быть дополнительно усилен частоколом, надвратную башню в большинстве случаев строили из камня. В некоторых замках — как, например, в Тауэре (Лондон) — вместо башни на искусственном холме мы увидим большую квадратную в плане башню, возведённую непосредственно на земле. Обычно вход в такую башню находился на значительной высоте, и попасть в неё можно было только по подъёмному мосту. В XII веке выросло много каменных замков, Генрих II выделил колоссальные средства на строительство крепостей в Дувре, Оксфорде, Ноттингеме и Скарборо. Но подлинный расцвет военного строительства приходится на царствование Эдуарда I, при котором появились величественные замки Уэльса: Конвей, Карнарвон и Гарлех, в архитектуре которых воинская мощь сочеталась с красотой линий. Если попытаться коротко перечислить типичные признаки замков того периода, то можно назвать следующие: во-первых, широкий ров (обычно заполненный водой), окружавший территорию замка со всех сторон; во-вторых, выраставшая над ровом массивная стена с щелевидными бойницами для стрельбы из лука; и наконец, башни (особенно угловые), которые располагались

на некотором расстоянии друг от друга по периметру замка и выступали вперёд настолько, чтобы можно было вести стрельбу по нападавшим, если тем удавалось достичь подножия замка. По верхнему краю каждой башни с внутренней стороны шла галерея, защищённая зубцами и парапетом, просветы между зубцами обычно закрывали ставнями или наклонными деревянными щитами, за которыми лучники укрывались от вражеских стрел. Башни, как правило, были увенчаны коническими крышами и имели навесные деревянные галереи. К воротам замка вёл перекинутый через ров подъёмный мост, и когда он был поднят, то не только перекрывал доступ к воротам, но и служил дополнительным щитом, заграждавшим их. Проход в замок защищали массивные деревянные ворота и по крайней мере одна решётка, которая передвигалась в пазах, сделанных по обеим сторонам проёма, и могла быть опущена при помощи противовеса. Парапет воротной башни выдавался в стороны, опираясь на каменные консоли; в проёмах между консолями были устроены машикули — выступающие наружу бойницы, откуда на головы врагов, пытавшихся сломать ворота, летели камни, лился кипяток, горящая смола и прочие малоприятные вещи. На территории замка вдоль крепостных стен размещались караульные помещения, казармы, кладовые, конюшни и т. п.; на большом дворе стояли «холл», часовня и другие постройки, а на одном конце его возвышалась главная башня, цитадель замка, в которой осаждённые могли держать оборону даже после того, как всё остальное окажется в руках нападавших. До появления огнестрельного оружия цитадель вполне могла противостоять атаке королевских

войск, однако когда в игру вступила тяжёлая артиллерия, средневековый замок из оборонительного сооружения превратился в западню для своих защитников, и в XVI веке военные инженеры, вынужденные искать способ защиты от артиллерии, стали отдавать предпочтение менее живописным, но зато более практичным земляным укреплениям.

Было бы странно писать о военном искусстве Англии и совсем не упомянуть о флоте, хотя по отношению к Средним векам, это далеко не так абсурдно, как если бы речь шла о любой другой эпохе. Первым человеком, которому удалось осознать значение морского могущества Британии, можно считать белга Караузия, авантюриста, который командовал римским флотом в Ла-Манше и в 287 г. провозгласил себя императором. Караузию удавалось сохранять за собой этот титул на протяжении восьми лет, пока он не был убит. Миновало шесть столетий, и Альфред Великий решил сделать ставку на крупные военные суда и приказал построить несколько кораблей, в два раза превосходивших размерами пиратские суда датчан; мы прекрасно знаем, что затея этого короля не оправдала себя, потому что его корабли оказались слишком громоздки и неповоротливы, и всё же Альфред заслуживает уважения как человек, который понял, что иноземному вторжению нужно противостоять на море, и создал некое подобие национального флота. Прошло ещё шесть столетий, прежде чем вновь была предпринята серьёзная попытка основать военный флот, и она оказалась настолько успешной, что с тех пор флот стал основной оборонительной силой Англии. В период между правлением Альфреда Великого и эпохой Генриха VII у Англии не

было постоянного корпуса боевых кораблей. Подобно тому как крестьяне призывались в фирд от плуга, а ремесленники от ткацкого станка, военный флот формировался из рыболовецких и купеческих судов. И если в средневековой Англии было немало людей, владевших землёй при условии несения воинской службы, людей, которые в раннем Средневековье составляли костяк войска, то была и небольшая группа городов, обязанных нести морскую службу на благо Англии, и они составляли ядро флота той эпохи. Это была группа городов, вошедших в историю под названием «пять портов».

Союз «Пяти портов» существовал уже в эпоху нормандского завоевания и, возможно, был обязан своим возникновением эрлу Годвину*. Главой союза был Гастингс, кроме него в «Пять портов» входили Дувр, Сандвич, Хайт и Ромни, к которым вскоре присоединились «старинные города» Рай и Винчелси. Первичным поводом для объединения этих городов Кента и Суссекса, могло послужить то, что их жители осенью обычно выходили на лов сельди к восточному побережью, в район устья реки Яр, где в месте ежегодной стоянки рыбаков возник город Ярмут. Нам известно, что при Вильгельме Завоевателе города, входившие в союз «Пяти портов», должны были снарядить шестьдесят кораблей, чтобы те несли службу в течение 15 дней. О том, насколько важной считалась эта служба, говорит то, что все горожане «Пяти портов» получили

---

* Годвин (ум. 1052 г.) — эрл Уэссекса, при короле Эдуарде Исповеднике принимал активное участие в управлении Англией. (Примеч. ред.)

право именоваться «баронами», и хотя этот почётный титул не делал их пэрами королевства, он всё же возвышал их над прочими свободными жителями Англии; кроме того, города «Пяти портов» имели собственные суды и пользовались правом устанавливать собственные налоги. Однако самым ярким примером того почтения, которым были окружены эти города, были так называемые придворные привилегии. Во время коронации государь шествовал из Вестминстерского дворца в Вестминстерское аббатство и обратно под балдахином, который несли бароны «Пяти портов», затем во время торжественного обеда по случаю коронации они занимали место за столом для почётных гостей по правую руку от короля, и сверх того им было позволено оставлять себе серебряные перекладки и шёлковое покрывало церемониального балдахина. Стоит отметить, что все эти привилегии оставались в силе вплоть до эпохи Георга IV, и если предположить, что когда-либо будет возрождён старинный обряд коронации, то у представителей «Пяти портов» будут все основания претендовать на почётные места в торжественной процессии и на парадном обеде, хотя в наши дни, по-видимому, ни один из великих портовых городов, за исключением Дувра, уже не сможет снарядить корабль более грозный, чем одномачтовое рыболовецкое судёнышко.

Корабли нормандской эпохи строились с высокими носом и кормой, у них была одна центральная мачта с большим квадратным парусом. Правили кораблём при помощи большого весла, крепившегося к правому борту, отчего эта сторона судна и стала называться «starboard» (от «steer-board» — кормило). На базе

подобного корабля был создан тип английского военного судна: на носу и на корме появились деревянные башни («fore-castle» и «stern-castle»; букв. «носовое укрепление» и «кормовое укрепление», причём первый из этих терминов сохранился в английском языке со значением «бак»), а на мачте была устроена площадка для стрельбы, простейшим прообразом которой была прикреплённая к мачте большая бочка. Средняя команда на кораблях, принимавших участие в ирландской экспедиции 1171 г., состояла из двенадцати человек и капитана, однако на судах «Пяти портов» было по двадцати одному человеку. Моряки той эпохи — это отчаянные головы, которые привыкли драться друг с другом и отличались явно пиратскими наклонностями: Чосер говорит о своём шкипере, что тот, захватив судно, поступал с его командой самым обычным образом — «отправлял домой морем», другими словами, выбрасывал за борт; моряки не признавали никакой дисциплины и нередко покидали суда без разрешения. Поэтому вести на море длительные военные действия никогда не пытались, флот созывали, в основном, для транспортировки войск или для того, чтобы атаковать вражескую эскадру, если становилось доподлинно известно, что она курсирует где-то поблизости или готовится совершить опустошительный набег на какой-либо участок побережья.

У других народов в качестве боевых кораблей служили галеры, приводившиеся в движение при помощи вёсел, однако англичане, как видно, не собирались полностью переходить на этот тип военных судов, хотя в некотором количестве галеры строились при трёх Эдуардах, их строили также для охраны побережья

некоторые торговые города; труд гребцов на галерах был неимоверно тяжёлым, и обычно их роль исполняли преступники и рабы (возможно, Англия и не использовала галеры именно потому, что такая форма рабства была противна духу англичан). Наши предки были опытными мореплавателями и умело правили своими кораблями, однако на море, как и на суше, победу англичанам приносили их лучники, как было, например, во время знаменитой битвы при Слэйсе* в 1340 г. За победой при Слэйсе последовал разгром испанцев при Винчелси в 1350 г. в ходе сражения, сильно напоминающего разгром «Великой армады»**, когда массивные испанские суда грозно надвигались на небольшие корабли англичан. Разница состоит в том, что в XIV веке англичане применили тактику, отличную от победоносной тактики елизаветинской эпохи: в сражении при Винчелси они намеренно подошли вплотную к испанским судам, взяли их на abordage и одержали верх исключительно силой оружия.

К концу XIV века корабли существенно увеличились в размерах и стали гораздо более надёжными, на смелому рулевому веслу пришёл настоящий руль, появился

---

* В битве при Слейсе (1340 г.) английский флот наголову разгромил французский, одержав первую победу в Столетней войне. (Примеч. ред.)

** Речь идет о эпизоде в военном конфликте между Англией и Испанией во второй половине XVI в. В 1588 г. испанский король отправил колоссальную по тем временам флотилию из 130 кораблей, чтобы высадить в Англии десант и восстановить там католическую веру. Умелое сопротивление англичан и ураганный шторм привели к гибели большей части испанского флота. (Примеч. ред.)

бушприт, и это повлекло за собой определённые изменения в оснастке. В следующем столетии стали строить двухмачтовые корабли, и поскольку залившиеся к тому времени гавани «пяти портов» оказались слишком мелкими для больших кораблей, города этого исторического союза перестали играть значительную роль в формировании военного флота. На исходе века заметно усилилось морское могущество Испании, и Генрих VII понял, что если Англия хочет удержать свои позиции на море, то ей необходим регулярный флот и она более не может обходиться временными соединениями купеческих кораблей, по случаю оснащённых кое-каким вооружением. Поэтому при Генрихе VII были построены крупные военные корабли и заложены основы английского военно-морского флота; эти начинания получили достойное продолжение при Генрихе VIII и увенчались триумфом в эпоху Елизаветы, когда корабли из английского дуба, оснащённые орудиями из английского металла, обеспечили Англии превосходство на море, которое она впервые обрела при короле Иоанне и на которое с полным основанием претендовала в эпоху Эдуарда III, но на время утратила при его преемниках.

ГЛАВА 9

ЗАКОН И ПОРЯДОК

Периодически в английских газетах появляются тревожные заметки, в которых говорится об очередной «волне преступности» или о «росте числа насильственных преступлений»; авторы стремятся возложить вину на пагубное влияние собратьев по перу, бульварной литературы, кинематографа, войны, социализма, наркотиков и вообще всего, что им не по нраву. В стране с населением более 40 миллионов человек в течение месяца совершаются два-три убийства, и этого оказывается более чем достаточно, чтобы пресса подняла неистовый шум. Но если бы на две-три недели наша жизнь стала такой, как в Средние века, у журналистов появился бы настоящий повод бить тревогу. Когда мы рассказывали о том, как формировалась средневековая армия, то уже упомянули, что Эдуард I в конце XIII века менее чем за год даровал прощение 450 преступникам — при этом всё население Англии в то время составляло 5 миллионов человек. Если принять в расчёт тех преступников, которые не были помилованы — включая немалое число тех, кому удалось избежать поимки, — нам станет ясно, что для наших предков человеческая жизнь ничего не стоила. Сегодня о человеке, схватившемся во время драки за нож, с осуждением скажут, что он повёл себя «не как англичанин», и коль скоро речь идёт о нашем времени, это, без сомнения, справедливо, чего, однако, никак нельзя сказать о Средних веках, когда каждый носил при себе

нож (необходимый для того, чтобы есть мясо) и пускал его в ход при малейшей ссоре. В 1496 г. один итальянец, составивший описание Англии, говорил о ней так: «Нет в мире страны, где было бы так много воров и грабителей, как в Англии; число их столь велико, что лишь очень немногие путники решаются в одиночку держать путь через сельскую местность иначе как среди бела дня, и ещё меньше таких, кто отважится в городе выйти на улицу ночью, и менее всего — в Лондоне». Приблизительно в то же время Фортескью пишет о храбрости английских преступников, усматривая в этом повод для патриотической похвалы: «В Англии много раз бывало, что трое или четверо грабителей, побуждаемые бедностью, нападали на шестерых или семерых человек и обирали их всех. Но никогда не случалось, чтобы во Франции шестеро или семеро грабителей отважились напасть на троих или четверых человек. Посему французов крайне редко вешают за разбой, ибо у них недостаёт смелости на такое злодеяние. В Англии же в один год было отправлено на виселицу за грабёжи и убийства больше, чем повесили за те же преступления во Франции в течение семи лет. В Шотландии за целых семь лет не был повешен за разбой ни один человек, хотя там многих вздёрнули за воровство и кражу имущества в отсутствие хозяина. Однако их смелости не хватило на то, чтобы посягнуть на чужое добро в присутствии владельца, когда тот мог оказать сопротивление, — каковое преступление именуется разбоем. Но англичане по части храбрости — люди совсем другого сорта. Потому как, если англичанин беден и видит, что кто-то другой владеет богатством, которое у него можно отнять силой, англичанин не станет колебаться».

Средние века были эпохой торжествующего насилия, и могущественные лорды подавали самый дурной пример простому люду. Не говоря уже о полной анархии времён короля Стефана, когда не было человека, который не поднял бы руку на своего соседа, и времен гражданской войны между партиями Йорков и Ланкастеров, расколовшей всю знать королевства на два противоборствующих лагеря, на протяжении всей истории средневековой Англии мы видим непрекращающиеся междоусобные столкновения. В конце царствования Генриха III эрл Суррей разорил земли, принадлежавшие сэру Роберту Эгильону, и нанёс потери его людям; даже при Эдуарде I эрлы Херефорд и Глостер практически находились в состоянии войны друг с другом, за что этот суровый король заставил их дорого заплатить; поэтому вовсе не удивительно, что при безвольном преемнике Эдуарда огонь междоусобных войн полыхал в Ланкашире и по всей стране. Век спустя в «Пасторских посланиях», рисующих нам живую картину английских нравов XV века, можно прочесть, как норфолкские землевладельцы вооружали своих слуг и штурмовали замки друг друга. Даже духовенство втягивалось в военные стычки, и бывало, что служители культа захватывали спорную церковь и оборонялись в ней, как в крепости, отбивая атаки противоборствующей стороны. В Оксфорде и Кембридже студенты с юга и севера страны сходились в ожесточённых схватках друг с другом или объединялись, чтобы драться с горожанами. Представителей закона попросту игнорировали, хотя, стоит заметить, не всегда безнаказанно. История о том, как своенравный юный принц Хэл (будущий Генрих V) оскорбил главного судью Гаскони

и был по его приказу тотчас же заключён в тюрьму, известна всем (пусть даже не всё в ней правда); первый принц Уэльский за оскорбление судьи был изгнан из суда своим отцом, Эдуардом I, этот же король заставил Вильгельма де Браоза принести публичное покаяние за такой же проступок и наложил крупный штраф на эрла Джона Уоренна, чьи слуги нанесли смертельные раны Алану ла Зуш во время судебного разбирательства в Вестминстер-Холле по поводу тяжбы между ним и эрлом. Другим должностным лицам, которые в отличие от судей, не могли рассчитывать на прямое заступничество короля, приходилось гораздо хуже: несчастные помощники шерифов и баллифов, обязанные доставлять судебные предписания вспыльчивым лордам, нередко подвергались нападению и порой их заставляли проглотить привезённые бумаги.

И всё же у нас есть основания говорить о том, что, на фоне царившего в средневековой Англии произвола, власти пытались воспрепятствовать нарушению закона и старались покарать виновных. Важной особенностью отправления правосудия был принцип круговой поруки. Одно дело — человек, владеющий землей или каким-либо имуществом, которые можно конфисковать, если он нарушит закон или убежит из-под стражи: в таком случае собственность служит как бы залогом его законопослушного поведения; однако основная масса крестьян — вилланы — лишь обрабатывали землю, принадлежавшую их лордам. С теми, кто состоял в услужении у знатных господ, дело обстояло достаточно просто: ответственность за их поведение возлагалась на хозяина, который отвечал и за поимку его слуг, виновных в каком-либо преступлении. Все

прочие были поделены на группы, которые номинально включали в себя десять хозяйств и потому назывались десятками (tithings), во главе каждой десятки стоял десяцкий (tithing-man) или староста (head-borough). Когда один из членов десятки совершал преступление, остальным надлежало задержать его и, когда потребуется, доставить в суд; и если они не смогли этого сделать, то обязаны были заплатить штраф. Каждый виллан, не служивший в хозяйстве лорда, по достижении двенадцати лет обязательно зачислялся в одну из десятков, при этом он должен был, преклонив колена, поклясться на Евангелии такими словами: «Знайте же, господин управляющий, что сам я не стану вором и не буду товарищем вору; я не стану укрывать ни краденое, ни вора, но поведаю обо всём тому, кому следует; я буду хранить верность королю Англии и пуще всего своему господину и обязуюсь слушаться приказов его бальифов». Затем, поцеловав Евангелие, новый член десятки платил один пенни, и считалось, что с этого момента он должен повиноваться десяцкому. Дважды в год собирался суд, следивший за исполнением обязательств членами «десятки». Этот суд носил название «собрание добровольной поруки»*. Первоначально он находился в ведении «сотенного суда», но с течением времени был во многих случаях закреплён за манориальным судом. «Собрание залога искренности» интересовалось не только составом «десяток», оно

---

* На саксонском языке «десятки» иначе назывались «frith-borth», что означало «клятва мира» («peace-pledge»); норманны заимствовали слово «frith» в значении «свободный, добровольный» (английское «free») и перевели саксонское выражение как «добровольная порука» («frank-pledge»).

занималось также насильственными преступлениями (такими, как убийство и кровопролитие), подозрительным поведением некоторых людей (например, если кто-то щеголяет богатыми нарядами, но не занимается торговлей и не имеет иного известного источника дохода), рассматривало случаи нарушения пивоваренных и хлебопекарных стандартов, использования неверных мер и весов, завышения цен на товары, а также различные проступки против обычаев манора. Этот суд разбирал все незначительные правонарушения, однако серьёзные преступления, как правило, должны были выноситься на заседание «ассизы», то есть выездной сессии королевских судей, которые разъезжали по стране и рассматривали дела такого рода.

Тяжкое (уголовное) преступление — это серьёзное нарушение закона, за которое преступнику предстояло поплатиться своими землями и своим имуществом, а также расстаться с жизнью либо, по меньшей мере, потерять руку или ногу. Самым тяжким из всех преступлений считалась измена. Под «государственной изменой» (high treason) первоначально подразумевалась попытка убить короля или свергнуть его с престола, впоследствии это понятие приобрело более широкое значение и стало применяться к любому умыслу, направленному против монарха, даже если этот умысел не был воплощён в жизнь; наконец, при Генрихе VIII понятие государственной измены распространилось даже на высказывания, устные или письменные, в которых можно было усмотреть намерение убить или низложить короля. Наказание за такое преступление было весьма суровым: сначала преступника привязывали за руки и за ноги к хвосту лошади и в таком виде

волочили по улицам, обычно на подстилке, чтобы он не умер до того, как взойдёт на эшафот; там осуждённого вздёргивали на виселицу, затем у полумёртвого вырезали сердце и сжигали, а тело четвертовали, то есть рассекали на части; головы казнённых преступников выставляли на всеобщее обозрение (головы изменников служили обычным украшением въездной башни Лондонского моста), а если злоумышленник был известным человеком, то остальные части тела нередко рассылали по городам, чтобы они были выставлены там в назидание прочим.

«Мелкой изменой» (*petty treason*) считалось убийство хозяина слугой или мужа женой; наказание было таким же, как за государственную измену — за исключением четвертования. Богохульство, ересь и колдовство являлись своего рода изменой Господу, и потому должны были караться смертью, однако такие преступления в Англии были настолько редкими, что мы не знаем, какой именно исход получали подобные дела в судебской практике до XV века; с распространением еретического учения лоллардов был заимствован и законодательно закреплён принятый в других европейских странах обычай сжигать еретиков на костре.

Убийство людей со временем стали подразделять на убийство по намерению (*murder*) и убийство по случайности (*menslaughter*): первый термин относился к тем случаям, когда жертву действительно хотели убить, не важно, было ли убийство непредумышленным или же совершилось «по злему предумышлению», тогда как второй термин означал: либо убийство по неосторожности, когда виновный намеревался нанести жертве телесные повреждения, но не стремился убить её;

либо убийство, которого нельзя было избежать, хоть и совершено оно было против воли, либо убийство в целях самозащиты. Примитивные законы принимали в расчёт только результат и не интересовались намерениями виновного; с формальной точки зрения все убийцы считались одинаковыми, однако на практике приходилось смягчать наказание или отменять его для тех, в чьих действиях явно не было дурного умысла; но даже в том случае, если человек совершил убийство, спасая свою жизнь, он должен был, чтобы вернуть себе свободу, получить помилование от короля. Во времена саксов любое убийство можно было искупить, заплатив штраф. Этот обычай сложился, вне всякого сомнения, в силу того, что основным занятием саксов была война: убийство людей было частым явлением, и карательные меры по отношению к виновным серьёзно ослабили бы военную силу племени. Каждый человек имел свою определённую цену, свою «виру»; жизнь обычного свободного общинника оценивалась в 200 шиллингов, жизнь тана — в 1 200 шиллингов, жизнь королевских танов, эрлов и прочих высокородных особ ценилась соответственно выше; эту «виру» убийца обязан был уплатить родственникам своей жертвы, в противном случае им предоставлялась свобода воспользоваться правом кровной мести и отправить убийцу на тот свет. Сверх того, человек, совершивший убийство по намерению, обязан был также заплатить штраф в королевскую казну, но тот, кто совершил убийство по случайности, по-видимому, не должен был этого делать. У нормандцев убийцу ожидала смертная казнь, но при этом, если убитый оказывался нормандцем, вся община — сотня — должна

была заплатить в королевскую казну огромный штраф; и убитый считался нормандцем во всех случаях, когда сотня не могла убедительно доказать его «английское» происхождение перед коронёром — местным представителем королевской власти, главной обязанностью которого было проводить дознание по делам о лицах, найденных убитыми. Здесь вновь нужно вспомнить о принципе коллективной ответственности, поскольку расследование должно было производиться представителями четырёх сельских или городских поселений, расположенных ближе всего к тому месту, где был найден убитый. Эти люди обязаны были докладывать о причинах смерти и о наличии подозреваемых, если таковые были; в частности о том, есть ли основания подозревать в убийстве того человека, который первым обнаружил труп. Довольно занятно читать, например, заявление присяжных, в котором причиной смерти некоего мужчины называется удар молнии и далее совершенно серьёзно говорится, что супруга покойного, обнаружившая его тело, не подозревается в совершении этого злодеяния.

Чаще всего причинами «смерти от несчастного случая» были какое-либо животное или неодушевлённая вещь: например, если ребёнок утонул, потому что его столкнула в воду свинья, или если человек смертельно поранился, напоровшись на косу. В большинстве европейских стран не было принято подвергать провинившееся животное судебному преследованию и приговаривать его к смертной казни, но в Англии нередко поступали именно так. Более того, наши предки были убеждены, будто те животные или вещи, которые стали причиной смерти, до некоторой степени повинны

в ней, поэтому они подлежали конфискации в качестве «деоданда» (букв. «то, что надлежит отдать Господу»), а вырученная сумма шла на богоугодные дела во благо душе покойного; если умерший человек был беден, «деоданд» зачастую вручался его вдове или близким родственникам. С животными и неодушевлёнными предметами поступали по справедливости: они признавались виновными только в том случае, если с их стороны имело место некое подобие действия; посему, если некто напился до такого состояния, что упал с лошади, которая стояла смирно, или вывалился из лодки, хотя та недвижно покоилась на воде, то считалось, что он сам повинен в своей смерти. Однако если лошадь или лодка шелохнулись под несчастным, то они обвинялись в его смерти и превращались в «деоданд». По этой логике, если человек умер, упав с телеги, то конфискации подлежала не только телега, но и впряжённые в неё лошади, а вот вопрос о том, должны ли подвергнуться той же участи находившиеся в телеге товары, был поводом для жарких споров между средневековыми законниками.

Помимо убийства по намерению к разряду уголовных преступлений относились поджог, кража со взломом и кража имущества на сумму более одного шиллинга. Наказание за крупную кражу могло быть различным, но если вора ловили на месте преступления, то почти всегда тут же и убивали. Прочие воры в саксонские времена могли откупиться, заплатив сумму, вдвое-втрое превышающую стоимость похищенного; при нормандцах вору пришлось бы поплатиться ногой, рукой или даже и ногой и рукой; а начиная с XIII века воровство каралось смертью.

В Средние века судебное разбирательство проходило совсем иначе, чем мы привыкли видеть сегодня. Одним из способов доказать свою непричастность к делу было так называемое очищение: для этого обвиняемому нужно было привести в суд несколько человек, занимающих уважаемое положение в обществе (в зависимости от тяжести обвинения их могло потребоваться шесть, двенадцать или двадцать четыре человека), и они должны были поклясться, что убеждены в невинности подсудимого. В этом случае приговор зависел, так сказать, от людского суда, однако можно было решить дело и при помощи Божьего суда — ордалий. Ордалии известны у многих народов, стоявших на низкой ступени цивилизации, в частности этот обычай упоминается в Ветхом Завете в связи с законами древних евреев. В Англии существовало четыре основных вида ордалий: испытание железом, испытание кипящей водой, испытание холодной водой и поединок. Испытание железом состояло в том, что обвиняемый должен был сделать три шага, держа в руках раскалённый под чтение соответствующих молитв кусок железа весом в один фунт, затем его руки забинтовывали и через три дня осматривали: если раны затягивались бесследно, то человек признавался невинным, но если на руках оставались рубцы, то вина обвиняемого считалась доказанной и он должен был понести наказание за своё преступление. К испытанию кипящей водой, по-видимому, прибегали не слишком часто, так как по сути своей оно очень напоминало испытание железом, — с той лишь разницей, что обвиняемый должен был достать камень из котла с кипятком. При испытании холодной водой подсудимого раздевали,

связывали и бросали, например, в пруд, над которым священник предварительно произносил молитву, чтобы вода приняла невинного и отторгла виновного; если человек тонул, его вытаскивали на берег и отпускали с миром, но если он держался на поверхности, его виновность не подлежала ни малейшему сомнению (этот вид ордалий в качестве испытания для подозреваемых в колдовстве сохранял своё значение вплоть до XVII века и неофициально применялся даже в XIX веке). Была ещё одна крайне редкая разновидность ордалий: испытание заключалось в том, что обвиняемый должен был набрать полный рот освящённого хлеба, который, если человек виновен, непременно встанет у него поперёк горла. Лучшим примером, свидетельствующим о существовании такого вида ордалий, является история о том, как эрл Годвин, обвинённый в измене, воскликнул: «Если я виновен, то пусть этот кусок хлеба станет для меня последним!» И едва лишь он произнес последнее слово, как тотчас же подавился и умер. Впрочем, правдивость этой истории вызывает определенные сомнения.

До эпохи короля Иоанна Безземельного* все описанные выше ордалии играли важную роль, но к середине XII века люди начали сомневаться в том, насколько результат испытаний соответствует истине и может служить целям правосудия. Генрих II повелел изгонять человека, известного своим дурным нравом, даже если тот прошёл испытание Божьим судом; и когда в 1215 г. папа запретил ордалии, его требованию с готовностью

---

* Иоанн Безземельный — английский король в 1199–1216 гг. (Примеч. ред.)

подчинились; вскоре ордалии полностью исчезли из практики гражданских судов. Одним из главных недостатков испытаний такого рода был их односторонний характер: обвинитель ровно ничем не рисковал. Иное дело — поединок, и эта форма ордалий практиковалась ещё в следующем столетии. Когда один человек обвинял другого в измене, они выходили на бой с непокрытой головой и обнажёнными ногами, вооружение каждого состояло из палки с железным рогом на конце, по виду напоминавшей небольшую кирку, и прямоугольного щита. Перед началом поединка противники должны были поклясться в том, что они не пили никакого зелья и не прибегали к колдовским чарам с целью воспрепятствовать осуществлению правосудия. Если обвиняемому удавалось победить или хотя бы продержаться до наступления темноты, его оправдывали, а обвинителя препровождали в тюрьму, но если обвиняемый был покалечен или признавал своё поражение и просил пощады, его ожидала виселица. Ордалии посредством поединка служили также для разрешения споров о правах на землю; в подобных случаях противники не выходили на ристалище самолично, за них надлежало скрестить оружие их представителям, так называемым защитникам. Теоретически в роли защитников должны были выступать вассалы заинтересованных сторон, однако на практике для этой цели обычно нанимали профессиональных защитников, услуги которых стоили очень дорого. К примеру, в 1294 г. декан и церковный капитул Саутвелла судились с Ральфом де Фричвилем из-за протектората над церковью, исход тяжбы должен был определить поединок, и тогда ими был нанят Рожер де Мотон, защитник.

Условия оплаты были таковы: как только суд принимал дело к рассмотрению, защитнику должны были заплатить 40 шиллингов, далее шла предоплата — по 1 шиллингу за каждый день до даты поединка, а в день поединка защитник сразу получал на руки 16 фунтов; если защитник наносил «королевский удар» — всего лишь один удар, которого было достаточно для того, чтобы суд засчитал ему победу и далее дело можно было решить по взаимному соглашению, то защитнику ничего более не полагалось, но если ему приходилось понастоящему сражаться, то он получал ещё 16 фунтов. С учётом других выплат, включая расходы на то, чтобы нанять мастера (тренера), вознаграждение Роджера де Мотона составило колоссальную сумму — 48 фунтов стерлингов (то есть 750 фунтов стерлингов на современные деньги). Судебные поединки постепенно вышли из употребления после того, как в эпоху Генриха II в качестве альтернативной формы судебного разбирательства был введён суд присяжных. Правда, по недосмотру, этот вид ордалий так и не был законодательно отменён по отношению к уголовным преступлениям, данное упущение было исправлено лишь в 1819 г., когда обвиняемый стал настаивать на своём праве защититься посредством поединка.

Средневековый суд присяжных существенно отличался от современного. В наши дни присяжные — это люди, которые не должны быть лично осведомлены в обстоятельствах рассматриваемого дела, они выслушивают показания, перекрёстный допрос свидетелей, речи обвинителя и адвоката и заключительную речь судьи, а затем выносят вердикт, который должен быть единогласным. В Средние века присяжные выбирались

именно на том основании, что они хорошо знакомы с обстоятельствами дела, хотя человек, о котором было заведомо известно, что он является близким другом или, напротив, заклятым врагом обвиняемого, вполне мог получить отвод. Значение суда присяжных заключалось в том, что он выражал общественное мнение: когда человек обращался к суду присяжных, это называлось «предстать перед миром»; иначе говоря, он целиком полагался на суждение своих сограждан в лице этих двенадцати почтенных людей. В Средние века мы не слышали бы искусных адвокатских речей: истец (или его поверенный) излагал дело со всеми подробностями, ответчик сам отрицал свою вину, и затем, как правило, присяжные выносили решение, исходя из того, что было известно им самим о предмете спора. Случалось, что ответчик выдвигал собственную версию и излагал свой взгляд на суть дела, иногда в суд вызывали свидетелей, но они давали показания без проведения перекрёстного допроса.

В случае уголовного преступления присяжные играли иную роль: им приходилось решать вопрос о передаче обвиняемого суду, и в этом их функции до некоторой степени напоминают функции «большого жюри» наших дней, которое в начале судебного процесса должно установить, имеются ли достаточные основания для привлечения обвиняемого к суду. Присяжными такого рода были представители вилл и сотен, они же составляли список лиц, подозреваемых в тяжких преступлениях. Этот список передавался судьям выездного королевского суда, которые отдавали распоряжение о взятии под стражу всех поименованных в нём лиц. Затем обвиняемых допрашивал суд присяжных

их родного округа, причём суд вполне мог состоять из тех самых людей, которые в качестве присяжных вынесли решение о необходимости данного судебного преследования, однако это вовсе не означало, что подсудимый заведомо будет осуждён, потому что, хотя присяжные обязаны были указать на кого-либо как на подозреваемого (под угрозой штрафа за сокрытие сведений), сами они вполне могли считать этого человека невиновным.

Уголовные преступления, как мы уже говорили, карались смертной казнью через повешение, однако в некоторых городах были свои обычаи: в городах «Пяти портов» и в ряде других бургов преступников топили: чаще всего их сбрасывали с крутого обрыва в море, а в Сайлисе привязывали во время отлива к скале, которая с наступлением прилива скрывалась под водой. Иногда вместо смертной казни преступнику отрубали руку или ногу, ослепляли его или увечили иным способом. Незначительные увечья служили также наказанием за мелкое воровство, то есть за кражу на сумму менее 1 шиллинга; чаще всего виновному отрезали ухо, иногда вора прибавали за ухо к позорному столбу, и он должен был сам отрезать его, чтобы освободиться, а рудокопы, добывавшие свинец в Мендипсе, прибавали вора за руку к основанию лебёдки, находившейся у спуска в шахту, и он, как мог, пытался высвободиться. Увечье было не только наказанием преступнику — оно служило предостережением для других людей, предупреждая их о том, что они имеют дело с человеком дурного нрава, и, как следствие, человек, потерявший ногу или руку в сражении либо по причине несчастного случая, старался обзавестись

документом, подтверждающим этот факт: к примеру, Эдуард I, как мы знаем, должен был подтвердить, что часть левого уха Джона де Рогтона была оторвана лошадиным копытом, а Роберту де Ганторпу правое ухо откусила свинья, когда тот был ещё в колыбели.

Распространённым видом наказания было тюремное заключение, сопряжённое со многими лишениями, потому что даже на фоне относительного отсутствия комфорта в обычной жизни средневекового человека тюрьмы того времени часто представляли собой крайне отвратительное место. В 1315 г. один купец из Линна жаловался на то, что его незаконно держали в заключении в Висбечской тюрьме, где «его до такой степени искушали жабы и прочие ядовитые паразиты, что он отчаялся в жизни», и хотя мы можем позволить себе усомниться в свирепом характере жаб, другие источники свидетельствуют о том, что они, действительно, во множестве водились в тюрьмах, где, кроме того, кишели паразиты, где вечно царил мрак, где не переводилась сырость и отсутствовал свежий воздух. Если у заключённого имелись деньги или были богатые друзья, он мог рассчитывать на некоторое послабление со стороны тюремщика и уж, во всяком случае, на то, что ему будут приносить пищу, но участь бедняков полностью зависела от подаяний благотворителей. В больших тюрьмах одному-двум заключённым позволялось покидать темницу и просить милостыню — пищу и деньги — для своих братьев; и, к счастью, помощь заключённым входила в «семь заповедей милосердия», исполнения которых Церковь требовала от всех верующих; но те несчастные, кто не мог или не хотел платить тюремным смотрителям, были обречены

на невероятные страдания. пытки, которые могли служить как средством наказания, так и способом добиться признания вины, в средневековой Англии никогда не были частью юридической системы. Ближайшим аналогом их был обычай подвергать «страданиям сильным и продолжительным» тех, кто отказывался предстать перед судом. Дело в том, что по средневековым законам обвиняемого можно было подвергнуть суду присяжных только с его собственного согласия, он должен был сам «предстать перед миром» (и известен случай, когда глухонемой, обвиняемый в убийстве, был прощён по той причине, что не мог этого сделать); если человек отказывался «предстать перед миром», его нельзя было судить, но зато судьи имели возможность держать его в тюрьме и сделать его жизнь невыносимой. Когда в 1293 г. в Норфолке были убиты несколько датских моряков, судьи повесили тринадцать человек, имевших отношение к этому преступлению, но один из обвиняемых не дал согласия на то, чтобы его судили, и приговор по его делу, как обычно в подобных случаях, гласил: «В тот день, когда ему дают пищу, он не должен получать питья; хлеб, который он вкушает, должен быть наихудшего сорта, а питьём ему должна служить (в те дни, когда ему не дают хлеба) только грязная вода; он должен сидеть на голой земле, прикрыв тело одной только льняной одеждой, и должен быть закован в кандалы от кистей до локтей и от ступней до колен до тех пор, пока не согласится предстать перед судом». Примерно в то же самое время сэръ Симон Констебль, богатый отпрыск знатного йоркширского рода, скончался в тюрьме от подобных же «страданий сильных и продолжительных», не

соглашаясь предстать перед судом за убийство своей жены, но зато он умер, не будучи осуждённым, и земли его перешли к его наследникам, а не были конфискованы в пользу короля за совершённое Констеблем уголовное преступление.

Некоторые способы наказания за разного рода незначительные правонарушения сочетали в себе намерение доставить виновному неприятные ощущения и подвергнуть его всеобщему осмеянию или презрению, этой цели служили, в частности, колодки и позорный столб. Преступник, на которого надевали колодки, сидел на земле, вытянув перед собой ноги, у позорного столба преступник должен был стоять, причем его шея, а иногда и руки, были схвачены колодками; если преступление этого человека навлекло на него народный гнев, приговорённый становился беззащитной мишенью для камней и кухонных отбросов. К позорному столбу обычно приговаривали в городах, где таким образом карали торговые преступления и мошенничество: к примеру, пекари, у которых буханки были меньше положенного веса, отправлялись к позорному столбу, если были трижды уличены в недобросовестности. Женщин, виновных в подобных преступлениях, в особенности торговок элем, окунали в пруд (и чем грязнее он был, тем лучше); делали это при посредстве «позорного стула», который представлял собой сиденье, прикреплённое к одному из концов длинной доски или бревна; так же поступали и по отношению к тем женщинам, которые не по назначению использовали свои языки, предаваясь злословию, распространяя сплетни и затеывая скандалы — преступление, которое в Средние века было довольно широко

распространено, хотя это может показаться странным нашим современникам.

Есть одна аксиома юридической процедуры, которая в Средние века признавалась так же безоговорочно, как и в наши дни: сначала нужно поймать преступника, а затем уже судить его. В ту эпоху, о которой мы ведём речь, не было регулярной полиции, и поимка преступника зависела от уже упоминавшегося принципа коллективной ответственности. Поселения — «десятка», вилла или сотня — несли ответственность за то, чтобы обвиняемые из числа их членов были доставлены в суд; более того, в случае если убийство было совершено в дневное время и убийце удалось скрыться, то поселение, где произошло преступление, облагалось штрафом. Ночью каждое поселение было обязано выставить стражу из четырёх человек, которые задерживали всех подозрительных лиц — если кто-то появлялся на улице после наступления темноты, это уже само по себе настораживало. Когда преступник уходил из-под ареста и спасался бегством, поднимался оглушительный шум: трубили рога, раздавались крики, и начиналась погоня: жители округа во главе с констеблем, который отвечал за наличие луков и другого вооружения, преследовали беглеца до границы своей сотни, где они препоручали эту задачу констеблю соседней сотни, и таким образом, благодаря принципу эстафеты, преследователи могли гнаться за преступником на протяжении значительного расстояния. Когда погоня почти настигала беглеца, он незамедлительно искал убежища в ближайшей церкви. В её стенах преступник уже мог не опасаться ареста, и преследователям оставалось только выставить у церкви стражу

на тот случай, если беглец попытается ускользнуть; по истечении 40 дней с того момента, как преследуемый укрылся в церкви, её блокировали со всех сторон, чтобы преступник не мог получать пищу и поэтому вынужден был сдаться. Но, как правило, беглец посылал за коронером и в его присутствии давал торжественную клятву покинуть королевство и никогда более не возвращаться на английскую землю. Тогда коронер называл преступнику порт, куда тот незамедлительно отправлялся с деревянным крестом в руке: он должен был идти, никуда не сворачивая, по главной дороге, ведущей к порту, и сесть там на первый корабль, отплывающий из Англии; если по каким-либо причинам ни один корабль не собирался отплывать, преступник обязан был каждый день заходить по колено в воду и стоять так в знак того, что он пытается покинуть страну. Если преступник отклонялся от прямого пути, он тотчас же оказывался вне закона (это называлось «иметь волчью голову» — каждый встречный имел право убить его как волка или другого опасного зверя).

Стать убежищем могла любая церковь, однако выделялось несколько храмов, — таких, как Вестминстер, Сент-Мартинз-ле-Гранд и Беверли, — чьё право неприкосновенности распространялось также на прилегающую территорию, и со временем в окрестностях этих храмов разрослись поселения беглых преступников, которые жили там в полной безопасности и даже могли спокойно вести свои дела, если им удавалось не покидать пределы такого района. В конце XV века подобные поселения в окрестностях крупных храмов вызвали нарекания, ибо многие беглецы явно злоупотребляли предоставленной им неприкосновенностью:

«Транжиры, промотавшие своё состояние и обременённые долгами, нахально бегут к святыням, вблизи которых они становятся недостижимы для закона, туда же устремляются и богачи, прибравшие в руки добро бедняков, там эти люди устраивают себе жилище, там они проводят дни и ночи, вынуждая кредиторов тщетно бродить окрест. Жены, прихватив семейную утварь, скрываются там от своих мужей, уверяя, что не в силах жить с ними из-за побоев. Воры являются с краденым добром и тоже устраиваются жить вблизи святых мест. Там они замышляют новые преступления, каждую ночь негодяи тайно выходят на дело: разоряют дома, грабят и убивают людей, а затем опять возвращаются к своему убежищу, которое не только позволяет им избежать наказания за содеянное зло, но и даёт свободу творить новые злодеяния». Церковь оказывала защиту и покровительство всем духовным лицам. В XII веке шла ожесточённая борьба между Церковью и королём, кульминацией которой стало противостояние Генриха II и Томаса Бекета. У Церкви были свои суды, они ведали преступлениями против религии и против нравственности, и никто не оспаривал право духовенства разбирать подобные вопросы. Однако Бекет провозгласил, что право подвергать судебному преследованию служителей Церкви — то есть всех лиц, занимающих определенное место в духовной иерархии, — принадлежит исключительно самой Церкви, независимо от того, какое именно преступление совершил обвиняемый. И поскольку церковные суды не могли покарать виновного более сурово, чем приговорив его к тюремному заключению, это означало, что преступники из числа духовенства, каковых было отнюдь

не мало, несли менее суровое наказание по сравнению с мирянами. Генрих II не претендовал на право карать духовных лиц, он требовал, чтобы служители Церкви, обвиняемые в преступных деяниях, предавались церковному суду и, если они будут признаны виновными, лишались духовного сана и поступали в распоряжение королевского суда, который определял бы им наказание как мирянам. Это требование монарха Бекет категорически отверг на том основании, что при подобном подходе преступник будет дважды наказан за одно и то же преступление. В итоге был установлен следующий порядок судебного разбирательства: священнослужители так же подлежали суду, как и миряне, однако на судебном процессе обязательно присутствовал представитель епископа, который сразу же напоминал всем, что обвиняемый является духовным лицом, затем суд приступал к рассмотрению дела; если присяжные выносили оправдательный приговор, то этим всё, естественно, и заканчивалось, однако если приговор носил обвинительный характер, то подсудимого передавали в руки церковных властей и далее его судьбу надлежало решать епископу. На деле у духовного лица вполне был шанс избежать наказания, поскольку церковные суды не отличались строгостью процедуры и суровостью приговоров; к тому же епископы, как правило, не имели особого желания обременять себя расходами по содержанию заключённых. Для того чтобы воспользоваться «привилегией духовенства», обвиняемый должен был предъявить грамоту, свидетельствующую о его духовном звании, или представить другие веские доказательства своей принадлежности к данному сословию, и только в позднее Средневековье

принцип неподсудности духовенства светскому суду распространился на всех лиц, способных правильно прочесть несколько строк из Библии; и во все времена существовала немногочисленная категория преступлений — таких, как государственная измена, — по обвинению в которых всякого должен был судить королевский суд, «невзирая на привилегии духовенства».

ГЛАВА 10

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО, ТОРГОВЛЯ И ФИНАНСЫ

В плане потребности в ремесленных изделиях средневековое общество практически полностью обеспечивало себя всем необходимым. В наши дни крестьянин, живущий в Суссексе, покупает керамическую посуду, сделанную в Стаффордшире, шерстяную ткань из Йоркшира, хлопчатобумажные изделия из Ланкашира, обувь, сшитую в Нортгемптоне или в Норидже из кожи, выделанной в Бермондси, инструменты, произведённые в Шеффилде, и мясо, привезённое из Новой Зеландии. В Средние века холмистая земля Суссекса снабжала крестьянина бараниной и овечьей шерстью, которую его супруга пряла, как пряла она коноплю и лён, выращенные на крестьянском поле, а затем сама же ткала сукно; хозяин дома или кто-либо из соседей выделял кожи из шкур выращенных ими животных, используя для этого дубовую кору, которая, вполне возможно, была ободрана с деревьев, срубленных на дрова и послуживших топливом для горна, где раскалялся металл, чтобы деревенский кузнец мог выковать из него орудия труда; и если в деревне не было собственного гончара, крестьянину не было нужды отправляться за тридевять земель, когда он хотел приобрести для хозяйства горшки и кувшины из суссекской глины. Современная централизация производства

стала возможна только после того, как был изобретён паровой двигатель. Производственное оборудование стало приводиться в действие силой пара, и это позволило выпускать продукцию в объёме, намного превышавшем спрос на неё в том регионе, где она производилась, и по цене столь низкой, что производитель мог позволить себе расходы на транспортировку на большие расстояния и тем не менее продавать свой товар дешевле, чем стоили местные изделия, сделанные вручную; к тому же благодаря паровому двигателю стало проще доставлять грузы из центров мануфактурного производства в отдалённые уголки страны.

Однако не следует думать, будто в средневековой Англии не было производства, сосредоточенного в определённой местности. Грубое шерстяное сукно и льняные холсты ткали повсеместно, также повсюду дубили кожи, а деревенские кузнецы могли выковать всё, что обычно требовалось для хозяйства, и проявляли такое мастерство в своём деле, каким не могут похвастаться их нынешние преемники; но глиняную посуду нельзя было лепить там, где не было для этого глины, и железо можно было добывать лишь там, где земные недра были богаты рудой. Наличие полезных ископаемых — вот первейший фактор локализации производства, и, как следствие, именно в истории горного дела мы можем найти очень любопытные примеры ранних форм промышленной организации.

Среди полезных ископаемых, которые добывались в средневековой Англии, самыми важными были железо, свинец (обычно с примесью серебра), олово и начиная с XIII века — уголь. При этом олово было известно только в Корнуолле и Девоне, свинец — в Дербишире,

Сомерсете и Камберленде, железо добывали, в основном, к северу от Трента, а также в Глостере, Суссексе и Кенте. Уголь, который в Средние века не представлял особой ценности, был распространён довольно широко, его добывали в большинстве северных и западных графств от Сомерсета до Нортумберленда; к тому же добыча угля требовала наименьших навыков, его достаточно было просто выкопать из-под земли, тогда как металлы нужно было ещё выделить из природной руды, а для этого были необходимы специальные знания. Поэтому мы можем обойти уголь вниманием и сосредоточиться на добыче и переработке других полезных ископаемых. Начнём с того, что главной особенностью горного дела было наличие сообществ рудокопов, обладавших привилегиями, какими не обладали другие представители рабочего класса. Эти привилегии были обусловлены важным значением производимой продукции, потребностью в квалифицированном труде и неизбежной привязанностью производства к определённой местности. Если рабочий коллектив выдвигал чрезмерные требования, работодатель, как правило, мог либо заменить строптивцев другими рабочими, если от них не требовалось особого мастерства, либо перенести производство в такой регион, где рабочие были более покладистыми. Однако рудник нельзя перенести в другое место, и если на нём будут работать люди, не имеющие должного опыта, это может привести к нежелательным последствиям. Поэтому в горной отрасли рабочие пользовались исключительной властью над работодателями, и возникновение привилегированных сообществ рудокопов было отличительной особенностью Средних

веков, прежде всего в Германии, где они порой походили на государства в государстве. В истории Англии ближайший аналог этому явлению можно найти в среде рудокопов, добывавших олово, ибо этот металл встречался лишь в нескольких местах и цена на него была очень высока. Рудокопы, занятые добычей железа, не имели общей организации: месторождения железной руды разрабатывались во многих местах, а её добыча и выплавка не требовали сложных навыков; однако на королевских железных рудниках Форест-оф-Дин в Глостере существовал «Союз свободных рудокопов», который держал в своих руках весь процесс добычи. Членам этого Союза было позволено копать руду на всей территории Форест-оф-Дин за исключением церковных дворов и погостов, а также частных садов и огородов; за право пользоваться этой привилегией местные рудокопы должны были платить королю определённый налог и поставлять по твёрдой цене руду для королевских кузниц; кроме того, у «Союза свободных рудокопов» был свой собственный суд, который собирался раз в три недели для разрешения споров из-за добычи руды. У рудокопов, занятых добычей свинца, организация носила более сложный характер: в каждом из трёх основных рудоносных районов — в Дербишире, в Камберленде и на Мендипсе — имелись собственные система горняцких судов, свод законов и система наказаний. Общины рудокопов имели право проводить изыскания и столбить участки повсюду, за исключением церковных дворов, погостов, садов и магистральных дорог; они также имели право прокладывать путь к своим участкам через любые уголья, даже сквозь заколосившиеся хлеба, и право рубить лес для

нужд рудников и плавилен. В районах добычи олова организация была ещё более совершенной: свободные рудокопы помимо собственных судов имели ещё и собственные парламенты во главе со смотрителем [warden], которые не только принимали законы для оловодобывающего округа, но и могли наложить вето на любой общегосударственный закон, нарушавший привилегии местных рудокопов. Эти рудокопы освобождались от обычных налогов и воинской повинности, но должны были платить свои особые налоги и нести службу в армии (в качестве сапёров) под началом собственных командиров, так что, фактически, они составляли государство в государстве.

Хотя подобной независимостью не пользовалась ни одна другая отрасль производства, большинство из них имели постоянную внутреннюю организацию и систему самоуправления. Мы уже упоминали о гильдиях или цехах, представлявших собою нечто вроде обществ взаимопомощи, в Средние века таких объединений было немало. Вполне естественно, что люди с похожими интересами обычно присоединялись к одному и тому же сообществу или создавали особый союз, объединившись с другими представителями своего ремесла (подобно тому, как в наши дни существуют клубы, куда могут вступить только военные, только писатели или только актёры). Именно таким образом в XII веке сформировались цеха ремесленников, их становилось всё больше, и они приобретали всё большее влияние, пока не стали практически полностью контролировать всё английское производство. Средневековые цеха до некоторой степени напоминали современные профсоюзы, однако различия между

двумя видами профессиональных объединений очень велики. Профсоюз состоит исключительно из наёмных работников, его членами являются люди, которые трудятся в определённой отрасли производства и получают за это заработную плату, и профсоюз принимает во внимание только их интересы; в цех ремесленников входили и хозяева, и работники (т. е. и работодатели, и те, кто трудился по найму), так что цех учитывал интересы обеих сторон, хотя в большей степени он учитывал интересы мастеров, причём в позднем Средневековье эта тенденция заметно усилилась. Профсоюз борется за то, чтобы труд работников достойно оплачивался, но нисколько не заботится о том, чтобы они хорошо выполняли свою работу; средневековый цех заботился о престиже ремесла не меньше, чем о материальном положении работников, и старался поддерживать качество продукции на высоком уровне. Современные профсоюзы объединяют рабочих всей Англии, занятых в определённой отрасли промышленности, в Средние века деятельность цехов ограничивалась пределами одного города и в разных местах могли действовать совершенно различные правила относительно одного и того же ремесла.

Обычно среди членов цеха были мастера, подмастерья и наёмные работники. Мастер — это независимый ремесленник, у которого должна быть собственная мастерская, но может и не быть наёмных работников; быть мастером, хозяином дела в Средние века означало владеть своим ремеслом, а не зависимыми людьми; и даже если мастер нанимал себе помощников, он, как правило, продолжал трудиться вместе с ними. Только в XV веке получил распространение тип работодателя

капиталистического толка — человека, который закупает сырьё и оплачивает труд наёмных работников, который порой вкладывает в дело свой ум, но руки его уже не касаются производимой продукции. Прежде чем стать мастером и обзавестись собственным делом, ремесленник должен был продемонстрировать официальным представителям цеха знание ремесла, и, как правило, они должны были удостовериться в том, что претендент на звание мастера не менее 7 лет овладевал профессией в качестве подмастерья. Подмастерьями, как можно догадаться, были мальчики или юноши, обучавшиеся ремеслу под руководством мастера. Они занимали низшее положение в цеховой иерархии и не имели почти никаких прав или привилегий, однако цех пёкся об их нравственности и заботился об их интересах: цех следил, с одной стороны, за тем, чтобы подмастерья не играли в азартные игры и не слонялись без дела, а с другой — за тем, чтобы мастера действительно обучали подмастерьев своему ремеслу, честно сообщали им все необходимые знания, чтобы они не обращались с учениками чрезмерно жестоко и не били их без причины. Если по окончании 7-летнего срока обучения подмастерье намеревался стать мастером, он должен был внести вступительный взнос, сумма которого могла быть иногда очень значительной; подмастерье, у которого не было средств на выплату этого взноса и на последующее обустройство собственной мастерской, становился наёмным работником. В XV веке количество наёмных работников в некоторых отраслях производства было настолько большим, что они начали объединяться в собственные обособленные цеха, чему представители старых

цехов всеми силами старались воспрепятствовать. Рост численности наёмных работников был вызван отчасти тем, что городская жизнь стала более привлекательной и многие из тех, кто в прежние времена предпочёл бы жить на земле, стали ремесленниками; другими причинами были существенное увеличение суммы вступительного взноса за право называться мастером и разорение множества мелких мастеров, которых теснил нарождавшийся класс капиталистов и которые принуждены были пополнять ряды ремесленников, работавших по найму. Поначалу цеха относились к деятельности капиталистов предпринимателей крайне неблагоприятно, и нередко появлялись цеховые постановления, запрещавшие работодателям держать больше определённого, весьма ограниченного, количества подмастерьев и наёмных работников. Ту же цель преследовал и «Статут о рабочих и слугах», который должен был воспрепятствовать богачам переманивать к себе наёмных работников. Статут был принят после страшной эпидемии чумы 1349 г., которая унесла столько жизней, что выжившие мастеровые получили возможность запрашивать за свой труд гораздо более высокую плату, чем они обычно получали в прежние времена; согласно статуту они не должны были получать плату, превышавшую ту, которая полагалась им до эпидемии «Чёрной смерти»; карая одновременно и работодателя и работника, получавшего завышенную плату, закон пытался встать на пути у богатых предпринимателей и помешать им скупить весь имевшийся в наличии наёмный труд. Однако, несмотря на требования статута, заработная плата так и не снизилась до прежнего уровня, и ни государственные

законы, ни цеховые постановления не смогли остановить развития капитализма.

Той областью производства, в которой класс капиталистов впервые громко заявил о себе, было сукноделие. К концу XIV века в Эссексе и Сомерсете уже были солидные предприниматели, а начало XVI века отмечено успехами крупных производителей сукна, таких как Джон Уинчкомб («Джек из Ньюбери», который, как гласила народная молва, привёл на поле битвы при Флоддене целый отряд, составленный из его собственных работников) и Стамп из Мальмсбери. Предприятия этих сукноделов были организованы по фабричному принципу: все работники трудились под одной крышей. Прежде хозяева раздавали работу ткачам, которые выполняли заказ у себя дома, и даже существовали специальные постановления, запрещавшие кому бы то ни было иметь более одного ткацкого станка. Фабричная система позволила увеличить производительность труда и объём выпускаемой продукции, однако её главным недостатком было ограничение свободы работника, ибо они утратили прежнюю независимость. Оглядываясь назад, можно сказать, что это был первый шаг на пути постепенной девальвации наёмного труда, в результате чего работник превратился из ремесленника в «hands» (букв. «руки», но также «наёмный работник») — к началу XIX века он стал всего лишь орудием для производства товаров. О таких отдалённых последствиях в Средние века, конечно же, никто не задумывался; к тому же они вполне могли показаться незначительными по сравнению с такими преимуществами, как расширение торговли и преумножение богатства. Однако мелкие производители

понимали, какую угрозу представляет для них фабричное производство, и потому цеха старались сохранить в большинстве городов определённое равенство и принимали постановления, ограничивающие деятельность наиболее ретивых предпринимателей. Это привело только к тому, что производство переместилось из городов, где власть принадлежала гильдиям и цехам, в сельскую местность; как результат, в XVI веке многие города пришли в состояние крайней бедности из-за упадка традиционных ремёсел. Для того чтобы исправить ситуацию, были приняты законы, разрешавшие заниматься производством различных товаров только в бургах и торговых городах. Впрочем, история борьбы между старорежимными цехами и предпринимателями нового, капиталистического типа уже не относится к периоду Средних веков.

Мы уже говорили о том, что цехи заботились о высоком качестве ремесленных изделий и таким образом способствовали соблюдению общественных интересов. Заказчик, не удовлетворённый тем, как была выполнена работа, — допустим, тем, как портной сшил платье, — мог обратиться в суд гильдии портных, и в некоторых случаях (например, если один из членов цеха подрядился выполнить работу и не справился с нею или не закончил к сроку) другие ремесленники цеха обязаны были выполнить заказ вместо товарища. Цехи и гильдии, с одной стороны, рассматривали жалобы, а с другой стороны, старались предотвратить их и с этой целью назначали должностных лиц, обязанных проверять работу своих товарищей. Самый яркий пример подобной системы, и к тому же единственный, сохранившийся до наших дней, являет

собою Лондонская гильдия золотых дел мастеров. Она пользовалась привилегией следить за качеством работы золотых и серебряных дел мастеров по всей Англии (случаи, когда влияние гильдии или цеха распространялось за пределы одного города, вообще были крайне редкими), и по сей день на изделиях из золота и серебра в подтверждение чистоты пробы ставится клеймо в виде головы геральдического льва — таков был символ Гильдии золотых дел мастеров. Бывало так, что одно и то же изделие подлежало проверке со стороны нескольких цехов или гильдий. К примеру, лезвие инкрустированного серебром ножа в кожаных ножнах должны были осмотреть проверяющие Гильдии ножовщиков, а серебряную отделку — проверяющие Гильдии золотых дел мастеров; кожа, прежде чем из неё сшили ножны, должна была пройти через Гильдию кожевников или торговцев кожей кожаным товаром; если ножны висели на ремне, то к делу имела отношение ещё и Гильдия производителей поясов, а если ремень застёгивался на бронзовую пряжку, то было что сказать и Гильдии литейщиков. Так что покупатель, решивший приобрести этот нож и относящиеся к нему аксессуары, мог быть твёрдо уверен в том, что получит хорошую вещь, и, чтобы он не был обманут внешним видом товара, цеховые правила запрещали серебрить и золотить бронзовые детали. Принимались и другие меры против недобросовестных торговцев: например, все лавки должны были выходить на людные улицы, и запрещалось торговать после наступления темноты, когда в тусклом свете нечестный продавец мог подсунуть неосторожному покупателю негодный товар. И кроме того, чтобы было ясно, кому именно надлежит

отвечать за некачественную работу, большинство изделий должны были иметь клеймо сделавшего их ремесленника.

Нужно признать, что все эти меры предосторожности были совершенно обоснованными, поскольку торговое дело в Средние века было весьма далеким от высоких нравственных принципов, и если была хоть малейшая возможность обойти цеховые постановления и заработать нечестный пенни, всегда находилось немало ремесленников, готовых пойти на это. Должностные лица постоянно изымали неверные весы и меры; портные растягивали ткани, и сделанные из них вещи после намокания давали такую усадку, что носить их было уже нельзя, те же портные мастерски складывали товар, пряча его дефекты; хозяйственную утварь делали из такого плохого металла, что стоило поставить котелок на огонь, как он начинал плавиться; и всё, что можно было подделать, — подделывали. Ошибочно думать, будто средневековые торговцы были честными и безгрешными в отличие от своих потомков, испорченных духом наживы, свойственным нашей эпохе. В XIII веке великий проповедник Бертольд Регенсбургский, кого мы не раз уже цитировали в этой книге, говорил: «О вы, те, кто работает с тканями, будь то шелка, шерсть или меха, те, кто делает обувь, перчатки и пояса; люди никак не могут обойтись без вас; люди нуждаются в одежде, поэтому вы должны служить людям, добросовестно выполняя свою работу: не красть половину материи и не прибегать к иному обману, как, например, примешивая к шерсти волосы или растягивая ткань, чтобы отрез казался длиннее, и вот человек думает, будто купил хороший

материал, но ты растянул ткань, чтобы кусок выглядел длиннее, чем есть, и тем самым превратил добротную ткань в негодный хлам. В наши дни из-за тебя, обманщика, никто не может найти хорошего головного убора: во время дождя вода будет течь сквозь поля шляпы и литься за пазуху. Повсюду обман — в торговле и обувью, и мехами, и шкурами; старую шкуру продают за новую; и того, на какое великое множество обманов ты способен, никто не знает лучше тебя самого и твоего повелителя — дьявола... Ты, торговец, должен верить Господу, что Он пошлёт тебе пропитание, если ты будешь зарабатывать честным путём, ибо так обещал Он тебе своими божественными устами. Ты же клянёшься во всеуслышание, расхваливая свои товары и превознося ту пользу, которую приобретёт купивший их; и по десять, и по тридцать раз поминаешь ты всуе святые имена — имя Господа нашего со святыми Его, — ибо весь твой товар не стоит и пяти шиллингов! И то, что стоит пять шиллингов, ты продашь, пожалуй, на шесть пенсов дороже, чем если бы ты не выкрикал богохульно имя Господне. Воистину, вы сами лучше чем кто бы то ни было знаете, сколько лжи и обмана в вашей торговле!»

В одном наши предки, несомненно, были мудрее нас: они считали, что торговля существует для пользы людей, а не люди — для пользы торговли. Торговцы удовлетворяли нужды общества и имели право получать разумную прибыль, но никто не мог позволить себе наживаться за счет своих соседей. В наши дни идеальный торговец — это зачастую человек, умеющий купить товар по самой низкой цене, а затем продать его как можно дороже, и если такому торговцу удастся

скупить весь товар и заломить за него высочайшую цену, это будет осуществлением его самых честолюбивых мечтаний; человек, приблизившийся к подобному идеалу, вызывает всеобщее восхищение и преуспевает в жизни. В Средние века торговец мог рисовать себе такой же идеал, однако стоило ему попытаться воплотить этот идеал на практике, как он наталкивался на всеобщее осуждение и рисковал, оказавшись у позорного столба, не только услышать всю правду-матку, но и претерпеть весьма болезненные изъятия народного гнева. В уме средневекового человека никак не укладывалось, почему кому-то может быть позволено оптом купить товар задёшево и затем, не вложив никакого труда, распродать его в розницу по гораздо более высокой цене. Принимались строгие меры против всех видов скупщиков: и против тех, кто с целью повышения цен перехватывал товары до того, как они появлялись на рынке в свободной продаже, и против тех, кто закупал товары с целью перепродать их по более высокой цене, то есть поступал так, как поступают все нынешние владельцы магазинов.

В Средние века связь между производством и торговлей была теснее, чем в наши дни, и путь товара от момента его изготовления до момента продажи был значительно короче. В общих чертах можно сказать, что ремесленник, сделав какую-то вещь, сам продавал её в своей собственной лавке. Хотя нельзя сказать, что всякий человек, торгующий какими-либо вещами, непременно сам произвёл все их, потому что была особая категория товаров — таких, как лекарства, специи или шелка, которые привозились издалека. Но даже если купец торговал заморским товаром, он должен

был продавать его непосредственно потребителям. Средние века не знали «предприятий оптовой торговли», поставляющих товары только в магазины, как не знали и наших «универмагов», где можно приобрести всё что угодно — от шпильки до пианино. Средневековый ремесленник занимался только своим делом и торговал исключительно изделиями своего ремесла: башмачник, делавший новую обувь, не брался за починку старой, а сапожник, занимавшийся ремонтом поношенных ботинок, не шил новых; точно так же ткач не красил свои ткани, а красильщик не ткал сукно для окрашивания. Лавка ремесленника размещалась в нижнем этаже дома, это была комната с одним незастеклённым окном, которое закрывалось ставнем, и когда ставень опускали, он превращался в полку; в помещении могли быть стол или прилавок, а также полки и крюки для того, чтобы расставлять и развешивать товары.

Наряду с постоянно торговавшими лавками были ещё и рыночные ряды, где продавались, в основном, товары, привозимые из соседних мест. В больших городах обычно было по несколько рынков или торговых рядов, предназначавшихся для торговли определённым товаром, например рыбные ряды, зерновые ряды, суконные ряды и одежные ряды (последние по-английски назывались «duddery», что буквально означает «торговля тряпьем»). Некоторые товары, особенно такие как яблоки или рыба, продавались по всему городу на лотках уличных торговцев или вразнос. На дорогах Англии можно было повстречать также корабейников с их вьючными лошадками, гружёнными всякой разной мелочёвкой: тут были и ленты, и ножи,

и зеркала, и кошельки, и платки да шарфы, и булавки, и пряжки, и всевозможные безделушки. И подобно тому, как скромные коробейники развозили городские товары по манорам да фермам, богатые купцы везли в города заморские товары из далёких земель.

По-видимому, задолго до того, как римляне ступили на землю Британии, финикийцы уже вели торговлю с населением Корнуолла ради местного олова, хотя мы и не знаем, какие именно товары они привозили в обмен на этот металл. В первые века нашей эры из Британии вывозили в Европу зерно и, возможно, расплачивались за него орудиями труда из бронзы и тканями более высокого качества, чем местные. При саксах заморская торговля продолжалась, но она не отличалась большим размахом; мощным стимулом к развитию торговли с другими странами послужило завоевание Англии норманнами: когда земли по обе стороны Ла-Манша оказались под властью одного правителя, а норманнские купцы начали селиться в Лондоне и в иных английских торговых городах, обмен товарами между Англией и другими европейскими странами, естественно, стал более интенсивным. Крестовые походы, в ходе которых европейцы познакомились с роскошной жизнью богатых средиземноморских стран, привели к появлению новых идей и новых возможностей для развития торговли. На галерах могущественных торговых республик — Генуи и Венеции — в Англию прибывали шелка из Багдада и Дамаска, фрукты и вина из Леванта, пряности из Александрии, за всё это Англия расплачивалась сукном и шерстью. Великолепные пастбища, которыми благодаря влажному, умеренному климату располагала

Англия, стали для неё практически неиссякаемым источником богатства, английская шерсть и английская кожа высоко ценились во всех странах, и в обмен на них стекались к английским берегам товары со всех концов света. В XIV веке английские купцы всё больше и больше богатели, а вместе с богатством росло и их влияние. В конце этого века Майкл де ла Пол, сын крупного купца из Гулля, получил титул эрла Суффолка, тем самым было положено начало английской традиции возводить купцов в дворянское звание. В то время деньги стали водиться в изобилии, и многие, у кого были свободные средства, особенно богатое духовенство, доверяли их купцам, чтобы те вложили эти деньги в торговлю. Первоначально купцы, к которым обращалась с подобными целями, были, как правило, итальянцами — членами прославленных семейств финансистов, банкиров и торговцев из Флоренции, Лукки и Генуи.

Иностранцы сыграли немалую роль в истории английского финансового дела. Из-за того, что Церковь видела в деятельности ростовщиков, ссужавших деньги под проценты, тяжкий грех, монополия на этот вид занятий принадлежала представителям еврейской диаспоры: их души и так уже безвозвратно погибли, раз они родились евреями, и Церковь не возражала, чтобы этот народ предавался греху, который был так полезен для христиан, часто испытывавших нужду в наличных средствах. Евреи всегда отличались незаурядным талантом к приобретению богатства и умением обращаться с ним, и, несмотря на преследования, им удалось сосредоточить в своих руках большую часть оборотного капитала — реальных денег, имевшихся

в стране. Евреи появились в Англии при Вильгельме Завоевателе, и на протяжении последующих двух столетий они находились под непосредственным покровительством королевской власти, ибо хотя к представителям этой нации питали отвращение, в то же время в них нуждались как в важном финансовом источнике. Однако в конце XIII века, когда появились первые ростовщики, а затем стали набирать силу крупные итальянские финансовые дома, евреи перестали быть незаменимым элементом английской финансовой системы. Теперь Эдуард I находит возможность служить Богу, не беспокоя Маммону, и изгоняет евреев из Англии. В годы правления трёх Эдуардов итальянцы неоднократно предоставляли английским королям крупные денежные ссуды, и хотя злостное банкротство Эдуарда III стало причиной разорения влиятельных домов Барди и Перуцци и принесло Флоренции великие беды, итальянцы продолжали играть важную роль в финансовой жизни Англии вплоть до конца XV века, когда в годы Войны Алой и Белой розы их место заняли купцы из Ганзейского союза.

В Средние века государственная финансовая система была совсем иной, чем в наши дни. В те времена не было ни правительственных учреждений, которые занимались бы составлением смет и анализом дефицита под контролем министерства финансов, ни ежегодных проектов государственного бюджета, основанных на сложных подсчётах, ни продуманной системы налогообложения. Считалось, что доходы государства принадлежат королю, и с финансовой точки зрения средневековый монарх вполне мог сказать, подобно Людовику XIV: «Государство — это я». В одной и той же

расходной книге записывались сведения о жалованье, выданном войску, о деньгах, которые король проиграл в азартные игры или подал как милостыню нищему слепцу, о затратах, связанных с приёмом иностранных послов, и о стоимости пары домашних туфель, предназначавшихся для няньки королевских детей. Доход короля складывался из средств, поступавших из ряда различных источников. Это были, во-первых, рента с земель, принадлежавших короне, во-вторых, неопределённой величины доход в виде штрафов, назначавшихся местными судебными органами, и, наконец, с начала XIV века, таможенные сборы, в частности пошлины на вывоз шерсти или кож и на ввоз вина. Если Англия вела войну или в силу каких-то иных обстоятельств королю оказывалось недостаточно суммы обычного дохода, дополнительные средства поступали в казну либо за счёт займов, сделанных у иностранных финансистов, либо за счёт «субсидий». «Субсидии» были процентным налогом, в чём-то схожим с нашим подоходным налогом; решение о «субсидиях» принималось по итогам голосования представительного органа тех, кому предстояло платить: парламента (для мирян) или церковного Собора (для духовенства). Обычно ставка «субсидий» составляла одну пятнадцатую или одну десятую, однако она могла быть и ниже, равняясь одной двадцатой (один шиллинг с каждого фунта), и выше, достигая одной восьмой (полкроны с каждого фунта). Этим налогом облагались земли и имущество; представители налоговых органов посещали каждый дом, чтобы осмотреть и оценить имущество, за исключением доспехов, драгоценностей и одежд, если речь шла о знати, а для людей низкого

звания — за исключением одного платья для хозяина дома и одного для его жены, одного кольца, одной броши и одного серебряного кубка.

Деньги, полученные из всех перечисленных выше источников, пересчитывались в государственном казначействе, которое в Англии называется Палатой шахматной доски, это название и в наши дни напоминает об огромном столе, покрытом клетчатой тканью (по-английски «клетчатый» — «chequered»), на котором раскладывались финансовые документы и при помощи фишек велись подсчёты. Среди чиновников, собиравших деньги для короля, было довольно много неграмотных людей, которые были не способны разобраться в финансовых записях, но даже тем, кто умел это делать, несомненно, было непросто суммировать большие числа, записанные римскими цифрами. Поэтому в казначействе использовали своего рода разновидность абака — счётную доску: стол застилали чёрной материей, на которой чертили семь вертикальных столбцов, означавших справа налево пенсы, шиллинги, фунты, двадцатки, сотни, тысячи и десятки тысяч фунтов. Столбцы пересекали горизонтальные линии, делившие ткань на квадраты наподобие шахматной доски. В этих клетках посредством фишек осуществлялись подсчёты. Канцлер и другие чиновники сидели с одной стороны стола, а тот, чьи отчёты проверялись, — с другой. Считавший писец называл затем сумму, причитающуюся с подотчётного лица по результатам подсчётов вдоль одной линии, и сумму вычетов, обусловленных расходами или компенсируемых различными выплатами, которые подсчитывались по другим линиям. Таким образом можно было

относительно легко справиться с достаточно сложными расчётами.

До конца XIII века единственной монетой, имевшей хождение в Англии, был серебряный пенни; 12 таких монет равнялись шиллингу, 160 — марке, а 240 — фунту, хотя монет, которые соответствовали бы этим наименованиям, не существовало. В XIV веке появились серебряные четырёхпенсовые «гроты» и двухпенсовые «полугроты», однако шиллинг так и не получил воплощения вплоть до царствования Генриха VII. Попытка ввести в обращение золотые монеты, предпринятая Генрихом III, оказалась неудачной. Лишь при Эдуарде II были отчеканены золотые «нобли» стоимостью 6 шиллингов и 8 пенни (полмарки) с прекрасным изображением корабля, и с этого времени золотые монеты вошли в обиход Англии.

ГЛАВА 11

ЖЕНЩИНЫ

Пытаясь понять, каково было положение женщин в Средние века и как относились к ним мужчины, мы обнаруживаем, что средневековые источники изобилуют любопытными противоречиями и подчас просто приводят современного читателя в замешательство. Женщину идеализировали, превозносили её как божественное творение и были готовы пожертвовать ради её любви всем миром, но вместе с тем женщину изображали как создание пустое и злобное, едва ли достойное иметь человеческую душу. Но не будем забывать, что и в наши дни велико различие между стилем сентиментальных романов, когда их авторы описывают своих героинь, и стилем фельетонов, в которых выводятся немолодые дамочки. Если сопоставить одно с другим, то мы увидим, что положение женщин в Средние века не так уж сильно отличалось от их положения в наши дни, как может показаться с первого взгляда.

Одним из элементов кодекса поведения идеального рыцаря было верное служение дамам. Каждый юный рыцарь или оруженосец (сквайр), желавший казаться мало-мальски светским человеком, считал необходимым гореть огнём любви всё то время, когда вокруг него не пылал огонь битвы. Не важно было, посвятит ли он себя служению одной-единственной даме или разделит свои симпатии между несколькими, но зато подразумевалось, что рыцарь должен

расточать восторженные комплименты всем дамам без исключения и всегда вести себя с ними с утончённой учтивостью. Если бы подобное отношение служило проявлением заботы сильного о физически более слабых созданиях и выражением почтения со стороны мужчин, огрубевших в битвах, к тем, кого они считали чище и совершеннее себя, в нём было бы много хорошего. Но как ни прискорбно, в большинстве случаев это была всего лишь искусственная поза, к тому же исключительно классового характера: рыцарь соглашался с необходимостью соблюдать учтивость по отношению к дамам своего сословия, но почти никогда не считал нужным обращаться так же с женщинами низкого происхождения. И даже с дамами рыцарь подчас обходился невероятно грубо. Поведение самих дам тоже было весьма далеким от идеала, во всяком случае, они гораздо больше преуспели в любовных делах, чем мужчины той эпохи, и почти не уступали им по части ругани. Естественно, поводов для сплетен находилось немало, и никто не упускал возможности позлословить, так что при дворах наиболее светски настроенных представителей высшей знати, где особенно культивировался дух рыцарственности, любой даме было трудно сохранить свою репутацию незапятнанной.

Самыми злостными клеветниками, яростно поносившими женский пол, были священнослужители. Они никогда не забывали о том, какую роль сыграла Ева в злополучной истории с яблоком, сорванным в Эдемском саду, и потому придерживались убеждения, что все женщины, подобно первой из них, которая, соблазнив Адама, принесла в мир грех, являются искусительницами и повинны во всех грехах, совершаемых

мужчинами. Средневековая Церковь, все служители которой — священники, монахи, монахини и нищенствующая братия — давали обет безбрачия (целибат), не упускала случая воздать хвалу достоинствам этого обета и очернить супружескую жизнь.

Простой народ постоянно слышал, как проповедники хулят женщин, а если ему и доводилось слышать что-либо в защиту прекрасного пола, то это была, чаще всего, какая-нибудь поэма, полная неумеренных восхвалений и никак не связанная с реальной жизнью. Вполне естественно, что в народной среде преобладало пренебрежительное отношение к женскому полу, и потому среди произведений популярной литературы Средних веков можно найти немало рассказов и стихотворений, бичующих женщин: их непостоянство, лживость, бесконечные причуды и, более всего, неумение молчать и неспособность хранить тайны. Приведем, в качестве примера, всего лишь несколько строк:

Одно мне открылось совершенно ясно:

Среди женщин не может быть немых,

Потому что это совершенно противоречило бы их характеру.

Если вам приходилось сказать что-либо женщине, Был ли такой случай, чтобы она ничего не наговорила в ответ?

Да-да, на каждое слово — целых два!

или:

Они так же прячутся и таятся, как рог Гавриила,
Который слышен повсюду: и в райских куцах,
и в аду.

Однако подобные шуточки не вышли из употребления и в наши дни, и воссоздать правдоподобный образ

женщины из семьи среднего уровня и узнать, какие требования к ней предъявлялись, нам поможет поэма XV века, в которой рассказывается о том, «как добродетельная жена наставляла свою дочь». Начинается поэма напоминанием о необходимости посещать церковь при всякой возможности, даже в плохую погоду, и щедро раздавать милостыню беднякам и больным. В поэме уделяется большое внимание благонравному поведению в храме: там надлежит молиться, а не болтать с соседками. Это как нельзя более уместное замечание, потому что в Средние века прихожане вели себя крайне непочтительно: во время службы они бродили по церкви, беседуя друг с другом о делах и поездках. «А вы, женщины, — негодует проповедник XIII века, — никогда не сомкнёте свои уста, не дадите им отдохнуть от никчемной болтовни. Одна жалуется на служанку, мол, очень любит поспать и совсем не хочет работать, другая судачит о своём супруге, третья толкует о детях: этот у неё не знает устали, а тот всё хиреет». Другой сатирик, живший несколько позднее, утверждал, что женщины идут в церковь лишь после того, как разоденутся в пух и прах да всячески разукрасят себя, а потом только тем и занимаются, что глазают по сторонам, высматривая, нет ли кого наряднее их. Рыцарь де Ла Тур Ландри, который в 1370 г. написал в назидание своим дочерям известную книгу, полную поучительных рассказов, упрекал своих юных современниц в том, что они слишком долго наряжаются и причёсываются и потому всегда опаздывают на службу. В подтверждение своих слов автор рассказывает такую историю: некая дама всегда невероятно долго прихорашивалась, и вот однажды в воскресный

день она вынудила священника и всех, кто собрался в церкви, ждать себя так долго, что они проклинали эту особу; злополучная дама, которая в тот самый момент смотрелась в зеркало, увидала дьявола и от страха сошла с ума. Но вместе с тем достойный рыцарь говорит о «воскресных платьях» с полным одобрением и даже рассказывает историю одной дамы, которую разбил паралич из-за того, что она берегла свои лучшие наряды для праздников и визитов, отказываясь надевать их в церковь.

«Добродетельная жена» из поэмы XV века переходит далее к вопросу о браке. В словах матери нет никакой сентиментальности, она довольствуется тем, что советует дочери не пренебрегать ни одним мужчиной, который окажет ей честь, пожелав сделать своей супругой; кроме того, молодой особе следует избегать скрытности, пусть она поговорит о полученном предложении с друзьями; и, наконец, она не должна забывать о благоразумном поведении. Браки, действительно, в большинстве случаев заключали по расчёту, и чувства невесты не имели практически никакого значения. На богатую наследницу, как правило, смотрели как на ценную собственность, как на выгодное приобретение. Нередко родители договаривались о браке своих детей, когда те были ещё малютками, и бывали даже такие случаи, когда совершался настоящий обряд венчания столь юных жениха и невесты, что их приходилось нести в церковь на руках, и, конечно, они едва ли могли точно повторить за священником все подобающие обряду слова. Подобные браки, правда, могли быть аннулированы, если по достижении брачного возраста стороны выражали желание разорвать договор, однако

девочек разрешалось выдавать замуж с двенадцати лет, а мальчиков можно было женить с четырнадцати, и едва ли в таком возрасте будущие супруги ясно отдавали себе отчёт в сути происходящего и были способны воспротивиться намерениям своих родителей. Венчание детей было всего лишь прелюдией к подлинному заключению брака, и точно так же обычной свадьбе предшествовала церемония помолвки, или обручения, во время которой жених и невеста, взяв друг друга за руки, в присутствии свидетелей объявляли о своём желании стать мужем и женой. Помолвка имела почти такую же силу, как и само венчание, и если обручённая женщина выходила замуж за другого человека, её прежний жених по закону мог вытребовать свою невесту у её мужа. Обряд венчания в Средние века почти не отличался от принятого в наши дни с той лишь разницей, что церемония бракосочетания совершалась на церковном крыльце. И лишь после того, как на палец невесты было надето обручальное кольцо, свадебная процессия входила в храм, где все присутствующие слушали мессу и дополнительный молебен. Свадьба была хорошим поводом устроить пир и славно повеселиться, на первом месте стояли танцы, и бедная невеста должна была плясать с любым мужчиной, который приглашал её, — утомительный и малоприятный обычай, ведь дом был открыт для всех, и на свадьбу в надежде повеселиться и выпить подчас являлось немало скверных типов.

Коль скоро женщина выходила замуж, отныне её первейшим долгом была кротость и покорность супругу. Чтобы побудить к этому своих дочерей, рыцарь де Ла Тур Ландри рассказывает несколько поучительных

историй, в одной из которых говорится о жене, которая во всём противоречила своему мужу даже в присутствии посторонних, пока наконец он не сбил её с ног мощным ударом, сломав даме нос, что нанесло непоправимый ущерб её красоте. Стоит особо отметить, что рыцарь не только не упрекает мужа, но даже не считает нужным хоть как-то оправдать его поступок. Идеалом супруги было терпеливая Гризельда, историю которой в «Кентерберийских рассказах» Чосера поведал оксфордский клерк. Эта добродетельная особа родилась в бедности, однако судьба предназначала ей стать женой знатного маркиза; супруг многими способами испытывал послушание Гризельды: ей пришлось расстаться со своими детьми и отдать их, как она полагала, в рабство, отказаться от богатства и от положения в обществе и даже выполнять обязанности служанки при юной даме, которую маркиз представил ей как свою будущую супругу; всё это бедная женщина исполняла совершенно безропотно, и тогда, похвалив её, муж полностью вернул Гризельде её прежнее положение. В глазах современного человека Гризельда — не женщина, а жалкое создание; сам Чосер, хотя и рассказывает эту историю с большой долей сочувствия, всё же не одобряет такой покорности, однако средневековые мужья без тени юмора серьёзно ставили Гризельду в пример своим жёнам. Впрочем, сами женщины зачастую предпочитали подражать другой героине Чосера — славной ткачихе из Бата, особе отнюдь не кроткого нрава. У этой замечательной женщины было пятеро мужей, со всеми она справлялась при помощи железного прута или, чаще, благодаря своей лужёной глотке да острому языку; батская ткачиха с нескрываемым

удовольствием рассказывает о том, как она терзала, запугивала и морочила своих мужей, хотя при этом она вспоминает с особым восхищением и даже с любовью того из них, кто её изрядно поколачивал. На протяжении всего Средневековья за мужем признавалось право бить жену — в пределах разумного; вместе с тем закон в прежние времена не был так терпим к ворчуньям и сплетницам: злобных мегер и разносчиц сплетен, отравлявших жизнь своим соседям, можно было привлечь к суду и приговорить к наказанию, обычно их окунали в грязный пруд.

Независимо от того, становилась ли жена покорной рабыней своего мужа, его любящей подругой или суровой повелительницей, замужней женщине едва ли приходилось сидеть без дела. «Добродетельной жене» было что рассказать своей дочери об обязанностях хозяйки дома. Прежде всего, хозяйка должна была смотреть за слугами, обращаться с ними следовало не слишком сурово и в то же время не слишком мягко; нельзя было допустить, чтобы слуги бездельничали, и конечно, они работали с гораздо большим прилежанием, если сама хозяйка подавала им хороший пример и трудилась вместе со всеми. Если женщина принадлежала к среднему классу и жила в сельской местности, то она занималась выращиванием трав, помогала во время сенокоса, носила на базар масло, сыр, яйца, птицу и тому подобное, делала солод и варила пиво, а кроме того, по-видимому, почти всегда сама готовила пищу. Даже в знатных семействах дамы были знакомы с кулинарным искусством и порой применяли свои знания на практике. Рыцарь де Ла Тур Ландри рассказывает нам о некоем рыцаре, который, вернувшись из

длительного похода, привёз в подарок своим племянницам два сшитых по последней моде платья. Когда он навел на первую племянницу, она так долго примеряла платья, что рыцарь, устав ждать, взял у нее платья и с досадой отправился к другой; эта же, когда приехал дядюшка, была занята приготовлением хлеба, но, едва слышав его голос, выбежала ему навстречу с белыми от муки руками и обняла гостя, извиняясь за свой вид; рыцарь был настолько тронут этим проявлением любви, что подарил второй племяннице оба платья. Даже если знатные дамы не заходили так далеко, чтобы собственноручно печь хлеб, они всё же готовили сладости, фруктовые консервы, вина и ароматическую воду, настоянную на цветочных лепестках. Кроме того, они прекрасно разбирались в травах и готовили из них лекарства для нужд своего семейства и для соседей победнее — хозяйка манора нередко была добровольным лекарем для всей деревни. Женщины низкого происхождения тоже следовали этому примеру, и в простонародной среде было немало мудрых старух — знахарок, чьи простые снадобья, прошедшие проверку опытом и вековой традицией, были гораздо более действенными и даже более совершенными с научной точки зрения, чем те вселяющие ужас препараты, которыми пользовались больных профессиональные врачи. В Средние века известны случаи, когда женщины становились медиками и имели свою практику, хотя мужчины, естественно, сделали всё возможное, чтобы помешать их успеху.

Однако основными женскими занятиями были пряже, шитьё и вышивание. Пряже было настолько распространённым и настолько типичным женским

рукоделием, что слово «spinster» (букв. «пряха») закрепилось в юридическом языке как обозначение всякой женщины, которая не имеет определённого звания или рода занятий и принадлежит сама себе, то есть не замужем, потому что в глазах закона замужняя женщина практически не существовала отдельно от своего мужа. Почти что вся шерстяная пряжа, шедшая на производство тканей, была спрядена в частных домах, и деньги, которые зарабатывали прядением женщины из народа, служили весомой прибавкой к доходу крестьян и фермеров. Большая часть этой шерсти была спрядена с помощью простейшей прялки и веретена, первые прялки с колесом, которое приводилось в движение рукой, появились в XIV веке, а классическая механическая прялка с ножным приводом была изобретена лишь в XVI веке. Традиционная ручная прялка представляла собой палку, к одному концу которой прикрепляли ком шерсти, предварительно вымытой и вычесанной; малую толику шерсти вытягивали и скручивали между пальцами, получившуюся нитку привязывали к веретену. Веретено служило одновременно отвесом, распрямлявшим нить, и бобиной, на которую она наматывалась. Прялка была неразлучной спутницей средневековой дамы, такую же роль в жизни её потомков в годы Первой мировой войны стали играть вязальные спицы; прялку могли носить под мышкой или заткнув за пояс, иной раз она служила оружием нападения, особенно в деле укрощения мужей, что было излюбленным сюжетом средневековых художников. Прялка стала общепризнанным символом Женщины, и, подобно тому как короля хоронили со скипетром в руках, в гроб королевы Франции клали

прялку — серебряную или деревянную с позолотой. Неизвестно, приходилось ли английским королевам брать в руки прялку, отправляясь в мир иной, но то, что она сопровождала их при жизни, не вызывает сомнения, а Элеонора Кастильская, супруга Эдуарда I, владела ещё и искусством ткачества. Однако в основном ткачеством занимались мужчины, и можно предположить, что королевы и благородные дамы ткали либо вещи вроде гобеленов или шёлковых лент, либо лёгкие виды материи, отличавшиеся красотой, но отнюдь не прочностью.

Естественно, не последней задачей замужней женщины было воспитание детей, однако наша «добродетельная жена» ограничивается всего парой строф на эту тему: для начала она говорит, что детей, когда они не слушаются, бесполезно корить или награждать оплеухами, но следует взять «добрую розгу» и сечь негодников, пока те не попросят пощады; другой совет мать даёт на тот случай, если родятся дочери: нужно с первого дня откладывать деньги на свадьбу и выдать их замуж, чуть только девочки достигнут подходящего возраста. О том, как настойчиво английские родители стремились избавиться от своих детей, неодобрительно писали итальянские путешественники XVI века, с удивлением отмечавшие, что англичане стараются отослать своих отпрысков семи-восемью лет из дому, чтобы те воспитывались при дворах знатных сеньоров (как видно, таков был средневековый эквивалент современных школ-интернатов), или отдают их в подмастерья для обучения ремеслу. О том, как в Средние века воспитывали девочек, известно очень мало. Поскольку в те времена не было никаких женских учебных заведений,

подобных грамматическим школам для мальчиков, вполне возможно, что лишь очень немногие женщины из простонародья и даже из среднего класса вообще имели хоть какое-нибудь образование. С другой стороны, если иметь в виду семейства знати и богачей, то процент девушек, умевших читать и писать, был очень высок. Средневековые романисты и художники очень часто изображают дам за чтением книг, а в расходных записях королевского двора, начиная со времён Эдуарда I и позднее, многократно встречаются упоминания о тратах на приобретение букварей, грифельных досок и других учебных принадлежностей для юных принцесс, а также книг для королевы и других дам. Многие женские монастыри выполняли роль школ-интернатов для девочек знатного происхождения, однако всё образование сводилось к тому, что их учили читать и писать по-английски и по-французски («скорее, как в Стратфорде-на-Боу, чем как в Париже», — говорит Чосер о своей аббатисе). Лишь очень немногие монахини знали латынь, и потому наука и серьёзные знания были им недоступны. И хотя нельзя обойти вниманием тот любопытнейший факт, что первым средневековым драматургом была женщина — Хротсвита Гандерсеймская*, и что самые прелестные романтические повести были написаны в XII веке Марией Французской**, едва

---

* Хротсвита Гандерсеймская (ок. 950–970) — германская монахиня, написавшая шесть комедий на христианские сюжеты, в подражание античному драматургу Теренцию. (Примеч. ред.)

** Мария Французская — французская принцесса XII в., известная своими стихотворными рассказами о любви и приключениях рыцарей и дам. (Примеч. ред.)

ли среди средневековых авторов можно отыскать ещё хотя бы одну женщину (за исключением Кристины Пизанской*, жившей в конце XIV века).

Вернувшись к наставлениям «добродетельной жены», мы видим, что она предостерегает свою дочь от зависти по отношению к соседкам, одевающимся лучше её, и советует не тратить на платья больше, чем позволяют доходы её супруга. Нетрудно догадаться, что благородный рыцарь де Ла Тур Ландри тоже не обошёл вниманием женские наряды; подобно большинству мужчин, он не мог понять, ради чего женщины обшивают мехом подол юбки — ведь этот мех волочится по грязи и греет одни только каблуки — вместо того, чтобы обернуть мех вокруг более чувствительных мест, которые нужно защитить от холода; но зато в отличие от большинства мужчин этот рыцарь не претендует на то, чтобы указывать, что следует носить другим женщинам, помимо его дочерей и домочадцев. Дочерям он даёт благоразумный совет: отдавать предпочтение общепринятым фасонам, которые носят уважаемые люди, и не увлекаться подражанием тем легкомысленным особам, что вечно щеголяют в самых новомодных и в самых бесстыдных нарядах. Веком раньше Бертольд Регенсбургский, самый талантливый из средневековых проповедников, яростно бичевал любовь женщин к нарядам, в которой он видел силки для женских душ: «Для того чтобы добиться мужской похвалы, вы тратите все свои силы на наряды. Многие из вас платят

---

* Кристина Пизанская (1365–1430) — писательница и поэтесса, жившая при французском королевском дворе, выступала с идеями о повышении роли женщин в обществе. Автор «Града женщин». (Примеч. ред.)

швее столько же, сколько стоила сама ткань; на плечах должны быть щитки, а по всему краю платья должны идти оборки да зашпы; вам мало того, что гордыня сквозит даже в петлях для пуговиц, но вы ещё с особой изощрённостью прокладываете себе дорогу в ад, вы мостите себе этот путь своими изящными стежками. Вы всецело поглощены своими накидками, то накинете так, то поправите эдак; вы расшиваете их повсюду золотой нитью и убиваете добрых шесть месяцев на то, чтобы изукрасить одну-единственную вуаль... В то время, когда тебе нужно заниматься хозяйством и делать что-нибудь полезное для доброго господина, для самой себя, для своих детей или для гостей, ты вместо этого занимаешься своей причёской, беспокоишься о том, хорошо ли сидят рукава платья, вуаль или головной убор, и за этим ты проводишь всё своё время».

Бессмысленно пытаться рассказать в нескольких словах о том, как менялась женская мода в течение пяти столетий, и в любом случае никакие многословные описания не смогут дать читателю больше, чем несколько изображений, так что пусть иллюстрации, помещённые в книгах, говорят сами за себя. В одном только дамы сохраняли постоянство на протяжении всего Средневековья: они неизменно носили длинные юбки (только крестьянки, работавшие в поле, носили юбки выше лодыжек), и даже маленькие девочки ходили в длинных платьях. Чтобы в полной мере оценить это пристрастие, нужно вспомнить, какими грязными были средневековые дороги да и полы тоже, однако мода никогда не прислушивается, или по крайней мере не прислушивалась прежде, к голосу здравого смысла. Ярким тому примером являются головные

уборы XV века — самого роскошного и сумасбродного периода в истории средневекового костюма. В то время модницы носили громадные головные уборы наподобие рогов, направленных вверх и в стороны, так что даме было очень трудно пройти в обычную дверь; несколько позже на смену паре рогов пришёл головной убор в форме островерхой башни с прикрепленной к ней вуалью. Проповедники тщетно клеймили моду, сатирики слагали язвительные вирши, призывая женщин снять свои рога, но тоже безрезультатно, и, по видимому, лишь тогда, когда бесцеремонные уличные мальчишки взялись свистеть и улюлюкать вслед дамам в громоздких уборах, подобные фасоны вышли из моды. С эпохой островерхих энненов* связан ещё один каприз моды: женщины выщипывали волосы надо лбом, поднимая линию лба до самой макушки, в Средние века это находили восхитительным, но в наши дни подобный обычай вряд ли кому-либо покажется привлекательным. В другие периоды в моде были густые волосы, и те, кого природа ими обделила, прибегали к накладным волосам или даже подкладывали в причёску шерсть. И во все времена женщины пудрились и красили лицо.

Все эти модные сумасбродства почти не коснулись женщин среднего класса, к которому принадлежала и «добродетельная жена», однако у каждого сословия были свои слабости, и мы с некоторым удивлением читаем, как мать советует своей дочери не напиваться слишком часто:

---

* Эннен — высокий конусообразный головной убор с прозрачной вуалью. (Примеч. ред.)

И если тебе случится оказаться в таком месте, где
на чердаке водится добрый эль,
Всё равно, будешь ли ты там прислуживать или
наслаждаться покоем,
Пей в меру, чтобы не опозорить себя:
Если ты будешь часто напиваться, то наживёшь
стыд.
Ибо тот, кто часто напивается,
Топит своё благополучие и успех,
Моё дорогое дитя.

Сохранилось немало свидетельств того, что женщины посещали таверны так же часто, как и мужчины, однако обычно в этом не было ничего постыдного, ведь таверна в Средние века заменяла современное кафе. Более того, многие таверны содержались женщинами, и ими же варилось практически всё пиво. Торговки пивом были известны своей недобросовестностью, — они разбавляли пиво и продавали его, пользуясь уменьшенными мерками.

Ещё одно преимущественно женское занятие — изготовление изделий из шёлка. Роскошные дорогие шелка, в которые одевались богачи: атлас, бархат, узорчатую парчу, — привозили издалека, в основном с Востока, но небольшие шёлковые вещицы, например ленты и пояса, ткали английские женщины, которые были также искусными вышивальщицами, и нередко девочек из благородных семей отдавали для обучения рукоделию в помощницы к таким мастерицам. Количество женщин, занятых каким-либо ремеслом или торговлей, в Средние века было значительным, хотя, по большей части, это были вдовы или дочери тех, кто заложил основы семейного бизнеса, и вполне возможно,

что фактически все дела вёл старший приказчик. По-видимому, все средневековые цеха и гильдии принимали в свои ряды женщин, и среди них было немало держательниц небольших розничных магазинов, но гораздо чаще они торговали на рынке овощами или рыбой. Иногда женщин нанимали на рудники для тяжёлых работ, например мыть золото, но лишь XVIII и XIX века были временем откровенной эксплуатации дешёвого труда женщин, когда они превратились в рабынь при рудниках и заводах.

Женщины принимали самое активное участие во всех развлечениях мужчин: в соколиной охоте и охоте на оленя, в стрельбе из лёгкого лука и ловле кроликов с хорьками и тенётами. Естественно, дамам отводилась не последняя роль и в более женственных увеселениях: в танцах, пении, музицировании, которые устраивали и в доме, и, даже гораздо чаще, на вольном воздухе — на лужайке или в саду. В садах дамы часто проводили часы досуга, и средневековые художники любили изображать, как в окружении зелени дамы беседуют друг с другом, поют или собирают цветы, из которых плетут венки и украшают себя ими. Наконец, если представлялась такая возможность, дамы посещали захватывающие зрелища — они присутствовали на турнирах, воодушевляя участников, и награждали отличившихся рыцарей, обычно одаривая их драгоценностями. Иногда дамы сами принимали участие в особой разновидности куртуазных турниров: им отводилась роль защитниц замка, который они обороняли, забрасывая атакующих рыцарей, словно метательными снарядами, цветами. Но средневековые женщины проявили себя и во времена настоящих кровопролитных войн.

Помимо исключительного примера Жанны д'Арк, было немало благородных дам, которые если и не вели войска в бой, то, по крайней мере, отважно оборонялись в своих замках, подобно Николе де ла Эй, мужественно отстоявшей замок Линкольн для сторонников короля Генриха III в 1217 г., и леди Джоане Пелхам, сумевшей в 1399 г. сохранить для Генриха IV замок Певенси, или подобно тем безымянным женщинам, что бросали камни и лили кипяток на головы шотландцев, не давая им штурмовать стены Карлайла.

В любви и на войне, дома и в поле, в забавах и в труде средневековые женщины не отставали от мужчин, они разделяли все их заботы и радости, нисколько не уступая в этом женщинам наших дней.

ГЛАВА 12

ПУТЕШЕСТВИЯ

Для второй половины XIX и даже ещё для начала XX века было типичным то, что большая часть жителей небольших деревень не бывали далее, чем в 20 милях* от своего прихода. Вполне естественно было бы предположить, что если так обстояли дела в те времена, когда дороги были хороши да к тому же во все концы страны уже ходили поезда, то процент англичан, которые никогда не покидали родных мест, в Средние века был ещё выше. Однако на деле всё было иначе: люди путешествовали по средневековой Англии, переселяясь из одного места в другое гораздо чаще, чем в недавнем прошлом. Прежде всего следует назвать тех, кому приходилось путешествовать по роду своих занятий: это — корабейники, бродившие по стране со своим товаром, странствующие музыканты, жонглёры и актёры, нищие и прочий люд. Однако и у рядовых крестьян было немало поводов на время покинуть свои дома. Паломничество, о котором мы поговорим чуть ниже, многих влекло за моря; кроме того, набожные прихожане старались хотя бы раз в году посетить в дни больших церковных праздников кафедральный собор или другую известную церковь своей епархии. Кроме того, закон обязывал многих свободных мужчин: четверых человек от каждой виллы во главе со старшиной (reeve), присяжных разного

---

* 1 миля = 1,609 км. (Примеч. ред.)

рода и других лиц, — присутствовать на заседаниях суда графства. Когда начиналась война — а в средние века редкие годы обходились без войн, — с большой округи могли спешно созвать всех здоровых мужчин для того, чтобы отразить вторжение неприятеля, и в любом случае значительное количество англичан призывали в армию для службы в определённых местах и, в частности, отправляли за море — во Францию или Фландрию. Большие ярмарки, на которых только и можно было купить многие товары, не производившиеся не только в деревнях, но и во многих городах, также, подобно магниту, притягивали жителей страны: кто-то приезжал по своим делам, кто-то — по поручению лорда. Почти в каждом маноре были люди, получавшие земельный надел в обмен на исполнение различных работ, для которых требовались повозки или вьючные лошади, и эти люди совершали поездки на довольно-таки далёкие расстояния. Кроме того, крупные землевладельцы могли иметь поместья в полудюжине различных графств, и в таком случае шло постоянное движение между этими поместьями: работники доставляли провизию в тот манор, где в данное время проживал лорд, или перегоняли стада из одного поместья в другое.

При отсутствии организованной системы распределения задача прокормить большое количество людей, живущих за пределами крупных городов, подобных Лондону, была очень и очень непростой. Отчасти именно по этой причине в то время, когда королевский двор покидал резиденцию в Вестминстере или Винчестере, он быстро перемещался по стране, не останавливаясь в одном месте более, чем на 3 дня. Первые

Плантагенеты*, в частности, путешествовали со скоростью, удивительной даже для нашей эпохи, не то что для времён прошлого с их тяжеловесными и неуклюжими повозками. Один придворный, состоявший при Генрихе II, оставил живое описание многочисленных неудобств, сопряжённых с образом жизни этого неуёмного короля: бывало, что монарх изъявлял намерение остановиться в каком-нибудь городе, но затем внезапно менял своё решение и направлялся в небольшое местечко; там прибывшие последними придворные обнаруживали, что все квартиры заняты и вся пища уже изъята у населения, и когда им в конце концов всё же удавалось отыскать место, где можно преклонить голову и найти что-нибудь съестное, раздавался приказ собираться в путь, и вот, не успев ещё до конца разобрать свои вещи, несчастные придворные должны были вновь увязывать их в тюки и уезжать прочь, оставляя готовившийся ужин. Король Иоанн напоминал стремительностью передвижения своего отца. С другой стороны, если двор задерживался где-либо на длительный срок, это было сущим наказанием для местных жителей: излишки продовольствия исчезали мгновенно, а королевские поставщики — чиновники, обязанности которых состояли в обеспечении двора всем необходимым, — забирали всё, что хотели, и платили за это столько, сколько считали нужным, то есть зачастую просто ничего. У саксов существовала система, при которой ряд королевских маноров должны были вместо выплаты денежной ренты предоставлять королю и его

---

* Плантагенеты — династия английских королей, правивших в 1154–1485 гг. (Примеч. ред.)

свите на одну или несколько ночей в году кров и провизию. Этот принцип после завоевания Англии нормандцами взяли на вооружение некоторые знатные сеньоры, и известны случаи, когда в качестве повинности за право держать имение назначалась обязанность принимать и развлекать лорда либо по определённым поводам, либо установленное число раз в году.

Свита, сопровождавшая крупных лордов, обычно бывала многочисленной, подчас даже неимоверно огромной. Даже такие сравнительно незначительные особы, как архидиаконы, объезжали свои приходы не иначе как в сопровождении двадцати-тридцати всадников, которым должны были безвозмездно предоставлять кров и пищу местные монастыри. Принцы и представители высшей знати находили вполне естественным путешествовать со свитой из двух или трёх сотен человек. Когда Томас Бекет, в его бытность канцлером, посетил в 1158 г. с дипломатической миссией Францию, с ним было 200 рыцарей, клириков, оруженосцев и юношей из благородных семей, облачённых в пышные одежды и восседавших на прекрасных конях, причём каждый из спутников канцлера вёз с собой собственных слуг; кроме того, в кортеже двигались восемь больших повозок, запряжённых пятёркой лошадей, каждую лошадь сопровождал отдельный человек, не считая правивших повозками кучеров, также было двенадцать вьючных лошадей с приставленными к ним конюхами, а помимо этого — люди, смотревшие за сторожевыми собаками, борзыми и ловчими птицами. Неудивительно, что король Франции был поражён могуществом своего английского собрата, чей канцлер путешествовал в окружении подобной свиты.

Постоянное движение людей и грузов между различными областями страны свидетельствует о наличии в Средние века хорошо продуманной разветвлённой сети дорог. Этим англичане были обязаны римлянам, прокладываявшим во всех имперских провинциях превосходные дороги, по которым в случае необходимости можно было стремительно перебросить войска из одного места в другое. Римляне были весьма практичным народом и довели инженерное дело и искусство строительства дорог до полного совершенства. Римские дороги прокладывались в соответствии с тщательно продуманным планом, иногда дороги мостились камнем, благодаря чему римские тракты продолжали служить людям на протяжении всего Средневековья, когда искусство строительства дорог было полностью утрачено. В холмистых областях Англии, наряду с такими специально строившимися дорогами, проложенными по всей стране от города к городу с математической точностью, были ещё и «горные тропы», которые шли вдоль гряды холмов или переваливали через неё; нередко эти дороги имели дороманское происхождение, но во многих случаях они были улучшены римлянами. Что касается менее значительных путей, связывавших между собой магистральные тракты или соединявших с ними отдалённые деревни, то это были не столько даже дороги, сколько полосы земли, оставленной для прохода людей и провоза грузов. Если земля была каменистой, а погода не очень дождливой, то по такой дороге вполне можно было проехать, но если земля была глинистой и лил дождь, то путешественнику нужна была лошадь исключительной силы и выносливости, иначе он рисковал увязнуть в непролазной грязи.

Главным препятствием на пути движения людей и грузов были реки. На заре английской истории ручьи и реки можно было перейти только вброд. Это было неудобно и даже опасно, когда после обильных дождей вода в реке сильно поднималась, поэтому римляне построили на месте многих бродов мосты. Саксы прекрасно отдавали себе отчёт в том, какое значение имеют мосты, и одной из «трёх обязательных повинностей», возлагавшихся у саксов на всех землевладельцев, был ремонт мостов. Впоследствии для этих целей использовали влияние и возможности Церкви: создавались союзы верующих для строительства мостов и последующего поддержания их в порядке; епископы даровали «индальгенции» — отмену нескольких дней епитимьи, наложенной за грехи, — тем, кто помогал этому благовому делу деньгами или трудом; и создавались пустыни (небольшие монастыри), наподобие «обители св. Варфоломея у плотины» в Арунде, братия которых должна была собирать с проезжающих пожертвования на содержание моста. Желание напомнить путникам, что такая помощь является их религиозным долгом, и заодно позаботиться о защите переправы, вверив её попечительству какого-либо святого, привело к возникновению распространённого обычая строить на мосту часовенку — примеры тому по сей день можно видеть в Уэйкфилде, в Сент-Ивсе и ещё в нескольких местах. Иногда для того, чтобы защитить мост или, точнее, город, к которому он вёл, от возможного вражеского нападения, на обоих концах моста возводили укреплённые башни. У самого известного из английских мостов — Лондонского — имелись и часовня, и оборонительные башни; кроме того, он был плотно

застроен по обеим сторонам проезда домами, которые в буквальном смысле нависали над водой и случалось падали в Темзу. Строительство Лондонского моста было начато в 1176 г. священником Питером из Коулчёрч на месте старого деревянного моста, к тому времени уже почти полностью разрушенного. Новый мост состоял из двадцати арочных пролётов (первый из них был обнаружен в 1922 г. в толще поздней каменной кладки) и имел подъёмную часть на тот случай, если придётся оборонять город или нужно будет пропустить корабли. На протяжении всего Средневековья Лондонский мост по праву считался высшим достижением инженерного искусства, и он продолжал оставаться одной из самых изумительных городских достопримечательностей, пока страшный пожар 1666 г. не уничтожил окружавших его живописных строений. Однако за время своего существования мост неоднократно терпел значительные повреждения, самое серьёзное из них произошло в 1281 г., когда из-за сильных морозов и обильного снегопада сломались пять арок. В средневековых источниках сохранились многочисленные описания других случаев, когда мосты рушились в воду или их просто сносило течением, и, несмотря на все усилия людей, мосты нередко приходили в запущенное состояние, что сулило неосторожному путнику серьезные неприятности.

Средневекового путника подстерегало множество других опасностей. Если дорога пролежала через лесистую местность, ему приходилось постоянно быть настороже: в любую минуту на него мог накинуться дикий зверь или напасть находившиеся не в ладах с законом люди. В средневековых хрониках сохранилась

запись о том, что в саксонские времена Леофстан по прозвищу «Мягкий камень», двенадцатый настоятель монастыря св. Альбана, вырубил густые леса по обе стороны Уотлинг-Стрит*, где водились волки, кабаны, дикие быки и олени, а также, что гораздо хуже, воры, грабители, разбойники и другие преступники, объявленные вне закона или скрывающиеся от правосудия. Ещё в 1281 г. волки и нарушители закона упоминаются рядом как вредители, нашедшие приют в определённых лесах, право на вырубку которых было получено глостерским аббатом, но если волки вскоре перестали представлять серьёзную опасность, то разбойники по-прежнему продолжали благоденствовать на протяжении ещё примерно пяти столетий. Средневековый пример такой колоритной, хотя и отталкивающей, фигуры, как разбойник с большой дороги, можно найти в хронике под 1417 г., где говорится об аресте приходского священника из Вортхама в Норфолке, который долгое время орудовал на Ньюмаркетской пустоши и за это время ограбил и убил многих людей короля. Он был одним из многих в длинном ряду подобных грабителей и отнюдь не единственным, кто носил сан священнослужителя. Однако самой известной из средневековых разбойничьих шаек, промышлявших на больших дорогах, были «алтонские грабители»; во времена правления Генриха III они наводняли лесистую Алтонскую долину, через которую шла главная дорога в Винчестер, и терроризировали окрестности. На протяжении многих лет разбойники безнаказанно

---

* Уотлинг-Стрит — одна из основных римских дорог в Британии, соединяла Дувр, Лондон и Роксетер. (Примеч. авт.).

вершили свои тёмные дела, грабя проезжавших через Алтон купцов — иностранцев и англичан; под конец они расхрабрились настолько, что перехватили по дороге в Винчестер вино, предназначавшееся для короля. Ярость Генриха III не имела границ: судьям было велено найти и покарать преступников; первые присяжные, отказавшиеся обвинить кого бы то ни было, были брошены в тюрьму; вторые присяжные, наученные горьким опытом своих предшественников, представили полный отчёт, в котором обвинялись представители всех слоёв общества, начиная с бедной крестьянки, которая готовила разбойникам пищу из страха перед ними, и кончая людьми, состоявшими при королевском дворе, причём среди обвиняемых оказалось несколько богатейших винчестерских купцов. Многие преступники были схвачены и вздёрнуты на виселицу, другим удалось бежать, бросив всё своё имущество, которое затем было конфисковано, некоторые были наказаны штрафом, лес по обе стороны дороги вырубили, и с тех пор Алтонская долина перестала страшить путников.

За исключением тех, кто по причине крайней бедности был вынужден идти пешком, практически все путешествовали верхом. Большинство товаров перевозили навьюченные лошади. Если мужчина ехал в повозке, это было признаком нездоровья или унижения. Заключение, пленников и раненых могли перевозить на грубых повозках, они не имели рессор и с грохотом неуклюже передвигались на огромных колёсах с ободами, которые были прибиты гвоздями с огромными шляпками. Иногда старики или больные путешествовали в паланкинах — своего рода закрытых носилках,

которые несли две лошади, одну впрягали спереди, другую — сзади; в подобном паланкине, сверкавшем яркими красками и позолотой, устланном подушками и задрапированном дорогими шелками, совершил своё последнее путешествие в Шотландию Эдуард I. Изысканные дамы порой путешествовали в величавых каретах, это были запряжённые дюжиной лошадей солидные четырёхколёсные повозки с куполообразным верхом из расписной ткани. За этими исключениями все передвигались верхом. Дамы, как правило, сидели на лошади боком, кроме тех случаев, когда во время охоты или по какой-либо другой причине нужно было скакать быстро, тогда они садились по-мужски. Поэтому, когда императрица Матильда* бежала из Винчестера, её спутники, увидев, что враги догоняют их, настоятельно потребовали, чтобы государыня перекинула ногу через седло, так как, сидя боком, всадница не может ехать быстро. Женщины низкого происхождения, как видно, обычно ездили по-мужски, потому что в знаменитой серии иллюстраций к «Кентерберийским рассказам», созданной в XV веке, приоресса изображена едущей в дамском седле, а батская ткачиха восседает на лошади по-мужски.

В средневековой Англии, как в наши дни на Востоке и в других неевропейских странах, гостеприимство считалось добродетелью и обязанностью каждого. Человек, которого застигла в пути ночь, почти всегда мог быть уверен, что ему дадут приют в любом доме, стоит

---

* Матильда (1102–1167) — дочь английского короля Генриха I. Поскольку в первом браке она была женой императора Генриха V, ее величали императрицей. (Примеч. ред.)

только постучать в дверь, хотя приём, естественно, далеко не везде мог оказаться одинаково радушным, а условия одинаково комфортными. Монастыри служили своего рода гостиницами для богатых и ночлежными домами для бедных, и там обязательно имелись отдельные здания, предназначенные для приёма путников. В всех городах и повсюду вдоль больших дорог было множество обычных гостиниц и постоялых дворов, где путник мог получить вполне приличную постель или, если гостиница была переполнена, разделить её с кем-либо из постояльцев, а также найти пищу и, прежде всего, глоток живительной влаги. Постоялые дворы той эпохи не блистали роскошью, но средневековый путешественник не был человеком привередливым, и, если ложе было хорошо застелено свежей соломой и не кишело блохами, он оставался вполне доволен своей судьбой.

Как вы помните, именно в гостинице по вывеской «Рыцарский плащ» повстречались в Саутворке тридцать героев Чосера, собиравшиеся совершить паломничество в Кентербери. Мы уже говорили о том, что в Средние века паломничество было одним из главных поводов посетить далёкие края. Инстинкт преклонения перед великими, который сегодня побуждает нас отправляться в Стратфорд-на-Эйвоне, чтобы увидеть дом Шекспира, или в Портсмут, чтобы посмотреть на то место, где Нельсон взошёл на борт «Виктори», инстинкт, который в наши дни заставляет поклонников протискиваться сквозь толпу в надежде заполучить автограф известного актёра или спортсмена, в Средние века был всецело поглощён религией. Искреннее восхищение деяниями святых породило желание

получить что-либо из оставшихся после них вещей или, по крайней мере, узреть реликвии: гребень, пару туфель, поясок, а ещё лучше — зуб или кость из останков святого. Постепенно сложилось убеждение, что таким вещам должны были передаваться достоинства и способности тех святых, которым они принадлежали: так родилась вера в чудодейственную силу реликвий. Церковь поощряла эти верования, и они прочно закрепились в народном сознании; мощи хранились в реликвариях, богато украшенных резьбой и сверкавших золотом и драгоценными камнями, такие реликварии стали главным украшением средневековых храмов и главным объектом поклонения для верующих. Подле них удивительным образом излечивались больные и увечные, то ли благодаря помощи святых, то ли силой собственной веры; весть о новом чуде, нередко преувеличивая факты, возвещали по всем городам и весям служители Церкви, которым приношения набожных паломников сулили немалую выгоду. Стоило мощам единожды обрести славу чудотворных, как к ним начинала тянуться вереница пилигримов. Не все паломники искали исцеления от телесных недугов, большинство рассчитывало извлечь пользу для души, ибо тем, кто приходил поклониться мощам святых (и делал денежные пожертвования), Церковь обещала некоторые уступки: прощение нескольких дней епитимьи в этом мире или сокращение на несколько лет срока пребывания в чистилище в мире ином; были и такие, кто просто любовался видами и находил, что паломничество — это прекрасный повод побывать в далёких городах и повидать заморские земли. Достигнув цели своего путешествия, паломники

обычно оставляли багаж и лошадей, если таковые были, на постоялом дворе и отправлялись в храм, где прохаживались, разглядывая монументы и гадая, что может быть изображено на витражах. Служители, состоявшие при храме, наверняка должны были обратить внимание посетителей на реликварий, показав им драгоценные камни, полученные в дар от королей и знатных господ; затем верующим предстояло узреть сами мощи и, возможно, они получали позволение приложиться к ним, при этом служители рассказывали паломникам о случаях чудесного исцеления, демонстрируя в подтверждение своих слов ряды развешанных в храме приношений, подаренных по обету теми, кто вновь обрёл подвижность в членах, спасся во время кораблекрушения или избежал иной опасности благодаря заступничеству святого. Помолившись святому заступнику и отблагодарив хранителей реликвий денежными пожертвованиями, паломники покупали свинцовые значки, на которых была отчеканена эмблема святыни: створка раковины была символом реликвий св. Иакова, буква «W» — Уольсингема, стрела — св. Эдмунда, а фигурка архиепископа — св. Томаса Кентерберийского. Эти значки паломники прикрепляли на свои шляпы в знак того, что они побывали у такой-то святыни. Нищие зачастую набирали множество подобных значков и упирая на то, что человек, который обошёл столько святых мест, неминуемо должен был сам преисполниться святости, вымогали у благочестивых людей милостыню, хотя на самом деле её не заслуживали. Вот как изображён типичный паломник, или пилигрим, в «Видении о Петре Пахаре»:

Странник облачён в одежды пилигрима, в руках
у него посох,

Стан опоясан широким кушаком, словно вокруг
него обвился вьюнок.

На боку у пилигрима фляга и сума,

А на шляпе — сотня свинцовых значков,

Среди множества значков есть крест с Синая,
раковина гребешка из Испании,

Скращенные ключи из Рима и изображение
Христа,

Память о странствиях пилигрима, по ним люди
могут узнать, каких святых он почитает.

Народ расспрашивает паломника, откуда он
пришёл.

«С Синая, — отвечает тот, — и ещё от Гроба
Господня,

Из Вифлеема, Вавилона, Александрии, Армении
и Дамаска.

Вы можете увидеть по значкам на моей шляпе,
Сколько добрых святых я повидал для блага своей
души,

Странствуя по белу свету в жару и под дождём.

Самым главным центром паломничества в Англии
была гробница Томаса Бекета в Кентерберии, богато
украшенная золотом и драгоценными камнями, стоим-
мость которых в то время, когда Генрих VIII завладел
имуществом Церкви, составляла на современные день-
ги около миллиона фунтов. В 1496 г. один итальянский
путешественник писал: «Надгробие св. Томаса Муче-
ника, архиепископа Кентерберийского, своим велико-
лепием превосходит всё мыслимое. Невзирая на огром-
ные размеры, оно полностью покрыто пластинами из

чистого золота, однако золото едва можно разглядеть из-за обилия драгоценных камней, которыми усеяно надгробие, это сапфиры, алмазы, рубины и изумруды; и куда ни упадёт взгляд, ему открывается нечто ещё более прекрасное, чем увиденное прежде. И все эти прекрасные дары природы приобрели ещё большее совершенство благодаря человеческому искусству, ибо на золоте вырезаны и выгравированы прекрасные узоры, крупные и миниатюрные, а из агата, яшмы и сердолика сделаны рельефные камеи, среди которых иные имеют такие размеры, что я не осмеливаюсь их назвать. Но ничто не может сравниться с одним рубином, величиной не больше, чем ноготь большого пальца, что помещён справа от алтаря. Церковь эта довольно тёмная, особенно в той части, где находится надгробие; к тому же, когда мы его осматривали, солнце уже клонилось к закату, а погода была облачной, и всё же я видел этот рубин так же ясно, как если бы держал его в руках; мне сказали, что это дар короля Франции». Не менее известным и не менее богатым, чем гробница Томаса Бекета, был реликварий Святой Девы в Уольсингеме, и почти так же привлекали паломников мощи св. Альбана, св. Эдуарда Исповедника (в Вестминстере), св. Эдмунда (в Бери) и св. Кутберта (в Дареме). Те же, кто питал склонность к приключениям, имели возможность совершить похвальный поступок и приобрести известное уважение в глазах мало путешествовавших соседей, посетив, невзирая на многочисленные неудобства и даже на опасности, святыни, находившиеся в далёких землях. Естественно, первое место принадлежало Святой Земле, Палестине, где было так много мест, ставших святыми, потому что они были связаны с житием Христа, а кроме

того, было немало мест, не столько привлекательных своею святостью, сколько просто любопытных: могилы большинства ветхозаветных праведников, пещера с постелями Адама и Евы и соляной столб, некогда бывший женой Лота. Следующее место по святости и по количеству достопримечательностей занимал Рим с его дюжинами храмов и тысячами реликвий. Не позднее первых лет XIV века появились первые путеводители с описанием святынь Рима, предназначавшиеся для паломников, и вне всякого сомнения они пользовались большим спросом. Однако самым распространённым видом паломничества в чужие земли было посещение гробницы св. Иакова в испанском городе Компостелла. Некоторые путешествовали туда по суше, но такой путь был очень долог, потому что нужно было ехать через всю Францию; большинство же добиралось морем, и доставка паломников из английских портов в Испанию была весьма процветающим делом. Нужна была немалая храбрость, чтобы плавать в беспокойных водах Бискайского залива на средневековых судёнышках, которые нынешним морякам, наверное, покажутся не более пригодными для мореплавания, чем створки моллюсков, служившие знаком пилигримов, повидавших мощи св. Иакова. Средневековые корабли с высоким носом и такой же высокой кормой, с одной-единственной мачтой, на которой крепился прямоугольный парус, почти не слушались управления, подчиняясь лишь дующим ветрам. Вплоть до конца XIV века кораблём управляли при помощи большого весла, прикреплённого справа от кормы, и хотя компас был известен уже в XII веке, широко им пользоваться стали только в самом конце Средневековья. Плавание

на корабле было лишено каких бы то ни было удобств, и хотя наши предки были народом мужественным, они так же страдали от морской болезни, как и мы. Один поэт XV века с юмором описывает морское путешествие к гробнице св. Иакова, живо рисуя перед взором читателя страдания бедных пилигримов:

Забудьте о всяких забавах,
Отправляясь к гробнице св. Иакова!
Ибо многие начинают горько сетовать,
Едва лишь корабль покинет порт.

Потому что, когда судно выходит в море
Из Сандвича или из Винчелси,
Из Бристоля или откуда-нибудь ещё,
Сердца путешественников перестают биться.

(Ниже следует вдохновенное описание того, как капитан выкрикивает свои команды и как матросы с громкими криками тянут фалы.)

И вот пилигримы лежат вповалку,
Не выпуская из рук сосудов,
И молят о горячей мальвазии,
Которая поддержала бы их силы.

Кому-то приходится довольствоваться ломтем
хлеба с солью,
Потому как он не может съесть что-нибудь
варёное или жареное.
Ведь за это придётся заплатить
Втридорога.

Иные раскрывают на коленях книгу
И читают, пока хоть что-нибудь можно увидеть;
«Увы! Моя голова раскалывается натрое», —
Сетует кто-то.

Мешок соломы радует путников,
Потому что некоторым приходится укладываться
на собственный капюшон.
С таким же счастьем я бы оказался в лесу
Без мяса и питья;

Ведь когда настало время укладываться спать,
Оказалось, что прямо у нас в изголовье находится
насос;
Мы чуть было все не передохли —
Такая стояла вонь!

Можно понять, почему многие верующие предполагали, чтобы вместо них паломничество совершил кто-либо другой, и посылали людей поклониться от своего имени святым местам и прочесть все положенные молитвы; некоторые поступали так ещё при жизни, но гораздо чаще этой возможностью пользовались после смерти. В средневековых завещаниях часто фигурируют суммы, предназначенные для подобных целей. Уже в 1274 г. лондонский горожанин Джеффри Годард оставил деньги, чтобы с первым организованным паломничеством отправить человека в Святую Землю, а в 1352 г. один лондонский купец завещал 20 фунтов стерлингов на то, чтобы было совершено паломничество либо к Гробу Господню, либо на Синайскую гору, и 7 фунтов стерлингов — на паломничество к гробнице св. Иакова. Век спустя некий йоркширский

священник позаботился о спасении своей души, распределив симпатии между многими святынями: он пожелал, чтобы паломничество было совершено к знаменитому распятию у северных дверей собора св. Павла, к другому распятию в Топ-Бэссит, к реликвариям Святой Девы в Уольсингеме, Линкольне, Гейсборо, Карлайле, Скарборо и Донкастере, к гробнице св. Томаса Кентерберийского, к мощам св. Этельдреды Илийской, св. Вильгельма Йоркского, св. Иоанна Беверлийского, св. Иоанна Бридлингтонского, св. Ниниана Виторнского в Шотландии и некоторых других святых. Екатерина Арагонская, разведённая супруга Генриха VIII, завещала деньги на посещение «Богородицы Уольсингемской», но едва успело отзвучать эхо молитв за упокой души бывшей королевы, как безжалостная рука её венценосного супруга обрушилась на Уольсингем и смела в королевские сундуки все сокровища этой святыни*.

---

* При Генрихе VIII в рамках английской реформации началась секуляризация монастырских богатств. (Примеч. ред.)

БИБЛИОГРАФИЯ

Я вовсе не намерен приводить здесь полный список изданий, освещающих различные вопросы, затронутые в моей книге. Мне представляется достаточно назвать лишь отдельные работы, которые, как я надеюсь, будут полезны и для студентов, и для преподавателей, желающих побольше узнать об исторических феноменах, лишь бегло очерченных мною. Многие из этих книг сами по себе содержат развёрнутую библиографию.

Поскольку лучше всего знакомиться со Средневековьем со слов очевидцев, я в первую очередь назову две книги одного автора: G. G. Coulton «A Medieval Garner» и G. G. Coulton «Social Life in Britain from the Conquest to the Reformation». Содержание обеих книг составляют выдержки из средневековых источников: разнообразные тексты, повествующие о различных сторонах жизни Англии, опубликованы на староанглийском языке или в переводе; в «Social Life» фрагменты упорядочены по тематике, тогда как «A Medieval Garner» не имеет строгой структуры и доставляет уму самую разнообразную пищу.

Из числа сочинений общего содержания, посвящённых жизни средневековой Англии в целом, достойны внимания книги H. W. C. Davis «Mediaeval England» и Traill «Social England», в которых читатель найдёт добротные статьи и великолепные иллюстрации. Прекрасно читаются и содержат много иллюстративного материала Miss Power «Medieval People» и Quennell «History of Every-day Things». Можно упомянуть также Cutts «Scenes

and Characters of the Middle Ages»; Abram «English Life and Manners in the Later Middle Ages»; Coulton «Chaucer and his England»; Trevelyan «England in the Age of Wyclif» и H. S. Bennett «The Pastons and their England».

О сельской жизни: Harold Peake «The English Village»; Seebohm «The English Village Community»; Vinogradoff «Villeinage in England» (для студентов с достаточной подготовкой); Orr «History of Agriculture»; Thorold Rogers «Six Centuries of Work and Wages».

О спорте и развлечениях: Strutt «Sports and Pastimes» (ed. Cox); Baillie-Grohman «The Master of Game» — известная книга об охоте, написанная в XV в. и снабжённая прекрасными иллюстрациями.

О городской жизни: Riley «Memorials of London» — огромное собрание выдержек из муниципальных архивов Лондона, где можно почерпнуть множество самых разнообразных сведений, а также опубликованные архивы других городов: Нориджа, Лейстера, Нортгемптона и Рединга; Miss Dormer Harris «Life in an Old English Town»; Mrs. Green «Town Life in the Fifteenth Century»; Gomme «The Making of London»; Besant «Medieval London»; Furley «Government of Winchester»; Hughes & Lamborn, «Town Planning».

О домашней жизни: Thomas Wright «Domestic Manners and Sentiments in England»; Hubert Hall «Court Life under the Plantagenets» и, конечно, «The Babees Book» (Early English Text Soc.) — интереснейший сборник, составленный из средневековых текстов по этикету и проч. с превосходными комментариями д-ра Ферниволла (Dr. Furnivall).

О религии: Gasquet «Parish Life» и «Monastic Life» — обе книги прекрасно читаются, однако написаны

с явными католическими пристрастиями, отчего нередко могут вводить читателя в заблуждение; Cutts «Parish Priests and their People»; Jessopp «The Coming of the Friars»; A. H. Thompson «English Monasteries»; а также хроника Жослена Бракелондского, написанная в XII в.

Об образовании: работы А. Ф. Лича (A. F. Leach) о школах и Рейта (Rait), Рэшдолла (Rashdall) и Басса Мюллингера (Bass Mullinger) об университетах.

Об искусстве и науке: стоит упомянуть труды по архитектуре Фрэнсиса Бонда (Francis Bond), К. Дж. Кокса (C. J. Cox) и проф. Летаби (Prof. Lethaby); A. H. Thompson «The English Parish Church» и «Military Architecture»; Parker & Turner «English Medieval Domestic Architecture»; E. S. Prior «English Medieval Art»; «Medieval Figure Sculpture» того же автора, а также Crosley «English Church Monuments» и том «Westminster Abbey», изданный Королевским комитетом по национальным памятникам, — три великолепно иллюстрированных альбома по истории английского искусства.

О литературе: Pearsall Smith «The English Language»; Ker, «English Literature — Medieval»; Jusserand «Literary History of the English People», а также работы типа «The Cambridge History of English Literature». Тем, кто желает непосредственно познакомиться с произведениями средневековых авторов, можно посоветовать издания «Early English Text Society», каждая такая книга вмещает целую библиотеку, а в предваряющих тексты статьях и в комментариях содержится бездна сведений.

О законах и проч.: большинство работ по этой тематике предназначены для специалистов, например, Pollock & Maitland «History of English Law». «The Court Baron» (Selden Soc.) содержит живое описание

манориального суда в действии, и можно немало узнать о средневековом законодательстве и судебной практике из опубликованных архивов различных городов, о которых уже говорилось выше.

О производстве и торговле: Salzman «Medieval English Industries»; работы Эшли (Ashley), Каннингема (Cunningham) и Липсона (Lipson) по экономической истории; C. M. Waters «Economic History of England»; Unwin «Gilds and Companies of London».

О военном деле: J. Morris «The Welsh Wars of Edward I»; Oman «History of the Art of Warfare»; Demmin «History of Arms and Armour»; Foulkes «The Armourer and his Craft»; Sir Guy Laking «Arms and Armour» — пять впечатляющих томов.

О геральдике: статья на эту тему в «Encyclopaedia Britannica» и работы сэра Вильяма Сент-Джона Хоупа (Sir William St. John Hope).

О женщинах: T. Wright «Womankind in Western Europe»; Miss Power «English Nunneries».

О путешествиях: Jusserand «English Wayfaring Life in the Middle Ages»; Hakluyt «Voyages», vol. I.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Введение</i>	7
Глава 1. Сельская жизнь.....	24
Глава 2. Городская жизнь.....	53
Глава 3. Домашний быт.....	82
Глава 4. Церковь и религия.....	104
Глава 5. Воспитание и образование.....	132
Глава 6. Литература.....	153
Глава 7. Искусство и наука.....	179
Глава 8. Военное дело.....	196
Глава 9. Закон и порядок.....	232
Глава 10. Производство, торговля и финансы	256
Глава 11. Женщины	277
Глава 12. Путешествия	295
Библиография	314

Научное издание

Зальцман Льюис Френсис

**ЖИЗНЬ АНГЛИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Главный редактор *В. Ю. Трофимов*
Корректор *Н. К. Исупова*
Верстка *М. В. Петрова*

Подписано в печать 12.06.14.
Формат 84х108/32.
Усл. печ. л. 14,7. Гарнитура «PT Serif».
Бумага офсетная № 1.
Тираж 1000 экз. Заказ № 442

ООО «Издательство „ЕВРАЗИЯ“»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86, пом. 106
www.eurasiabooks.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru
т/ф. 8 (496) 726-54-10

Перед вами — книга о повседневной жизни в средневековой Англии, стране, всегда занимавшей особое место среди государств Западной Европы. Л. Ф. Зальцман, известный историк-медиевист, написал о самых значимых проблемах средневековой повседневности — домашнем быте, преступлении и наказании, войнах, путешествиях, болезнях, привычках и обычаях, гастрономических пристрастиях, архитектуре и науках. Прекрасный знаток средневековья, Л. Ф. Зальцман создал широкое и увлекательное полотно жизни средневекового англичанина, показав, как из века в век менялась окружавшая его политико-экономическая и культурная атмосфера. Особенную живость и увлекательность книге придает умение автора излагать материал так, словно он пишет роман, а не историческое исследование. Благодаря исключительному дару рассказчика, присущему английскому историку, на страницах его книги словно живые встают действующие лица той эпохи — короли, рыцари, горожане и крестьяне, путешественники и монахи, стражники и разбойники. Автор приводит целую палитру персонажей средневековой эпохи в Англии — от Ричарда Львиное Сердце до Робина Гуда, — изучая их надежды и устремления.

ISBN 978-5-91852-092-5

9 785918 520925